КАМЕРА СМЕРТНИКОВ

TRUE CRIME TRUE CRIME TRUE CRI

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

РАССКАЗ ЧЕЛОВЕКА, СТАВШЕГО СВИДЕТЕЛЕМ 280 КАЗНЕЙ

МИШЕЛЬ ЛАЙОНС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Техас – один из штатов, где высшей мерой наказания по-прежнему остается смертная казнь. И Мишель Лайонс по долгу службы приходилось общаться с сотнями приговоренных к смерти. Это были обычные люди, совершившие бытовые убийства, и маньяки-психопаты, и насильники, и чересчур далеко зашедшие однажды «домашние тираны»… Как они жили в ожидании неминуемой гибели? Как проводили последние часы? Почему одни искренне раскаивались в содеянном, а другие оставались монстрами до последней секунды? Мишель Лайонс поделится случаями из личной практики. Теми историями, что заставят задуматься, вершит ли общество правосудие, предавая смерти убийцу? Справедливо ли казнить за преступление, совершенное в юности, того, кто за годы тюремного заключения стал действительно другим человеком? И можно ли оставлять в живых чудовище, убивавшее просто ради извращенного удовольствия?..

- Мишель Лайонс
  -
  -
  - Предисловие автора
  - Пролог. Единственная слезинка
  - Глава 1. Отход ко сну
  - Глава 2. Просто работа
  - Глава 3. На развилке
  - Глава 4. Это же Ларри!
  - Глава 5. Праздник – навсегда
  - Глава 6. Странноватый тип
  - Глава 7. Посмотрите получше
  - Глава 8. Быть может, боль прекратится
  - Глава 9. Страшное место
  - Глава 10. Чуть мрачнее
  - Глава 11. Украденное время
  - Глава 12. Все вывалилось
  - Глава 13. И другие скорбят…
  - Глава 14. День, прожитый даром
  - Эпилог. Помнить о своей работе?
  - Выражение признательности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Мишель Лайонс
Камера смертников. Последние минуты

Michelle Lyons
DEATH ROW: THE FINAL MINUTES
MY LIFE AS AN EXECUTION WITNESS IN AMERICA'S MOST INFAMOUS PRISON

© Michelle Lyons, 2018 Школа перевода В. Баканова, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Маме, папе и брату – за то, что сделали меня такой, какая я есть.

Моей дочери – за то, что помогла понять, кем я хочу быть.

Предисловие автора

Книга эта по большей части о том времени, когда моя работа – сначала в качестве журналистки, затем пресс-представителя – была связана с техасским Департаментом уголовного судопроизводства; я не написала бы ее без моего дорогого друга и бывшего коллеги Ларри Фицджеральда, чьи мысли я тут часто привожу. Я должна также поблагодарить Эда Хэнкокса, снявшего о Ларри документальный фильм для Би-би-си («Человек, видевший 219 казней»). Моя книга родилась благодаря этому фильму. Интервью, любезно мне предоставленные Эдом Хэнкоксом, просто неоценимы. Всего мы с Ларри посетили почти 500 казней, многие из них вместе. Он был моим наставником и прекрасным человеком, он навсегда останется символом техасской тюремной системы. Это повествование не только мое; оно в такой же степени принадлежит и Ларри.

Мишель Лайонс, май 2018 года

Пролог. Единственная слезинка

Я не помню ни его имени, ни какое он совершил преступление, ни из какого округа Техаса он родом, однако черты его лица свежи в моей памяти, словно казнь была вчера. Чернокожий, среднего возраста, с гордо выступающим подбородком. Больше всего мне запомнилось его одиночество. Никаких родственников, никаких друзей – никакой поддержки. Может, он сам не хотел, чтобы они пришли, а может, они не пожелали, а скорее всего у него просто никого не осталось.

Со стороны жертвы тоже никто не присутствовал. По крайней мере, насколько мне помнится. Либо они боялись, либо не могли позволить себе такую поездку, а возможно, прошло так много времени, что никого не удалось найти.

Как бы то ни было, за тем, как он лежал и смотрел в потолок, пристегнутый к кушетке и с иглами в обеих руках, наблюдали только два репортера, включая меня, и сотрудник тюрьмы.

По сторонам он не смотрел. Да и зачем? Знакомых у него здесь не было. Только начальник тюрьмы, стоявший у изголовья, и священник, положивший руку ему на колено. Начальник шагнул вперед и спросил, не хочет ли он произнести последнее слово, а человек на кушетке чуть заметно покачал головой, ничего не сказал и только заморгал. И тогда я увидела: в уголке правого глаза у него блестела слезинка. Слезинка, которую он отчаянно пытался сморгнуть. Она на миг задержалась – и скатилась по щеке. Эта слезинка тронула меня сильнее любых слов. Начальник дал сигнал, и раствор потек в вены; человек на кушетке кашлял, брызгал слюной, потом затих. Вошел врач, объявил, что приговоренный умер, и накрыл ему голову простыней.

Поскольку я хорошо помню лицо казненного, то, наверное, смогу, порывшись среди своих документов, найти его имя. Только я не хочу знать ни его имени, ни что и где он совершил. Это все неважно. Я помню казнь – и с меня довольно. Никогда больше я не увижу никого столь одинокого и всеми забытого.

Когда я присутствовала на казнях, в том числе и женщин, – сначала как репортер, потом как работник тюремной системы, – я не позволяла себе пускаться в самокопание. Глядя в свои старые записи, я вижу, что меня многое волновало. Однако я была молодая, самоуверенная, и все вокруг казалось белым или черным. Любые мрачные сомнения я мысленно складывала в чемодан и задвигала его в самый дальний уголок сознания. Начни я анализировать, что чувствую, наблюдая казни, или

разбираться в оттенках переживаемых эмоций, разве смогла бы я месяц за месяцем, год за годом, вновь и вновь приходить в эту комнату? А если бы я разрыдалась? Или кто-то заметил бы страх в моих глазах? Я просто обязана была отключать эмоции. Притупление чувств спасало меня и помогало работать дальше. Но в конце концов мой чемодан переполнился, – пришлось сесть на него и придавить крышку.

Лишь когда я ушла из тюремной системы, – посетив за одиннадцать лет не менее 280 казней, – задумалась всерьез о том, что мне довелось пережить.

Бывало, увижу пластиковый контейнер с фруктовым пуншем – и вспоминаю, что такие давали осужденным в день казни; или открываю пакетик чипсов – и вспоминаю запах комнаты смерти. Или какая-нибудь радиопередача напомнит о беседе, состоявшейся у меня с приговоренным за несколько часов до его казни. Я представляю себе того человека на кушетке с его единственной слезинкой или мать детоубийцы Рики Макгинна. Больная и старая, прикованная к инвалидному креслу, миссис Макгинн приехала на казнь сына в нарядном цветастом платье и в жемчугах. Когда Макгинну пришло время сказать последнее слово, она выбралась из кресла и прижала к стеклу морщинистые руки – хотела, чтобы сын непременно ее увидел, прежде чем заскользит в пустоту.

Маленькой девочкой, лежа ночью в постели, я порой плакала о своих близких, которые когда-нибудь умрут. До сих пор помню светло-зеленые стены моей спальни и звук телевизора на первом этаже. Я включала у себя радио, надеясь, что музыка прогонит мысли о смерти. Через открытую дверь я смотрела в освещенный коридор, и по лицу у меня текли слезы. Ни разу мне не пришло в голову спуститься и рассказать маме с папой о своих страхах – то была только моя тайна.

Утешала меня вот какая мысль: когда мы все умрем, встретимся на небесах. К чему бояться смерти любимых, если она не разлучит нас навсегда? Мы встретимся, это лишь вопрос времени.

С возрастом страх смерти трансформировался в боязнь забвения. В этом я виню свою первую школьную любовь. Мы расстались, когда я вместе с родителями переехала из Техаса в Иллинойс, а через несколько недель он уже встречался с другой девушкой. Я была подавлена. Видимо, я не такая уж особенная. Как можно так сильно меня любить – и так быстро забыть? Глупо, конечно, но это еще много лет выбивало меня из колеи. Всякий раз, расставаясь с людьми, я думала: «Хорошо ли я себя показала?

Будут ли обо мне помнить?» Поэтому я хочу, чтобы после смерти меня кремировали, а мой прах развеяли. Ничего нет печальнее могилы, к которой никто не приходит. Заброшенной и никому не нужной – как тот человек, чье имя я не могу вспомнить.

Глава 1. Отход ко сну

…ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека.

Лев Толстой о казни Франсуа Ришё, 6 апреля 1875 года

Это у меня была первая казнь, и я чувствовала себя совершенно нормально. Люди то и дело спрашивали, как я. Да все в порядке. Хотя на самом деле мне уже становилось не по себе: я, видимо, должна волноваться, а раз не волнуюсь, меня, наверное, сочтут бессердечной?

Дневник Мишель, запись о казни Хавьера Круза, 1 октября 1998 года

Один заключенный мне сказал, что я приношу свет в отделение смертников. И не только он. Знаете, как много людей говорили мне, будто я излучаю свет? Недавно, во время поездки в Лондон, моя коллега сказала, что ей нравится со мной работать, потому что у меня «неподдельный энтузиазм». Многие говорят мне, что я увлекаюсь, как ребенок, что я энергична и всегда радуюсь. Отчасти это так. Я могу искренне восхищаться кубиками льда, веерами, жареной картошкой, светящимися игрушками, сувенирными чашками, да чем угодно, было бы оно яркое и блестящее. В настольных играх я достигла невиданного мастерства и никогда не поддаюсь детям. Мне нравятся «Мусорщик идет на охоту», детективные игры, квесты. Я позволяю всем думать, что такова моя сущность, поскольку не люблю разочаровывать людей – как бы ни разочаровывали меня другие люди или жизнь. Я собираю друзей за столом, угощаю

коктейлями, развлекаю остротами и всякими историями, – ведь они привыкли получать от меня именно это. Я пускаюсь шутить, потому что мне неуютно, когда речь заходит о серьезном. И я до смешного самокритична, особенно если дело касается тем для меня болезненных. Однако наедине с собой я плачу гораздо чаще, чем люди могут представить.

Есть у меня внутри темный чуланчик – иногда эта тьма меня переполняет, заставляет отгородиться от всего мира. Именно так я себя теперь чувствую, – думаю о том, что довелось увидеть и услышать в камере смерти. И по лицу у меня текут слезы.

Родиться на острове Галвестон – не пустяк. В Техасе часто спрашивают: «Вы на Острове родились?» – подразумевая Галвестон. У меня даже есть наклейка на машине, указывающая, что я уроженка Галвестона. Мой брат родился на материке, и я люблю говорить, что ему по этой причине до меня далеко.

Галвестон – дивное место для ребенка. По-своему очень спокойное. Летом я трудилась в сувенирной лавочке, а мои друзья подрабатывали спасателями или торговали гамбургерами.

Мы жили на идущем вдоль дамбы бульваре, в квартире с видом на пляж, а еще у нас был домик в горах – его выстроил из чего попало мой отец вместе со своим отцом и братьями. Электричества там не было, а была дровяная печь и здоровенная цистерна для дождевой воды. Домик стоял в глуши, и там обитали скорпионы, змеи и разнообразные букашки. Для развлечения имелся только большой радиоприемник, который работал круглые сутки, играя кантри. Мне было там очень хорошо и спокойно – свернусь калачиком в постели и слушаю, как внизу взрослые режутся в карты, разговаривают, смеются, и тихонько играет радио.

Мой отец начинал работу журналистом в городе Галвестон, – там он и познакомился с мамой. Он был молодой и лихой полицейский репортер, а она – молоденькая хорошенькая служащая полицейского отделения. Помню, как он возвращался домой из редакции «Галвестон дейли ньюс», и я его обнимала, вдыхая отрадный запах газетной краски. Я и теперь люблю этот запах.

Когда мне было шестнадцать, мы переехали в Иллинойс: отец получил там место издателя «Бентон ивнинг ньюс». Бентон – небольшой городок с населением меньше десяти тысяч, успевший, однако, снискать злую славу. Незадолго до нашего переезда в городе с особой жестокостью была убита семья Дардин – четыре человека. Отца обнаружили мертвым среди поля с собственными гениталиями во рту, а мать и сын были забиты

насмерть в своем же трейлере. Что еще страшнее – во время избиения у женщины произошли роды, и младенца тоже жестоко убили.

По капризу судьбы мне потом довелось беседовать в отделении смертников с одним из главных подозреваемых – неким Томми Селлзом, за которым числилось около двадцати убийств.

Переезд в Бентон означал разрыв с моим бойфрендом и утрату первой любви, но скоро нашлась другая любовь – работа в фотолаборатории «Бентон ивнинг ньюс», хотя я еще доучивалась в школе. Каждый день в шесть утра я шла на работу, фотографы приносили пленки, а я их проявляла. Руки у меня пестрели пятнами от реактивов, я перепортила себе почти всю одежду, зато от работы была в восторге. В семнадцать я стала фотографом – снимала пожары и дорожные аварии. Мне это не составляло труда; лишь однажды, когда меня послали на аварию, в которой пострадала моя одноклассница, я растерялась и побоялась подойти ближе.

Папа сказал:

– Нужно подойти.

А я в ответ бросила:

– Не могу! Я ее знаю!

Сунула ему камеру и ушла.

Потом папа мне внушал, что я, как журналист, то и дело буду сталкиваться с разными неприятными вещами, но все равно должна делать свою работу – доносить до людей новости, ведь именно за это мне и платят. И я поняла: он прав. Я делаю работу, и делать ее следует как можно лучше, даже если приходится снимать кого-то знакомого, кто сильно пострадал.

Мои родители хотели, чтобы я стала журналисткой, но я же была юной бунтаркой – вот и решила учиться на предпринимателя в Техасском университете A&M. Я сама не знала, каким желаю заниматься бизнесом, зато представляла, как расхаживаю в дорогущих костюмах и безудержно богатею. После первых же занятий по математической экономике я поняла, что совершенно для этого не гожусь. И тогда стала посещать занятия по журналистике – просто посмотреть, понравится ли мне. И мне еще как понравилось! Я выбрала журналистику в качестве главного предмета, и наш замечательный профессор Эд Уолревен пристроил меня на работу в местную газету – «Брайан-колледж стейшн игл». Теперь пути назад не было.

Я думала делать обзоры ресторанов, а вместо этого пришлось писать некрологи. Я брала в похоронном бюро образцы и расписывала биографии покойных – иногда увлекательные, но по

большей части довольно серые. Как-то я получила задание поработать в качестве полицейского репортера; я писала о побеге из тюрьмы на Рождество и про взрыв на нефтепромыслах в маленьком городке под названием Дим-Бокс. Взрывом убило рабочего; он стоял на платформе, к чему-то прислонившись, и погиб на месте. Тело не могли убрать из-за пожара, и целый день оно горело, превращаясь в корявую черную статую. Ужасное зрелище, но кто-то должен освещать и такие новости. И хотя я еще училась в колледже, уже работала полицейским репортером и старалась быть репортером хорошим, не позволяла происходящему выбить меня из колеи.

Оглядываясь назад, я понимаю: мне суждено было рано или поздно иметь дело со смертями, – есть во мне темная сторона, и чувство юмора у меня своеобразное. Меня всегда интересовали преступления, а Техас – настоящая кладезь жутких криминальных историй. Еще мне нравятся тайны, головоломки, хитрые задачи – словом, все, что требует разгадывания. Наверное, оттого мне интересны умные, сложные, многомерные личности. Что ими движет? Почему они мыслят так, как мыслят? Почему совершают такие поступки? А в тюремной системе есть множество людей, чей мозг работает иначе, чем у большинства.

После работы в «Чикаго сан-таймс» и в газете города Ливенворта, штат Канзас, мой отец занял пост издателя газеты «Хантсвилл айтем» – в семидесяти милях к северу от Хьюстона и сорока минутах от городка Колледж-Стейшен, где я училась. С редактором «Хантсвилл айтем» я познакомилась в 1998 году на ярмарке вакансий: узнала, что редакция ищет сотрудника, прошла собеседование – и получила работу. Отец ничего не знал. К нему пришел главный редактор и сообщил хорошую новость:

– Мы нашли репортера.

– Отлично, а кто это?

И редактор сказал, что это я.

Позже отец признался, что ему тогда стало не по себе: если он не будет ко мне достаточно строг, все подумают, что он со мной либеральничает. Он решил быть строгим.

Вначале я занималась городскими делами, причем задания получала самые разные, например освещать новости местной больницы или писать тематические статьи. Газета была маленькая, в ней работали всего три репортера, поэтому нередко приходилось писать три – пять статей в день. Я вдруг почувствовала себя важной птицей, и мне это нравилось.

Однажды сотрудница, освещавшая дела техасского Департамента уголовного судопроизводства (или, говоря короче, Департамента), не смогла присутствовать на процедуре казни, и

меня попросили ее заменить.

Смотреть казнь приглашают не только родственников убийцы и его жертвы: в комнате свидетелей могут присутствовать пять репортеров, и один из них – из «Хантсвилл айтем».

Отец вызвал меня к себе в кабинет и спросил: «Справишься с таким делом?» Я пообещала, что проблем не будет.

Женщина, которую я заменила, вкратце рассказала, что меня ждет: мне нужно прийти в расположенное напротив тюрьмы офисное здание и встретиться там с неким Ларри Фицджеральдом, руководителем отдела внешней информации Департамента. Он отведет меня в свой кабинет, где мы будем сидеть, пока нас не вызовут. Потом меня проводят в комнату для свидетелей, а приговоренный уже будет лежать на кушетке с катетерами в венах. Он произнесет последнее слово, потом уснет – и я ухожу в редакцию писать статью. Так мне сказали, – и так все и произошло.

В 1991 году Хавьер Круз убил в Сан-Антонио двоих стариков; входя в комнату для инъекций, я подумала: «Хм-м, этот тип забил молотком стариков, а его теперь просто усыпят?» Сама казнь до такой степени мало меня волновала, что я практически не запомнила подробностей. Я вернулась в редакцию, отец поинтересовался моим самочувствием, и я сказала: «Все нормально, пойду писать статью». Управилась я меньше чем за час. Мне было двадцать два года.

> В четверг вечером сорокаоднолетний Хавьер Круз был предан смерти; глядя на своих родных и повторяя «Я в порядке», он упустил шанс произнести последнее слово.
>
> Он – пятнадцатый из казненных в этом году в Техасе.
>
> *Из статьи Мишель о Хавьере Крузе, «Хантсвилл айтем», 2 октября 1998 года*

Глава 2. Просто работа

Смертная казнь – мера несправедливая, деспотичная, рискованная и неотделима от расовой дискриминации и судебных ошибок.

Бьянка Джаггер, активистка борьбы за отмену смертной казни

Он все повторял: «Я уже убил троих и тебя убью».

Лиза Блэкберн, последняя жертва Гэри Грэма

После проходивших в Хантсвилле в 2001 году съемок фильма «Жизнь Дэвида Гейла» Кейт Уинслет дала интервью, в котором назвала город «одной гигантской тюрьмой» и все толковала об «остром ощущении смерти».

Это совершенно несправедливо. Грубо говоря, нелепая чушь. Сильно сомневаюсь, что она много ходила по городу. Как-то не видели ее на улицах и в кафе; да и создатели фильма вряд ли основательно изучали Хантсвилл. Кейт мы видели один раз, когда снималась финальная сцена. Ее героиня, пытаясь предотвратить казнь, пробегает расстояние, которое в реальной жизни составляет километров тридцать, падает и кричит, чтобы казнь остановили. Я стояла среди прочих зрителей – и скептически покачивала головой. В какой-то момент Кейт достало, что на нее таращится столько народу, и нам пришлось разойтись. Наверное, мы мешали ей войти в образ.

Ее критику я приняла близко к сердцу, потому что город был ко мне добр. Хантсвилл с населением, согласно последней переписи, 38 548 человек находится между Хьюстоном и Далласом – и это его главный козырь. Однако Хантсвилл и сам по себе красивый город, окруженный грядами холмов и деревьями – теми самыми соснами, из которых состоит техасский лесной массив.

Места у нас очень живописные, и если не знать, что здесь расположено семь тюрем и город наш европейские СМИ прозвали всемирной столицей казней, вы вполне приятно проведете время

и ничуть не разочаруетесь. В Хантсвилле нет тяжелой, отрицательной энергии, которая, бывает, виснет над местностью, как черный туман. Это типичный американский городок, где на Рождество улицы украшают гирляндами, а в дни государственных праздников – флагами, и где на каждом углу церкви.

Когда я оказалась в Хантсвилле, думала прожить здесь месяцев шесть, а потом переехать в какой-нибудь большой город. Шесть месяцев превратились в год, год – в пять, потом в десять. И вот уже прошло двадцать лет, и я ничуть не жалею.

Тюрьма «Стены» (так прозвали тюрьму Хантсвилл[1] за ограду из красного кирпича) была открыта в 1849 году и является, таким образом, самой старой государственной тюрьмой в Техасе.

До 1924 года наиболее распространенным способом казни было повешение, и каждый округ сам приводил приговор в исполнение. С 1924 года все казни штата осуществляются в специальной камере тюрьмы Хантсвилл. С 1924 по 1964 год на электрическом стуле был казнен 361 человек. Первым через это прошел Чарльз Рейнольдс из округа Ред-Ривер, а последним – Джозеф Джонсон из округа Харрис. В 1972 году Верховный суд объявил, что смертная казнь противоречит Конституции, поскольку является жестокой и противоестественной. Не прошло и двух лет, как Техас к ней вернулся, а с 1977 года в качестве ее нового способа утвердил смертельную инъекцию. Чарли Брукс в 1982 году стал первым приговоренным, которого казнили этим новым, не столь эффектным, способом.

Поскольку тюрьма «Стены» выстроена уже давно, вокруг нее успел вырасти целый город, и тюремная система – главный здешний работодатель. За ней идет университет, имеющий, кстати, уклон в область уголовной юстиции. Со всего мира люди едут в Университет Сэма Хьюстона – изучать исправительную систему.

Говорят, Хантсвилл – единственное место в Техасе, которого не коснулась Великая депрессия, потому что заключенных было полно, возможно, даже больше обычного – ведь бедность ведет к росту преступности.

В Хантсвилле всякий так или иначе имеет отношение к тюремной системе. Если человек сам не работает на Департамент, то работает его жена, или муж, или брат, или сестра. Работников тюрьмы вы встретите по всему городу; форма у них серого цвета или же брюки серые, а рубашка голубая с гербом штата.

Городские магазины делают скидки для работников тюрем и обслуживают освобожденных. Когда заключенного выпускают условно-досрочно, ему выдают одежду – как правило, довольно плохонькую. Еще он получает чек на пятьдесят долларов.

Магазины предлагают его обналичить, и потом ему продадут недорогие майки, футболки, банданы – в общем, практически все необходимое.

Хотя тюрьма Хантсвилл расположена недалеко от городка Колледж-Стейшен, где я училась, и мне было известно, что там казнят приговоренных, я никогда особенно не задумывалась о смертной казни, пока не увидела смерть Хавьера Круза на кушетке для инъекций. Впрочем, и после того, как я увидела смерть Хавьера Круза, я тоже не сильно задумывалась. Я была сторонницей казни и считала, что это вполне подходящая кара за некоторые преступления – изнасилование, убийство, детоубийство. Если человек изнасиловал и убил ребенка, значит, с ним изначально что-то не так, и его душу уже не спасти.

В Техасе применяют смертную казнь, но много мы на эту тему не дискутируем. Здесь – как и с другими социальными проблемами – люди стараются держаться подальше от того, что не касается их лично. Для большинства техасцев смертная казнь – абстрактное понятие, о котором можно порой посудачить в компании. Для меня, однако, оно стало вполне реальным, когда в январе 2000 года я начала писать для «Хантсвилл айтем» на тюремные темы.

В 1995 году Джордж Буш стал губернатором Техаса, и после некоторого затишья (в 1996 году в штате исполнили только три смертных приговора) комната смерти опять стала востребована. В 1997 году здесь казнили 37 человек, затем, в 1998-м – 20, в 1999-м – 35. Дальнейшего, правда, я предвидеть не могла. За первый же месяц работы по тюремной тематике я посетила пять казней. В 2000 году в тюрьме Хантсвилл смертельную инъекцию получили 40 человек, в том числе и женщины. Это рекордное число казней в году для одного штата и почти столько, сколько их совершилось во всех остальных штатах, вместе взятых.

Первая казнь, на которой я присутствовала в новом качестве, была казнь Эрла Карла Гейзелбеца-младшего, убившего в 1991 году в округе Сабин молодую женщину и ее двухлетнюю дочь. Его последние слова: «Всех вас люблю, увидимся на той стороне».

Когда я просматриваю в своем дневнике давние заметки, в глаза мне прежде всего бросаются вещи самые обыденные. Например, что Гейзелбец «так и не снял очки». Что у Бетти Лу Битс (она была второй женщиной, казненной в Техасе со времен Гражданской войны), убившей двух мужей и стрелявшей еще одному в спину, «изящные маленькие ножки». Что Джеффри Диллингэм, бандит, перерезавший горло женщине в Форт-Уорте, – «симпатичный, и у него ямочки на щеках».

Некоторые заключенные напоминали моих знакомых.

Спенсер Гудман, убивший жену Билла Хэма, менеджера рок-группы «ZZ Top», «похож на моего приятеля Джереми Джонсона – у них одинаковое телосложение и ступни одинаковой формы». Оделл Барнс-младший, казненный в 1989 году за изнасилование и убийство в Уичито-Фолс, «похож на звезду известного ситкома». Ориен Джойнер, убивший в 1986 году в Лаббоке двух официанток, «страшно напоминает Пингвина из “Бэтмена”». Томас Мейсон, который в 1991 году убил мать и бабушку своей бывшей жены, – «копия моего дедушки: те же помаргивания и судорожные движения». Как и Мейсон, мой дедушка – из тех упертых стариков, что всегда при оружии и вечно грозятся кого-нибудь пристрелить. С одной только разницей: мой дед никого не пристрелил.

Психолог, наверное, нашел бы объяснение «двойникам» на смертной кушетке; например, что я подсознательно пытаюсь как-то очеловечить этих страшных людей и тем самым смягчить впечатление от происходящего, но, думаю, я просто была по-детски беспечной. Меня не огорчало, что Томас Мейсон напоминает моего дедушку, ведь он все равно не мой дедушка.

Когда я поселилась отдельно от родителей – как раз перед тем, как начала посещать казни, – я все боялась, что приду домой, а в шкафу у меня кто-нибудь прячется, – причем боялась буквально до потери рассудка. Можете сказать: «Такого в жизни не бывает!» Но одна из первых моих казней как раз свершилась над таким преступником. Джеймс Клейтон пробрался в квартиру незнакомой женщины, спрятался в шкафу, а когда хозяйка вернулась домой, он ее убил, – и все потому, что его подружка пригрозила с ним порвать. Сразу после казни Клейтона я пошла и написала статью, а потом – прямиком в бар.

Как-то раз в комнате для свидетелей родственники осужденного принялись упрекать нас: мол, вы, журналисты, «тоже часть машины для убийства». Меня и это не задело, я смотрю на вещи иначе. Я – всего лишь репортер, я пишу о том, что вижу. Я не имею отношения к происходящему. В такой профессии молодость – большое преимущество. Я начинала в двадцать четыре, а значит, мне куда легче было абстрагироваться от ситуации и разложить по полочкам то, что я видела.

Друзья шутили над моей работой, слали дурацкие письма и эсэмэски. Но и хьюстонские полицейские – люди, которые имеют дело с ранами, убийствами, расчлененкой, – не раз мне говорили, что не пойдут смотреть казнь даже за деньги.

Мой брат, повидавший в поездках по Ираку вещи и похуже, не понимал, как я могу снова и снова входить в комнату смерти и наблюдать, как умирают люди. Зато я, – не сочтите за пустую

болтовню, – никогда не смогла бы зарабатывать, скажем, стрижкой волос. Если я во время еды вижу чей-то волосок – начинаю давиться. Одна из моих лучших подруг – парикмахер, и я порой ее спрашивала: как ты можешь этим заниматься? Наверное, что одному хорошо, другому – ад; думаю, каждый запрограммирован для какой-то определенной работы.

Когда в тюрьме меня узнали получше и поняли, что нервы у меня крепкие, стали показывать фотографии заключенных, совершивших самоубийство, в том числе одного смертника, который перерезал себе горло, да так, что голова едва держалась. Меня и это не выбило из колеи. Любой журналист – во всяком случае, хороший – способен дистанцироваться от происходящего, быть бесстрастным и внимательным. Наблюдение за казнью – часть моей работы; и только я за порог – сразу о ней забываю.

Есть, однако, в моем дневнике записи, судя по которым, не так уж хорошо я справлялась. Кое-где я буквально впадаю в паранойю. Вот после нескольких казней мне вдруг начинает мерещиться запах комнаты смерти. Я улавливаю его в кабинете отца, открывая пакетик «Читос», а иногда мне вдруг кажется, что этот запах пропитал мою жевательную резинку. Я думала, дело в химикатах, которые используются для инъекций, – но это невозможно, ведь жидкости находятся в шприцах. Или вот: после очередной казни я буквально паникую: «Вдруг мои собственные легкие откажут из-за того, что я надышалась этими химикатами?» Запах был отвратительный, и никогда в жизни мне больше не хотелось такое нюхать. Поэтому я радовалась, если приговоренному после последней трапезы кто-нибудь протаскивал потихоньку сигарету, – уж лучше пусть пахнет дымком.

Все-таки хорошо, что я вела дневник, а то бы сейчас рассказывала направо и налево, как, будучи молодым репортером, наблюдала казни совершенно равнодушно. Дневник – свидетель моих переживаний, существование которых я так долго отрицала.

Вот Билли Хьюз – первый смертник, у которого я брала интервью, и первый из моих интервьюируемых, чью казнь я потом наблюдала. Он очень хорошо говорил, был умный и приятный, и много чего успел за двадцать четыре года тюремной жизни (в истории Техаса – второй по длительности срок, проведенный в отделении смертников). Учился и получил два диплома, переводил книги в систему Брайля, организовал бизнес по изготовлению открыток, написал путеводитель для путешествующих верхом, нарисовал комикс и был активистом движения против смертной казни.

Перед казнью его духовный наставник передал мне, что Хьюзу понравилась моя статья о нем, и, если верить дневнику, это меня окрылило. Видимо, я чертовски гордилась, что моя статья – последнее или предпоследнее, что он читал. Однако позже мать его жертвы назвала Хьюза манипулятором, и я подумала – может, он и мной манипулировал? Потом Ларри мне рассказал, что Хьюз, по его же собственным словам, не заслужил с моей стороны хорошего отношения, и я пала духом. Хотя и предполагали, что Хьюз взял на себя вину жены, его все равно признали виновным в убийстве полицейского и казнили, и мне не следовало писать все подряд, что говорит заключенный.

Вот Уильям Китченс, казненный за изнасилование и убийство Патриции Уэбб в 1986 году в Абилине. Когда он произносил последнее слово, во мне, если верить дневнику, бурлили чувства: его извинения звучали так искренне…

Вот еще некий Оливер Круз, – его казнили после другого заключенного в тот же самый вечер. В тюрьме это называется «двойная укладка». Первым казнили Брайана Робинсона, заколовшего своих соседей-стариков, – настоящий был мерзавец. Когда ему начали вводить препарат, он обратился к родственникам убитых: «На обратном пути давайте поаккуратнее. А то еще опрокинетесь и убьетесь». Таковы были его последние слова.

Через двадцать минут мы вернулись в комнату для свидетелей и слушали, как Оливер Круз в слезах каялся перед близкими своей жертвы. Он был невысокий и на вид совсем юный; даже усики у него были, как у подростка, который хочет казаться взрослым. Свою жертву, служащую военно-воздушных сил Келли Донован, Круз и его сообщник затащили в машину и увезли. Затем Круз изнасиловал ее и заколол. Священник Эммануэль Маккарти, приехавший в Хантсвилл на казнь, заявил журналистам, что, поскольку Келли Донован носила слишком короткие шорты, «ничем хорошим это не могло кончиться». То есть служитель Божий рассудил, что она сама напросилась.

Придя с повинной, Круз сознался еще в трех убийствах. Когда, лежа на кушетке, он молил о прощении, я испытывала жалость. А именно, согласно дневнику, «сочувствие, которое трудно облечь в слова». Я оценила его поступок: осужденный на смерть, он предпочел признать вину, а не лгать до последней секунды.

Есть в моем дневнике записи, читая которые я просто съеживаюсь. Такая я была незрелая, глупая и самодовольная. Я всегда придавала большое значение своим поступкам, и теперь от некоторых фраз, написанных в тот период, мне становится очень

и очень неловко. После казни Стейси Ламонта 14 ноября 2000 года я написала: «Расклад такой: если хочешь делать эту работу, нужно быть жестче. Я не злая и не равнодушная. Я плакала, когда смотрела “Титаник” и когда умер мой хомячок. Просто у меня такая работа. Хлюпики, что тут сказать».

Я не имела никакого права на такую категоричность, ведь я почти ничего не знала о жизни и смерти. Я была взрослая, но во многих отношениях – совсем ребенок и потому мыслила шаблонами.

Майк Грачук из Ассошиэйтед пресс часто присутствовал на казнях, и после очередной телевизионщики поинтересовались, что он чувствует. Грачук оторвался от клавиатуры, посмотрел на них и сказал: «Чувствую, что нужно закончить статью». Меня это впечатлило. Репортер должен быть бесстрастным, уметь отстраняться от событий, – ведь мы всего лишь выполняем работу.

После одной казни женщина-репортер побежала рыдать в туалет, и я, помню, слушала ее с подругой разговор и думала: «Как они меня достали!» И еще помню журналистку из Англии, которая расплакалась, потому что осужденный был похож на ее бойфренда. Какие нежные дамочки, думала я. Конечно, журналист должен уметь все заглатывать. Однако я в то время была просто бессердечной и невыносимой: «Ой, да я круче всех…»

Иногда в моем дневнике проскальзывают нотки капризного подростка. Отчего-то я вдруг накинулась на Пола Нансио: «Этот коротышка действует мне на нервы. Во-первых, ему не хватило ума спасти себе жизнь. Во-вторых, нагрубил родственникам убитого. В-третьих, выражение лица у него дурацкое». Справедливости ради следует заметить, что Нансио изнасиловал и задушил женщину. И вообще, наверное, многие двадцатичетырехлетние, ведущие дневник, ставят свои записи превыше всего. Тем не менее мои заметки о Томми Рэе Джексоне просто невозможно читать. Джексон, который в 1983 году похитил, изнасиловал и убил студентку Розалинд Робинсон, произнес довольно бессвязную предсмертную речь, длившуюся девять минут, то есть несколько дольше обычного. Пока он говорил, я раздражалась все сильнее, поскольку хотела скорее написать статью и рвануть в бар – отмечать Синко де Майо[2]. А этот тип лежит себе на кушетке и пытается продлить драгоценные минуты своей жизни, и я злюсь, что он отнимает время у моего развлечения. Каков негодяй! Как же мне за себя стыдно…

В свое оправдание могу сказать: неудивительно, что у меня началось профессиональное выгорание, хотя тогда я этого не понимала, – в первые шесть месяцев 2000 года я присутствовала

на 22 казнях, включая семь за один только май. И некоторые из этих смертей сопровождались настоящим балаганом.

В день своей казни Билли Хьюз заметил Ларри Фицджеральду: «Я очень сожалею о том, что здесь произойдет» – но в подробности не вдавался. Подъехав к «Стенам», я увидела перед тюрьмой толпу полицейских в форме, – так всегда происходит, когда казнят того, кто убил стража порядка. А на другой стороне улицы красовался щит с надписью «Джордж 117–2 Джеб»: подразумевалось количество казней в Техасе при губернаторстве Джорджа Буша и во Флориде, где губернаторствовал его брат Джеб. Был там и уличный оркестр, и девушки из группы поддержки в одинаковых жакетах и юбочках в складку, распевавшие что-то вроде «Техас среди штатов самый крутой! По числу казней обгоним любой!»

Все это организовал режиссер-документалист Майкл Мур для своего телесериала «Ужасная правда». Ну ладно, если бы казнили другого осужденного. Теперь же, когда кругом терпеливо стояли полицейские в форме, пришедшие почтить память убитого товарища, вся эта кутерьма вызывала отвращение. Зато сам Хьюз меня едва не рассмешил своим последним заявлением: «Если я плачу свой долг обществу, мне полагается компенсация или обратная выплата». Я тихонько фыркнула и тут же спохватилась: о боже, сейчас только этого не хватало!

В 1990 году Пончай Уилкерсон, сын бывшего помощника шерифа, застрелил в Хьюстоне продавца ювелирного магазина по имени Чан Мён И. Это убийство стало кульминацией тридцатидневного всплеска преступности: стрельба, ограбления, угоны автомобилей.

Уилкерсон был одним из самых энергичных обитателей техасского отделения смертников. В 1998 году, в ночь на День благодарения, он вместе с шестью другими осужденными совершил попытку побега. Когда охранники начали стрелять, Уилкерсон и еще пятеро сдались, а некий Мартин Гурул – нет. Что ему было терять? Неделю спустя мертвого Гурула (он стал первым, кому со времен Бонни и Клайда удалось бежать из отделения смертников) нашли в реке Тринити, где он, видимо, и утонул. Под одеждой у него оказались журналы и куски картона, благодаря которым он сумел перебраться через колюче-режущую проволоку.

Мое знакомство с Уилкерсоном состоялось в феврале 2000 года, когда он и еще один заключенный – Говард Гидри – взяли в заложники охранницу. Это произошло в Ливингстоне, в тюрьме Террелл[3], куда после побега Гурула перевели отделение смертников.

Каким-то образом Уилкерсон открыл дверь камеры, обезоружил охранницу и запер ее в рабочем помещении. У него и у Гидри были заточки. Когда я узнала о происходящем, прыгнула в машину и понеслась по темной дороге, которая вела к тюрьме. Прибыв на место, я обнаружила, что ворота заперты, а кругом бродят толпы журналистов, не сумевших даже подобраться к парковке. Неожиданно на дороге возник Ларри Фицджеральд в своих пошитых на заказ ковбойских сапогах, и я подумала: «Ну и тип». Я его видела пару раз, когда посещала тюрьму, но близко не была знакома. И вот теперь, среди всеобщего хаоса, он оказался самым спокойным и прямо-таки излучал уверенность. Молоденькую журналистку, новичка, это не могло не впечатлить. Он провел брифинг и выработал план действий, – именно так и следует поступать: если вы не будете откровенны с журналистами, они вам все взбаламутят.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Моя специальность – радиовещание. Какое-то время я работал диджеем. Денег у нас с Марианной, моей женой, было мало, зато музыки – сколько душе угодно. Прежде чем стать репортером, я работал на радиостанциях по всему Техасу – в Тейлоре, Брайане, Далласе. Много чего у нас происходило: убийство Кеннеди, война во Вьетнаме, борьба черного населения за гражданские права, хиппи, феминистское движение, Уотергейтский скандал и отставка Никсона. Чудный мир!

Когда я работал на радиостанции в Форт-Уорте, в Техасском университете как раз проводился большой марш мира; в тот день нашу передвижную станцию засыпали цветами и всем раздавали марихуану. Помню, пришел домой, и жена спросила: «Неужели ты выходил в эфир обкуренный?» – «Нет, это не я курил».

С Марианной мы познакомились в 1959 году в Остине, в пивной под названием «У грязного Мартина». В те времена еду в автокафе выносили официанты; может, вы помните одного сдвинутого типа по прозвищу Док – он приносил пиво и не спрашивал, сколько вам лет.

После свадьбы мы жили в жуткой квартирке в Тейлоре, штат Техас. Однажды, когда Марианна ждала ребенка, я повел ее смотреть «Психо». Ей было очень страшно, и, придя домой, я выключил везде свет, встал на ступеньку и стал издавать те самые звуки – из знаменитой сцены в ванной. В конце концов я ее

рассмешил.

На военной базе Форт-Худ мне довелось посидеть в одной камере с Джейн Фондой. Джейн выступала на митинге против вьетнамской войны, а я с микрофоном топтался рядом, – и нас обоих забрали. Пока мы сидели, она ни на минуту не умолкала. Позже, работая в тюремной системе, я встретил бывшего полицейского, который нас тогда арестовал, – теперь он стал охранником.

Порой у меня случались размолвки с начальством; как-то раз я ушел с радио, потому что хозяин был болван. А однажды в Остине я работал на радиостанции, которая принадлежала будущему президенту Линдону Джонсону – в то время еще сенатору. Помню, по вечерам он ходил и выключал везде свет – экономил электричество.

Быть моей женой – занятие нелегкое. У нас двое детей, а я ни разу в жизни не менял подгузника, и Марианна никогда не знала, чего ждать от завтрашнего дня. Кто-то же должен зарабатывать на хлеб… наверное, она боялась, что я неспособен остепениться. Зато я был полон оптимизма и всегда надеялся: что-нибудь да подвернется, – и оно подворачивалось.

Когда я стал работать комментатором в Форт-Уорте, познакомился с местными столпами общества – людьми, создающими новости: юристами, судьями, политиками. Мне нравилось быть в центре событий, видеть то, чего многие не могут видеть, знать заранее, что произойдет. А больше всего мне нравилась возможность задавать трудные вопросы. Именно любопытство сделало меня хорошим журналистом. Мне хотелось рассказывать людям о происходящем, – и мне удавалось и рассказать, и обрисовать события по радио, была у меня такая способность. Случись авария – автомобильная или крушение поезда – я тут как тут. Такие вещи дают подъем адреналина.

В те времена не существовало ни мобильных телефонов, ни компьютеров – приходилось топать за новостями в полицию. У меня в машине имелась полицейская рация, и однажды по дороге домой я услышал, что в одном баре в Мэнсфилде стреляют. Я подъехал туда одновременно с помощником шерифа, и внутри все еще шла пальба. Когда мы наконец смогли войти, кругом лежали трупы; оказалось, в бар явился какой-то джентльмен и давай палить во всех подряд. Потом он

решил закрыться в туалете, но несколько человек, уцелевших при стрельбе, погнались за ним с ножами и убили, пока он пытался перезарядить оружие. Да, поволноваться пришлось немало.

Когда я работал на радиостанции в Клиберне, вблизи города произошел подземный взрыв. Взорвалась сверхзасекреченная фабрика, производившая снаряды для бомбардировок во Вьетнаме.

А однажды в горах Западного Техаса прятались беглые заключенные. На поиски отправилась уйма народу с винтовками, а у меня был только блокнот.

Во время работы на радиостанции города Херста мы наткнулись на перестрелку в нелегальном игорном заведении на восточной окраине Форт-Уорта. Оказались там раньше полиции, и нас чудом не подстрелили. Мне всегда хотелось быть там, где что-то происходит, и не важно что.

Еще я освещал дело Томаса Каллена Дэвиса, техасского нефтяного магната, которого обвиняли в убийстве его падчерицы. Мне пришлось сбрить бороду, а то меня путали с приятелем его жены. Дэвиса оправдали и вскоре обвинили в попытке убийства жены и судьи, ведшего дело об их разводе. И что вы думаете? Он опять вышел сухим из воды. В Техасе говорят: «нет мошны – мотай срок», – причем обратное утверждение тоже верно.

Новости не всегда бывали плохие; например, однажды на автостраде перевернулась фура, перевозившая птицу, и на свободе оказались несколько сотен кур. Всяк в округе, у кого нашелся мешок, побежал к автостраде за бесплатным обедом.

Разругавшись с владельцем одной радиостанции, я какое-то время провел за рулем грузовика. Работал на некоего Бо Пауэлла, владельца компании «Что угодно, куда угодно – после полуночи». Много чего необычного перевозил, пока однажды не загорелся автомобиль-цистерна с нефтью. Тут-то я и понял, что не рожден для такой работы.

В 1978 году я стал начальником отдела по связям с общественностью в адвокатуре Техаса. Думаю, Марианна вздохнула с облегчением: теперь мне платили регулярно.

Мне приходилось вытягивать из людей сведения, выслушивать откровения важных шишек. Работа была изматывающая – и тогда-то я и начал пить. Недаром же это заведение называется баром[4].

Если я встречал какого-нибудь знакомого из СМИ, что происходило почти везде, – я его угощал. Каждый месяц мне выдавали чек на 3000 долларов, и печени моей на пользу это не шло. В барах многое можно услышать, да и потом – выпивка помогала расслабиться, снять напряжение, не думать о работе. А еще она прямым путем вела к «Анонимным алкоголикам».

В 1991 году, уйдя из адвокатуры, я стал работать в техасском Департаменте торговли – подбирал места для съемок. Вместе с оператором Джимом мы порой целую ночь ехали к нужному месту, колесили по Техасу вдоль и поперек, – то попадем на креветочный фестиваль в Порт-Аранзас, то на сомовый – в Конро.

Я освещал избирательную кампанию Билла Хобби[5] *на пост вице-губернатора и вторую избирательную кампанию Энн Ричардс*[6] *на пост губернатора Техаса. Когда в Уэйко случилась заварушка с Дэвидом Корешем*[7] *и секта «Ветвь Давидова» в пламени пожара вознеслась на небеса, Ричардс была в парке Биг-Бенд, выпускала сокола. Какой-то репортер спросил ее о Кореше, а она ничего про него не знала. Ну я и расписал это дело по полной, и ее не выбрали.*

Мой старый друг – еще со времен работы на радио «Даллас-Форт-Уорт» – Ларри Тодд управлял отделом внешней информации в техасском Департаменте уголовного судопроизводства. Когда он предложил мне пройти собеседование на должность пресс-представителя, я ухватился за этот шанс. Никаких вопросов я не задавал, потому что сидел без работы и без денег. Только потому и пошел на собеседование. Там поинтересовались моим мнением о казнях, и я ответил: «У меня двойственное отношение». Лишь потом я обнаружил, что в описании вакансии упоминается обязанность видеть весь этот ужас. А я-то наивно готовился сотрудничать с законодательными органами по всяким рутинным вопросам. Чтобы я да наблюдал за казнями, – по мнению Марианны, затея жуткая.

Я думал, буду работать в Остине, то есть там, где живу, и когда мне сообщили, что работать предстоит в окрестностях Хантсвилла, я подумал: «Хантсвилл? Такое захолустье, не хочу я там жить!» Я сам из Остина, это очень прогрессивный город, и я всегда объявлял, что никогда не поселюсь восточнее тридцать пятой магистрали. Я понятия не имел, каково жить в

Восточном Техасе, но выбора не оставалось. Я был всего лишь немолодой журналист в поисках работы.

В Департаменте уголовного судопроизводства я начал работать в январе 1995 года и вскоре стал задаваться вопросом: «Как такого типа вообще взяли в Департамент?» Хантсвилл – приятный городок, и народ тут доброжелательный. Однако здесь, в сосновом краю, на самой пряжке Библейского пояса[8]*, нравы довольно консервативные. Много баптистов и пятидесятников; в ресторане не редкость, когда человек молится перед едой. И если уж Хантсвилл консервативен, то Департамент и подавно, причем до такой степени, что я слегка подрастерялся. Я бы не назвал себя либералом, но демократом меня, пожалуй, можно считать. Так вот, в Хантсвилле не делают разницы между демократом и либералом.*

Поскольку я из Остина, начальство считало меня еще и политиком, а хуже политика в тюремной системе нет ничего. Первые дни дались мне нелегко. Какие-то бесполезные телефонные звонки, кочевая жизнь, мотели, поездки на выходные домой, в Остин. Месяца через два мне дали служебную квартиру, – теперь я ездил в Остин раз в две недели. Меня приглашали на барбекю, коктейли, встречи с нужными персонами, и в конце концов где-то через год я стал своим. Похоже, они сказали себе: «Да он, оказывается, нормальный парень».

Вначале я ничего не знал о тюрьмах и мало общался с приговоренными. Думал: ну запирают их в камеру – и все дела. И о смертной казни много не размышлял. В общем, новичок; однако в Департаменте хотели на эту должность человека в первую очередь с жизненным опытом, стреляного воробья – а я как раз такой. Еще им нужен был работник, способный выстоять под давлением СМИ; я, правда, не имел понятия, насколько оно будет сильным. Зато меня вооружили отличным советом. Один мой приятель из адвокатуры сказал: «Ларри, если будешь обращаться с заключенными уважительно, то, считай, получил отличную работу, а будешь заноситься – тебе очень скоро станет тошно». И я решил обращаться с ними уважительно…

Уилкерсон и Гидри в конце концов сдались, и меньше чем через месяц первому назначили день казни. Захват заложницы в тюрьме Террелл оказался не последней выходкой Уилкерсона. В

день казни он не захотел выходить из камеры, и пришлось применить газ, потом нести его до машины, доставившей осужденного в Хантсвилл, а затем и из машины. Команда захвата из пятерых охранников тащила Уилкерсона в камеру смерти волоком; там его пристегнули к кушетке и дополнительно обмотали ремнями.

Когда Уилкерсон произносил последнее слово, я находилась в комнате свидетелей вместе с Ларри и Майком Грачуком. Уже включили подачу препарата, и все вроде бы шло как полагается, как вдруг Уилкерсон высунул язык и начал странно им вращать. Блеснул металл, и я подумала, что он хочет избавиться от фиксатора, которым его прикрепили к кушетке. Уилкерсон как будто пытался заговорить, и тут на языке у него появился маленький ключ – и в следующий миг он умер. Заместитель начальника тюрьмы Нил Ходжес взял ключ и положил к себе в карман. Мы стояли потрясенные. Я кое-как накорябала в блокноте: «Ключ?», показала Ларри, и он кивнул. Черт побери…

> На секунду у меня мелькнула сумасшедшая мысль: он сейчас вскочит с кушетки и убьет нас. Это было как в «Молчании ягнят», когда у Ганнибала Лектера появляется изо рта маленький металлический предмет и становится ясно, что охранникам несдобровать.
>
> *Дневник Мишель, 14 марта 2000 года*

Потом репортеры вынюхивали, откуда же, черт возьми, у Уилкерсона взялся ключ. Мы спросили у капеллана Джима Брэззила, что сказал осужденный, перед тем как вытолкнуть ключ изо рта, и Брэззил ответил: «Вот вам тайна Уилкерсона». Как выяснилось, в течение дня Уилкерсон подкалывал охрану, говоря, что они чего-то не знают. Ему отвечали: «Ну и ладно, Пончай». Видимо, это и была его тайна – ключ от наручников.

Позднее, когда составляли рапорт о случившемся, предположили, что Уилкерсон намеревался по дороге в Хантсвилл освободиться от наручников и либо угнать фургон, в котором его везли, либо выпрыгнуть и бежать. Он не знал, что при перевозке к месту казни одной парой наручников дело не обходится. И если ему и удалось бы снять одну пару, от второй он бы уже не избавился.

Случай, однако, вызвал серьезное расследование; перетряхнули всю тюрьму – и нашли еще несколько ключей. То была последняя победа Уилкерсона, его «да пошли вы!» в адрес системы, и, наверное, за тем он и родился на свет.

Когда Нил Ходжес стал начальником тюрьмы, он повесил

этот ключ у себя в кабинете.

Пристальное внимание СМИ привлекла и Бетти Лу Битс – просто потому, что женщина. Главным же событием 2000 года стала смерть Гэри Грэма, предпочитавшего зваться «Шака Санкофа». Я так и не смогла понять, почему одни заключенные окончили свои дни знаменитостями, а другие, которым впору было прославиться, – нет.

Был у нас некий Джеймс Оллридж, приговоренный за убийство работника магазина в Форт-Уорте в 1985 году. Оллридж несколько лет переписывался с актрисой Сьюзен Сарандон, и недели за две до казни она даже его навестила. В тот момент других женщин, кроме меня, там не оказалось, поэтому меня попросили проводить Сьюзен, и она купила несколько изделий Оллриджа. Такой интерес мне совершенно непонятен. Оллридж в компании своего брата – его тоже казнили – совершил ряд ограблений, в результате которых погибли как минимум три человека. Да, Оллридж, сидя в тюрьме, окончил колледж, но это делали и другие.

И чем заслужил всеобщее внимание Гэри Грэм? Он был далеко не ангел. Уж никак не ходячий пример достойного афроамериканца. Он тоже совершил ряд жестоких преступлений – в течение недели ограбил в разных местах тринадцать человек. Двоих он ударил пистолетом, одному прострелил шею, а еще одного сбил угнанной у него же машиной. Свою последнюю жертву, Лизу Блэкберн, он похитил, ограбил и держал у себя в течение пяти часов, время от времени насилуя. И это не просто подозрения – Грэм признал вину по всем пунктам. Единственное убийство, которое он отказался взять на себя, – убийство Бобби Ламберта в самом начале своего преступного бесчинства.

Грэм возмущался, что его осудили на основании показаний только одной свидетельницы. Однако та единственная свидетельница была, как и он, черной, и приплести сюда расовые соображения его сторонникам не удалось. За девятнадцать лет Грэм написал двадцать прошений о помиловании; их рассматривали тридцать три судьи, и по всем двадцати ему отказали, однако четыре раза давали отсрочку. Губернатор Буш, на которого давили со всех сторон, не поддавался. Буш мог поддерживать смертную казнь, ничем, как политик, не рискуя, поскольку ее поддерживают две трети американцев. Притом сроки исполнения от него не зависят, они устанавливаются судом. И в дело Грэма он не мог вмешаться, потому что, если говорить об отмене казни, у губернатора возможности очень ограниченны. Губернатор может однократно дать отсрочку на тридцать дней, а для всего прочего, например более длительной

отсрочки или смягчения наказания, требуется рекомендация техасского Бюро помилований и условно-досрочных освобождений, и к тому же Грэм однажды уже получил отсрочку от предыдущего губернатора.

Я брала у Грэма интервью, и он мне понравился. Говорил о важных целях, о желании биться до конца; правда, у меня сложилось впечатление, что ему, как и другим обитателям отделения смертников, просто страшно умирать. Не знаю даже, верил ли он сам в то, что рассказывал, например, насчет связи с «Новыми черными пантерами»[9] и что он изменил имя, дабы «подчеркнуть свои африканские истоки». Грэм был из тех, кто объявляет голодовку, а сам лишь толстеет. Для большинства смертников голодовка сводится к опрокидыванию тарелок, которые им приносят, и покупке еды в тюремном магазине. Дескать, не нужна мне ваша еда, ублюдки, я уже запасся «Твинки».

Хотя почти все благоразумные люди считали Грэма виновным, ему удалось снискать сочувствие многих знаменитостей. В его поддержку выступали Дэнни Гловер[10] и Спайк Ли[11]; Кенни Роджерс[12] предложил оплатить повторное расследование.

Смотреть на казнь прибыли Бьянка Джаггер и преподобные Джесси Джексон[13] и Эл Шарптон[14]. Думаю, Грэм был для них просто пешкой. Очень удобные отношения: ему нужно спасти жизнь, а им нужен повод для выступлений.

Как только нарисовались знаменитости, прибыли и журналисты. А там, где появляются камеры, появляются и люди, готовые размахивать плакатами и кричать во все горло.

Слова «сумасшедший» явно недостаточно, чтобы описать день казни Гэри Грэма. Безумный, немного даже страшный и, наверное, самый длинный день в моей жизни. К «Стенам» я приехала около семи утра, и там уже толпились сотни людей. Парковка была забита журналистами и фургонами передвижных телестанций. Еще до полудня начали собираться протестующие, в том числе «Новые черные пантеры» с автоматами Калашникова, и куклускскановцы в балахонах с капюшонами. Как вы понимаете, «Черные пантеры» и куклускскановцы между собой не очень-то ладят.

Джесси Джексон порывался взойти на трибуну, чтобы «обратиться к пастве», но Ларри попросил его обратиться к пастве прямо на улице. На трибуне помещался символ техасского Департамента уголовного судопроизводства, и если Ларри позволил бы Джексону оттуда говорить, то и куклускскановцы тоже пожелали бы выступить с трибуны. Полицейским удавалось

удерживать «Пантер» подальше от куклуксклановцев, но потом «Пантеры» обошли здание с той стороны, где не было заграждений. Теперь они приближались к куклуксклановцам, а за ними следовали полиция и журналисты. Жара стояла страшная, в воздухе грохотали вертолеты, вокруг дежурили полицейские спецотряды, все были злые и голодные, и казалось, вот-вот что-то разразится. Чертов балаган.

Ларри работал в расположенном напротив тюрьмы здании, где имелось множество розеток, – чтобы репортеры могли включать свою технику. И вот мы там сидим, стучим по клавиатурам, – и вдруг какой-то шум. Смотрим – а это ассистентка телеведущего Херальдо Риверы, красная как рак из-за нашего безжалостного солнца, сушит феном пот на лбу своего босса. Херальдо вообще-то славный человечек, но тогда мне хотелось надавать пинков и ему, и его красной ассистентке с феном.

Еще больше масла в огонь подлили адвокаты Грэма: они накатали отчаянное прошение, что привело к задержке казни на два с лишним часа. Сказать, что эти два часа мы провели в напряжении, – ничего не сказать. Снаружи царил настоящий хаос. Из дверей кабинета Ларри я видела начальника тюрьмы, который получил по голове бутылкой, видела парня, рвавшегося за ограждение, – полицейские его скрутили и бросили на землю, а кто-то жег американский флаг. Мне хотелось туда, наружу, в гущу событий.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Помню, один преступник из Форт-Уорта заявил перед казнью: «Я буду сопротивляться – иначе я не могу!» И когда пришли забрать его из временной камеры, он сдержал слово.

Гэри Грэма пытались захватить врасплох и вытащить из отделения смертников днем раньше, но он отчаянно сопротивлялся. Я ехал с ним в одной машине, вместе с чиновником из Департамента общественной безопасности, и никогда в жизни я не ездил так быстро, – все боялись, что на машину нападут «Новые черные пантеры». По дороге от Ливингстона до Хантсвилла охранники буквально сидели на Грэме.

Я-то думал, в Хантсвилле он станет тише воды ниже травы, а у себя в отделении дрался только напоказ другим заключенным. Его посадили в специальную временную камеру, где не было ни койки, ни стола, и ему

это не очень-то понравилось. Когда дверь камеры открыли, он дрался как лев, куда отчаяннее, чем любой другой заключенный на моей памяти. Самое забавное, что я этому даже обрадовался, ведь если бы после казни мне пришлось выйти и объявить: «Нет, Грэм не сопротивлялся», – его защитники и журналисты мне бы не поверили.

Команде захвата – пятерым самым крупным охранникам – удалось войти и прижать Грэма к стене специальным щитом. В какой-то миг мне показалось, что он вывернется, но его связали. А потом сделали такое, чего я раньше здесь не видел: сковали ему наручниками и руки, и ноги – только так и получилось дотащить осужденного до смертной кушетки.

Не могу представить, что, будь я приговорена к казни, покорно шла бы на смерть. Я бы дралась, пиналась, вопила – делала бы все, чтобы меня не вытащили из камеры. Но заключенные почти никогда не сопротивлялись. Они сами входили в комнату смерти, укладывались на кушетку и протягивали руки для инъекции. Мне это казалось совершенно ненормальным, я даже не могла представить себя столь покорной судьбе. Может, проведя много лет в камере смертников, они утратили инстинкт самосохранения, а может, просто хотели встретить смерть достойно. Я и вправду не понимаю. И потому, узнав, что Грэм так отчаянно сражался, испытала к нему своего рода уважение.

Предсмертное заявление Грэма заняло двадцать три минуты. Думаю, начальник тюрьмы не прерывал его из страха перед шишками, которые собрались в комнате свидетелей. Я боялась, он до полуночи проговорит, и тогда кончится день, назначенный для казни. Последние его слова были: «Идите вперед, черные братья! А меня сегодня убьют». Когда он умирал, один глаз у него закрылся, а другой смотрел в упор на преподобного Джексона.

Пока ждали доктора, Джексон и Шарптон по очереди читали молитвы, а Бьянка Джаггер плакала. В 20:49 Грэма объявили мертвым, и я побежала в отдел новостей, чтобы наваять статью. Рабочий день у меня начался в семь утра, а домой я вернулась после полуночи. Я совершенно обессилела, вымоталась полностью. Не из-за долгих часов ожидания, не из-за жары или противоречивых чувств по поводу казни, потому что никаких чувств не осталось, лишь душевное и физическое напряжение. Целый день происходили какие-то события, – следовало постоянно быть начеку. То оказалась самая трудная казнь из всех,

что я посещала.

Вскоре меня пригласили в телешоу «Сегодня» с Кэти Курик – довольно важное событие.

Перед интервью мои друзья целую неделю морочили мне голову, так и сяк перевирая второе имя казненного, – то назовут его «Шака Санфуф», то «Шельма Шакур», то еще как-нибудь. И, конечно, когда Курик спросила меня о похоронах, я, отвечая, что родные решили похоронить его под африканским именем, вместо «Шака Санкофа» ляпнула «Шака Шакур».

Впрочем, произошло кое-что и похуже. Во-первых, когда я прослушала запись, оказалось, что говорю я как полная деревенщина – вроде Кларисы Старлинг из «Молчания ягнят». Основательно об этом поразмыслив, я решила: если хочу, чтобы меня принимали всерьез, нужно избавляться от техасского акцента.

Потом позвонила моя подруга и сказала:

– Поздравляю! Титул «Стерва номер один» у тебя, считай, в кармане. Когда Кэти Курик спросила, трудно ли было смотреть, как умирает Грэм, ты ей так живенько: «Да не особенно!»

Я же не то хотела сказать, я имела в виду, что я журналистка и такова моя работа!

И еще я была очень молода, голос у меня звучал совсем по-детски, ну прямо маленькая девочка из Техаса.

После этого выступления ко мне приходило много писем – как от сторонников смертной казни, считавших, что я делаю нужное дело, так и от противников, называвших меня чудовищем. А некоторые пытались со мной заигрывать: «Нам с друзьями мисс Лайонс показалась такой миленькой…» – это отчасти льстило, но было противно.

Неделю спустя состоялась казнь Джесси Сан Мигеля, застрелившего Микаэля Фелана, управляющего рестораном в Ирвинге, и, возможно, еще трех человек. Когда Сан Мигеля вели на исполнение приговора, у ворот тюрьмы митинговало не больше десятка противников смертной казни.

Лежа на кушетке с раскинутыми руками, словно на распятии, он произнес: «Смешно: я – крест…»

Глава 3. На развилке

Достоинство человеческой жизни отнимать нельзя, даже у того, кто совершил великое зло… смертная казнь и жестока, и бессмысленна.

Папа Иоанн Павел II

Думаю, и папа, и другие страны должны заниматься своими делами. Пусть побеспокоятся о собственных бедах и не трогают техасское отделение смертников.

Ларри Уилкерсон, муж Леты Энн Уилкерсон, жертвы Глена Макгинниса

В день казни я приезжала к тюрьме около пяти вечера и сразу шла к Ларри, где собирались все репортеры. В офисе стояли большой диван, стол и два кресла – на одном из них обычно восседал Майк Грачук из Ассошиэйтед пресс, делавший репортажи о казнях с 1984 года. Я сидела на диване и слушала Ларри, который председательствовал, задрав ноги на стол.

Было много черного юмора, мы шутили – порой рискованно, но не цинично. Ларри часто выигрывал, когда мы пытались предсказать время смерти. Мы придумывали смешные заголовки и подбирали подходящие к случаю песни. У меня сохранился список песен, составленный Ларри перед казнью осужденного, у которого была одна нога. Там есть названия вроде «Я поддержу тебя» или «Не упади».

Когда мы входили в комнату свидетелей, Грачук считал своим долгом меня смешить – знал, что я больше всего боюсь не вовремя засмеяться. Может, такое поведение не слишком уместно, но, видимо, действовал какой-то подсознательный защитный механизм.

Были у нас и шутки для узкого круга. Ларри и Грачук называли техасскую тюремную систему самым большим гулагом свободного мира. Публикуя свои интервью, Грачук непременно вставлял что-нибудь вроде «сказал осужденный, когда мы сидели в крошечной комнатушке для свиданий» – чтобы поддеть Ларри.

Справедливость или жестокость смертной казни мы вообще не обсуждали, сильных переживаний не испытывали; все знали, в чем наша задача: присутствовать при исполнении, смотреть, как душа осужденного расстается с телом. Однажды, незадолго до моего там появления, они сильно подставились: у Грачука был день рождения, и Ларри притащил торт. Репортер из британской «Дейли мейл» представил все так, будто происходящее их не интересовало, – так сильно, мол, они увлеклись празднованием, – абсолютная чушь. После того случая Ларри стал внимательнее смотреть, что за люди вокруг.

> Колдуэлл сначала сказал полиции, что убил своих родителей и сестру случайно: во время ссоры они сами наткнулись на его нож. По словам Энди Бича, бывшего помощника обвинителя округа Даллас, это «признание о волшебном ноже» запомнили все.
>
> Мы шутили, что теперь Колдуэллу предстоит наткнуться на волшебную иглу.
>
> *Запись в дневнике Мишель о казни Джеффри Колдуэлла, 30 августа 2000 года*

Хорошо, что до казни мы могли посидеть в офисе Ларри, ведь потом сразу начиналась работа. Семьи жертв обычно соглашались на пресс-конференцию, где телевизионщики бесили нас двумя стандартными глупыми вопросами: «Испытываете ли вы облегчение?» и «Есть ли у вас чувство, что правосудие свершилось?» Газетные журналисты только переглядывались и закатывали глаза. Дурацкие же вопросы, ведь ответы примерно одинаковые: «Нет, облегчения не испытываю, потому что близкого человека уже не вернуть. В истории можно ставить точку… Хорошо, что это свершилось, но ничего уже не изменишь». На второй вопрос отвечают только «да» или «нет»…

Грачук всегда спрашивал о том же, но спрашивал гениально: «Вы довольны, что пришли?» Здесь тоже можно ответить кратко, однако почти никто не говорил «нет», и мало кто ограничивался простым «да».

> Трудно убить более жестоко, чем Томми Рэй Джексон убил мою дочь. Мне достаточно того, что его казнили. Только, думаю, электрический стул был бы нагляднее.
>
> *Роджер Робинсон, отец Розалинд Робинсон, убитой Томми Рэем Джексоном*

Джексон был казнен 4 мая 2000 года

Вернувшись в офис Ларри, мы сверяли записи последнего слова казненного, потому что официальная версия Департамента всегда грешила неточностями – не просто пропущенные слова, а порой целые предложения, – и усаживались писать. Смотрел ли осужденный на близких убитого, извинялся ли? Или игнорировал их и говорил просто для себя? Что сказали родственники убитого? Что сказал прокурор? Какова была последняя трапеза смертника?

Мы никогда не обсуждали увиденное в серьезных тонах. Ларри, как представителю тюремной системы, было бы неуместно говорить нам о своем отношении к смертной казни. И мне тоже, – как журналистке, мне полагалось соблюдать нейтралитет.

После написания статьи я частенько отправлялась выпить пару коктейлей в компании нескольких сотрудников тюрьмы, Ларри и капеллана Брэззила, которого Ларри прозвал «Неблагая весть», потому что священник приходит, когда дело близится к концу.

Обычно я была единственной девушкой; мы, по выражению Ларри, ударяли по коктейлям (кроме Брэззила). До буйства у нас не доходило, мы сидели, рассказывали всякие случаи, подтрунивали друг над другом, в общем, говорили о чем угодно, кроме казни. Я была совсем ребенок, просто наслаждалась жизнью. Брэззил меня как-то спросил, не трудно ли мне наблюдать, как умирают люди, и я сказала: «Нет, вовсе не трудно». И поскольку считала, что другие в данную тему углубляться не хотят, то сама никого об этом не спрашивала.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Перед первой казнью я сильно волновался. А как не волноваться, если скоро впервые на моих глазах человека предадут смерти? Несколько дней, не зная, чего ожидать, я чувствовал опустошение. Будет ли преступник буянить? Или ему станет дурно? Может, начнет молить о пощаде?

Войдя в комнату для свидетелей, я подумал: «Когда я выйду, кто-то уже будет мертв». На кушетке лежал осужденный – Клифтон Рассел-младший из округа Тейлор. Ему начали вводить препарат. Все как в больнице, когда пациента готовят к операции, – с той лишь разницей, что здесь пациент точно умрет. Все произошло быстро, за несколько минут. Моя первая мысль: вот это и все? Будучи репортером, я видел, как в людей стреляют, как их

закалывают, и потому такая смерть – зрелище сравнительно приличное. Через полчаса я опять был там: наблюдал, как ту же самую процедуру проходит Уилли Уильямс из округа Харрис. В то время казни начинали совершать в полночь, и вторая окончилась около четырех утра. Я поехал домой, урвал часок сна, а потом поспешил на работу – успеть к следующему новостному блоку. Не дело, думал я, смотреть среди ночи, как умирает человек. Через несколько месяцев порядок изменился: казни теперь исполнялись в шесть вечера. Однако смотреть на них приятнее не стало. Это было ужасно. Помню, казнили одного чернокожего осужденного, а все вокруг – белые. Я подумал – вот он лежит на кушетке, смотрит вокруг – и видит только белые лица. Я даже расстроился.

При губернаторе Буше казнили много. Я стал как бы официальным символом высшей меры в Техасе, и казни сделались для меня зрелищем привычным. Когда часто их посещаешь, впору по ним часы сверять. Большинство осужденных, чью смерть я видел, оставались для меня просто именем на бумаге, и меня смущало, что я могу стоять и смотреть, как государство отнимает у человека жизнь – наивысший акт бюрократии, – а потом уйти и забыть. Однако, наверное, благодаря этому я и мог справляться. Если бы каждая увиденная казнь оставалась со мной – я бы скоро сошел с ума.

Впервые я всерьез задумался о своей работе года через четыре. Все началось с сомнений в вине осужденного – а как раз этого я не должен был себе позволять. И мне начало казаться, что мы можем предать смерти и невиновного человека. Например, у меня возникли сомнения по поводу Дэвида Спенса, казненного за отвратительные убийства на озере Уэйко: в 1982 году там закололи троих подростков. Спенса осудили на основании показаний сокамерников, а кое-какие расследования поставили его причастность к убийству под сомнение. Иногда мы казнили людей, как я подозреваю, душевнобольных, например Монти Делка, которому, на мой взгляд, абсолютно снесло крышу, но официальные лица сочли его симулянтом.

Когда стоишь за стеклом, смотришь на казнь и думаешь о всяком таком, чувствуешь себя совершенно беспомощным. Что я мог поделать? Ничего. Такова моя работа, и я сам на это согласился. Люди совершают убийства, и их казнят, и так уж случилось, что мое

дело – быть здесь. По крайней мере, я старался так думать. Начальник одной из тюрем мне сказал: «Если ты хоть раз видел казнь – никогда этого не забудешь». Так и есть.

Хуже всего то, что я сблизился с заключенными. Раньше отделение смертников располагалось в тюрьме Эллис[15]*, – и там все было как в кино. Раздвижные решетчатые двери, которые иногда отодвигали, чтобы заключенные могли немного пройтись в пределах своего отсека. Я заходил, присаживался на койки, разговаривал с ними. То были осужденные убийцы, но я их не боялся. Чувствовал себя спокойно, потому что узники понимали: я – единственная ниточка, ведущая от них к СМИ, и, следовательно, – их единственная связь с внешним миром. Я был для них не начальник, не охранник, а просто человек.*

В тюрьме Эллис действовала программа поощрения за хорошее поведение. Заключенные работали малярами, шили одежду для охраны. Им давали шить только один предмет, иначе, имея полный костюм, они могли переодеться и выйти под видом сотрудника. В швейном цехе имелись кондиционеры, заключенные могли курить и пить кофе. И еще они могли общаться. Здесь работали самые известные техасские убийцы, они пользовались всякими острыми инструментами, но я ходил там взад-вперед, и мы болтали о всякой всячине.

Они ценили, что я обращаюсь с ними как с людьми. В тюрьме мне и рубашки гладили, и обувь чистили. Меня там стригли, и, сидя в кресле, я смотрел вместе с узниками сериал. Такая система не давала им зачахнуть и обходилась недорого.

У своих дверей я оставлял сигареты и соус чили – для уборщиков. Если у освобожденного не хватало денег на автобус, я ему давал. Один заключенный по имени Арнольд Дарби сделал мне ботинки. Когда он отсидел свои тридцать семь лет, я постарался устроить его на работу, но он уже отвык от внешнего мира и скоро вернулся в тюрьму. Все же я попытался.

В отделении смертников сидел некий Джермарр Арнольд, которого боялась вся охрана. Здоровенный такой – ему бы в НФЛ играть. Арнольд убил продавщицу в ювелирном магазине в городке Корпус-Кристи, удрал в Калифорнию, а потом попал в тюрьму Пеликан-Бей[16] *– исправительное заведение с печальной славой. Тюрьма эта*

настолько плоха, что Арнольд признался в совершенном убийстве, ибо предпочел техасское отделение смертников. Помню, как-то я сидел в кабинете начальника в тюрьме Полунски, и привели его – в наручниках, – и он сказал: «Мистер Фицджеральд, когда я с вами, наручники не нужны. Я вас уважаю». Мы хорошо поговорили и расстались на дружеской ноте. Перед казнью он потребовал, чтобы никто не видел, как его уводят из отделения, и нам с Мишель пришлось спрятаться за угол. Насколько я помню, во время казни Арнольд не сопротивлялся.

В тюрьме Эллис Арнольд заставил осужденного по имени Эмерсон Радд убить во время прогулки во дворе другого узника – проткнуть ему висок отверткой. Когда пришел день казни Эмерсона, его, чтобы не дрался, пришлось запереть в тесную клетку. Он не пожелал оттуда выходить, и охранники применили газ. Да еще как, черт возьми, от души применили: кожа у него стала цвета сырого мяса. Когда его тащили мимо меня, он поднял взгляд и показал два больших пальца. Назовите это хоть стокгольмским синдромом, хоть как, только я перед Эмерсоном снимаю шляпу!

Заключенные часто говорили о своих родителях и детях. Если они желали рассказать о своем преступлении, я сидел и слушал. Сам же принципиально подобных тем не поднимал: не мое дело. Я скоро понял, что, хотя многие из них творили страшные вещи, они все равно остаются людьми. Преступления часто совершаются под воздействием алкоголя или наркотиков; иногда люди оказываются в невыносимом положении, иногда у них проблемы с работой…

В 1983 году Карла Фэй Такер, накачавшись амфетамином и спиртным, зарубила мотыгой двоих человек. Когда обнаружили трупы, мотыга еще торчала в груди убитой девушки. И все же Карла Фэй мне нравилась; думаю, и она ко мне хорошо относилась. Она вновь обратилась к Христу, и у меня не было причин сомневаться в ее искренности. Да, я помню старую поговорку, что в окопах и атеист молится, однако в Карле была особая одухотворенность. Она даже вышла замуж за тюремного проповедника. Насколько я понимаю, Карла – хороший человек, совершивший ужасную ошибку. Капеллан Брэззил рассказал мне, что к нему в кабинет приходили заключенные – всего восемнадцать человек – и

просили: «Капеллан, пожалуйста, пусть меня казнят вместо нее». Вот так она действовала на людей. Я не устаю повторять: избеги Карла смертной казни, я мог бы жить с ней по соседству.

До того как я пришел в Департамент, отделение смертников в женской тюрьме Гейтсвилл[17] *было довольно закрытой структурой, для СМИ недоступной. Я уговорил их приоткрыться.*

Фрэнсис Ньютон, осужденная за убийство мужа и двоих маленьких детей, в 1987 году связала для моей матери покрывало с желтыми розами, потому что моя мама – «Желтая роза Техаса»[18]*. Фрэнсис была хорошая женщина, и мне она очень нравилась, – как нравились почти все тамошние обитательницы.*

Перед самой казнью Карла Фэй сказала: «Мистер Фицджеральд, вы меня никогда не обманывали. Что со мной сегодня сделают?»

И я ответил: «Тебя сегодня убьют, Карла».

Она засмеялась: «Я так и знала!»

Это был наш последний разговор. Казнь Карлы Фэй стала еще одним важным событием, привлекшим неслыханно большое внимание СМИ, – потому что Карла была женщина, и из-за орудия убийства. У тюрьмы собрались сотни противников смертной казни, но пришло и много сторонников. Они радостно отреагировали на сообщение о смерти Карлы Фэй.

Последняя трапеза Карлы состояла из банана, персика и листьев салата. Казни она совершенно не боялась, в камеру смерти буквально неслась, потому что верила: попадет в лучший мир. Меня ее казнь глубоко расстроила. Видеть ее на кушетке было мучительно.

В 1984 году Джеймс Битхард принял участие в тройном убийстве в округе Тринити. Он упорно отстаивал свою невиновность; впрочем, меня это не касалось. В день казни я спросил, могу ли что-нибудь для него сделать, и он попросил черешни. Был как раз сезон, я сходил в магазин, купил пару фунтов, – и мы сели рядом и поели. Несколько часов спустя я смотрел через стекло, как он лежит на кушетке. Я вспоминал наши с ним разговоры, шутки и думал о том, что через несколько минут он умрет. Да, теперь это были не просто неизвестные люди, которых следовало казнить, это были мои хорошие знакомые.

После общения с «Анонимными алкоголиками» я пять

с половиной лет не пил. К тому времени как пришел в тюремную систему, начал пить снова, а необходимость наблюдать за исполнением приговоров только увеличила мою тягу к спиртному. После казни Гэри Грэма по пути домой я плакал в машине, а потом прикладывался к бутылке. Так случается, когда тебя называют убийцей.

Поддержкой мне служили ви́ски и Джим Брэззил. Брэззил был очень общительным, я в него буквально влюбился при первом же знакомстве. Я часто повторял, что полжизни провел в Хантсвилле и дружил с баптистским священником, – вот, мол, какая у меня банальная биография. «Неблагая весть» был замечательнейший человек, абсолютно искренний. Кинокомпания «Уорнер бразерс» предложила ему два с половиной миллиона, чтобы он снялся в документальном сериале о себе самом, а он отказался. Не желал профанации дела, которое совершал во славу Господа.

Иногда мы с Брэззилом до поздней ночи разговаривали о казнях. Он попивал «Доктор Пеппер», а я – что-нибудь покрепче. Мне казалось, у него самая тяжкая в тюрьме работа. В день казни он три часа – с трех до шести вечера – проводил с осужденным, стараясь поднять его дух. Своей искренностью и умением найти подход к узникам он сильно облегчал мою работу. Время от времени Брэззил проводил и похороны, и, кроме того, службы для сотрудников. Он поддерживал меня, а я – его. Можно сказать, мы друг друга консультировали, только он был более знающий консультант, чем я.

Один заключенный в 1986 году, набравшись «Джека Дэниэлса» и наевшись колес, заколол двух женщин в Остине. Само преступление я запомнил, так как оно произошло неподалеку от моей школы. Переживаю, что не могу вспомнить имя убийцы. Мы с ним тоже сблизились, и, уже сидя во временной камере, он сказал: «Ты же знал, Ларри, что рано или поздно этим кончится».

Помню, музыкант Стив Эрл, с которым тот осужденный переписывался, приехал присутствовать на казни. Только для комнаты смерти кантри и рок не годятся. Приговоренный, глубоко верующий католик, стал произносить длинный отрывок из послания к Коринфянам, тот, который начинается словами «и я покажу вам путь еще превосходнейший». Он договорился с Брэззилом и начальником тюрьмы, что, когда закончит молиться и станет петь рождественский гимн «Ночь тиха», ему

начнут вводить препарат.

Ночь тиха,
Ночь свята.
Люди спят,
Даль чиста.
Лишь в пещере
Огонь горит.

Вот сколько времени нужно в Техасе человеку, чтобы умереть.

Рождество для меня стало уже не то…

Моя работа заключалась не только в наблюдении за казнями, – то была лишь малая ее часть. Тюрем вокруг города полно, и, просыпаясь утром, никогда не знаешь, чего ждать от нового дня. Вдруг произойдет побег? Или заключенный захватит заложников? Или убьют или ранят сотрудника? Раньше я писала о заседаниях городского совета – предмет не очень увлекательный. А в тюремной сфере – сплошные сенсации. Кроме экстренных новостей и происшествий вроде нападений на охрану, я освещала и административные вопросы. Если в Департамент приходил новый директор, я брала у него интервью, выясняла его позицию. Во время сессии законодательного собрания, когда в Департаменте определяли бюджет и рассматривали различные предложения, я посещала заседания – не только в Хантсвилле, а по всему Техасу. Случалось, что одно заседание проводят в Далласе, а следующее – в Мак-Аллене, до которого восемь или девять часов пути. Техас – прямо-таки немаленький штат.

Еще я брала интервью у смертников, обычно после того, как им назначали дату исполнения. Некоторые вообще отказывались говорить с журналистами. Одни просто им не доверяли, другим адвокаты не советовали. Я написала несколько запросов на интервью с Бетти Лу Битс по прозвищу «Черная вдова», которая закапывала мужей у себя в саду, словно домашних зверушек. Она в конце концов согласилась встретиться, а когда я потратила два с половиной часа на дорогу до Гейтсвилла, в последний момент передумала. Не очень-то любезно. Таким образом, я увидела ее только в комнате смерти. Бетти Лу была прямо крошечная, и я подумала: «Похожа на маленькую старенькую бабушку… Да она и есть маленькая старенькая бабушка». Ее голоса я так и не услышала: она отказалась от последнего слова.

Много раз осужденные сами со мной заговаривали. Почему бы и нет? Двадцать три часа в сутки они сидели взаперти, так

отчего не свести знакомство с новым человеком, пусть хоть и через лист плексигласа? К тому же эти отчаявшиеся люди надеялись, что я как-то помогу им избежать казни.

Один из заключенных, у которых я брала интервью, – Наполеон Бизли.

Девятнадцатого апреля 1994 года Наполеон и несколько его друзей напали на пожилую чету в Тайлере, в ста тридцати милях к северу от Хьюстона. Наполеону было всего семнадцать. Он и его дружки следили за жертвами до самого их дома, а когда те въехали в гараж, набросились на них и застрелили мужчину. Женщина лежала на земле, притворяясь мертвой, пока грабители угоняли свой трофей: десятилетний «Мерседес-Бенц». Наполеон неудачно выбрал жертв. Они оказались родителями федерального судьи Майкла Латтига; смертный приговор был неизбежен, по крайней мере, для того, кто нажал на курок.

Наполеон играл в школьной футбольной команде, был старостой класса – симпатичный, обаятельный; имел много друзей. Его родители, добропорядочные граждане, владели большим домом в Грейпленде – городке в ста тридцати милях к северу от Хьюстона. До нападения на Джона Латтига у Наполеона была завидная судьба. А через сорок семь дней после преступления – и через две недели после окончания школы (по успеваемости он шел тринадцатым из шестидесяти учеников) – улики привели следствие в Грейпленд, и Наполеона арестовали и предъявили обвинение в убийстве. В следующем году его приговорили к смерти. Соучастники – Седрик и Дональд Коулманы – дали против него показания и получили пожизненное.

Из-за юного возраста преступника дело получило международный резонанс. Техас – один из двадцати двух штатов, где смертная казнь применяется к осужденным начиная с семнадцатилетнего возраста (а в семнадцати штатах казнят даже шестнадцатилетних), но адвокаты Наполеона и активисты – противники смертной казни – стали давить на губернатора и обратились в Верховный суд США и техасское Бюро помилований и условно-досрочных освобождений. Воззвания о милосердии сыпались дождем: от Евросоюза, от архиепископа Десмонда Туту[19], от американской ассоциации адвокатов, от судьи, который вел процесс Бизли, от прокурора округа, где проживал Наполеон.

Организация «Международная амнистия» подчеркивала факт, что Соединенные Штаты – одно из пяти государств, применяющих смертную казнь к «несовершеннолетним» (остальные: Саудовская Аравия, Иран, Конго и Нигерия). Защитники Бизли напирали на

то, что раньше он не совершал преступлений, и его, черного, судило полностью белое жюри, и к смертной казни приговорили благодаря юридическим связям жертвы.

Наполеон был довольно светлокожий и нигде не пришелся ко двору – для белой общины слишком темный и слишком светлый для черной, где высмеивали его образованность и грамотную речь. В результате, желая самоутвердиться, он связался с самыми буйными хулиганами – черными ребятами, которые носили оружие и употребляли наркотики. Я беседовала с ним недели за две до казни, и мое первое впечатление: он грамотный и умный – хороший мальчик, попавший в дурную компанию.

После убийства прошло семь лет, и Наполеон казался уже совсем не тем человеком, чьи характеристики фигурировали в полицейских и судебных документах.

Мы с ним были примерно одного возраста и образования, но я ему сочувствовала не только поэтому. Например, когда я училась на первом курсе, один парень ворвался в квартиру своей однокурсницы, убил ее и, чтобы скрыть улики, устроил поджог. Когда мы встречались в отделении смертников, с ним было интересно поговорить, – такой вежливый и воспитанный, – но никакого сочувствия к нему я не испытывала. Знала я и многих других, весьма красноречивых (причем безотносительно к уровню образованности, ведь большинство из них едва доучились до восьмого класса), но меня не покидало чувство, что они морочат мне голову. Твердили о своей невиновности, хотя вина была вполне доказана. Мне это действовало на нервы. Уж лучше бы признались и не отнимали у людей время. И причина ясна: им просто не хотелось умирать. Наполеон же вел себя совершенно иначе. Он говорил искренне, не отрицал своего преступления. После нашей беседы я подумала: «Не попади он сюда, мы могли бы стать друзьями».

> Быть здесь [т. е. в отделении смертников] – все равно что болеть раком. Болезнь съедает тебя по частям, и ты доходишь до того, что тебе уже безразлично, жив ты или мертв. Возможно, мне дадут отсрочку, но это вряд ли. Забить в гольфе мяч одним ударом и то больше вероятности.
>
> *Наполеон Бизли, цитата из статьи Мишель Лайонс в «Хантсвилл айтем»,15 августа 2001 года*

Как я быстро убедилась, почти весь мир за пределами Америки ужасается тому, что мы все еще казним людей. Не могу

сосчитать, сколько я дала интервью и сколько раз обо мне писали – в Германии, во Франции, в Испании, Австралии, – я была «та самая девушка, которая наблюдает за казнями». Их точка зрения проявлялась сразу; например, европейские журналисты часто говорят «убить» вместо «казнить». Вот так они думают, – что мы убиваем людей, – и мне приходилось их поправлять. Мне это не нравилось, поскольку свидетельствовало об их предвзятости и нежелании понять истинное положение вещей.

Немецкий режиссер Вернер Херцог снял фильм об отделении смертников, и меня вот что подкупило: хотя Херцог решительный противник смертной казни, на фильме это не отразилось. Его больше интересовал даже не факт признания или непризнания осужденным своей вины, а как тот готовится к смерти. Я его за это уважаю, и он – не единственный европеец, который старается объективно освещать институт смертной казни. Однако многие европейские журналисты далеко не так беспристрастны. Глядя, как они стоят в комнате для свидетелей, прижимая ладони к стеклу, я думала: «Прекратили бы дурить… Ладно, когда переживают родственники. А вы их даже не знали».

Ларри от такого злился, порой просто из себя выходил. После казни Гэри Грэма к нему подскочила одна итальянская журналистка и завопила: «Культура смерти! Культура смерти!» А он уже стоял на крыльце тюрьмы, собирался после тяжкого дня отправиться домой. Ларри мне часто говаривал: «Являются сюда с заранее отработанной программой, а еще называют себя репортерами».

За несколько недель, предшествующих казни Наполеона Бизли, когда уже назначили дату, я получила бессчетное количество писем, и бумажных, и электронных, со всего мира. Некоторые вызывали чувство гадливости. Особенно достал меня один тип из Германии. Он, среди прочего, написал про свой сон: ему приснилось, как я отшлепала его за плохое поведение. Я обратилась в Управление генерального инспектора, и выяснилось, что он работает в фирме «Сименс», хотя, как мне показалось, искать нужно было поближе. Он даже позвонил в «Хантсвилл айтем» и спросил моего отца – пытался выведать, замужем я или нет, видимо, предполагая, что Дэвид Лайонс – мой муж.

В большей части писем речь шла о смертной казни. Некоторые авторы высказывались в ее поддержку, но очень многие негодовали, особенно из Европы. Я просто в шоке была, читая послание какого-нибудь, например, шведа, в котором расписывалось, какая я отвратительная особа. Меня это просто бесило. Какое-то время я терпела, потом стала отвечать, причем

иногда довольно сердито. Я была молода, мне не хватало терпения и выдержки, но еще мне очень хотелось, чтобы в этом споре выслушали и другую сторону. Я отчаянно отстаивала свои позиции: «Почему вы беретесь критиковать нас и нашу судебную систему? Что вам вообще известно о Техасе?» Середины для меня не существовало, но все же в статье для «Айтем» я, защищая свою работу, отвечала спокойнее: «Как вы выдерживаете зрелище человеческой смерти?» – «Такой вопрос мне задают часто. И я так и не научилась придумывать умные ответы. Мне никогда не доставляло удовольствия видеть, как человек испускает последний вздох. Просто у меня такая работа».

Непонимание того, чем мы занимаемся, демонстрировали не только иностранцы. Журнал «Роллинг стоун» опубликовал жуткую статью, в которой разгромил и тюрьму Хантсвилл, и лично Ларри. Автор называл Ларри недоумком и – еще того хлеще – призывал губернатора Буша его уволить. Про меня говорилось: «Юная выпускница Техасского университета A&M, видевшая больше казней, чем может вынести без вреда для здоровья человек ее возраста». Это было крайне унизительно и сильно меня разозлило. Я из кожи вон лезу, чтобы стать хорошим репортером, а про меня вон как пишут!

Кристиан Аманпур[20] тоже неплохо порезвилась, когда готовила большой материал для Си-эн-эн. Ларри, показывая ей камеру для временного содержания, упомянул, что, если осужденный не попросил ничего для последней трапезы, ему приносят тарелку с закусками и пунш. В рассказе он употребил выражение «party platter»[21]. «Потому что это праздник?» – тут же спросила Аманпур. А ведь Ларри ничего такого не говорил.

На этом она не остановилась. В интервью со мной она называла меня «начинающим репортером» и задала вопрос: «Разве нормально для молоденькой девушки так часто наблюдать смерть?» Мне стало обидно: да, я молода, но у меня за плечами уже семь лет журналистской работы. Особенно я негодовала, потому что сама она – женщина, как и я, – в двадцать с небольшим лет уже освещала военные действия. Я вполне могла бы ей сказать: «А для вас нормально было писать об Ирано-иракской войне, ходить в дурацкой куртке-сафари, когда на улице адская жара?» Очень долго потом, если при мне упоминали Кристиан Аманпур, я говорила «К черту ее, эту Кристиан Аманпур!»

Из 40 казней, произведенных в Техасе в 2000 году, я присутствовала на 38, а две пропустила, так как писала в те дни о заседаниях тюремной администрации. Кажется, я не думала о

том, что мы казним много людей. Наверное, это было неправильно, ведь прежде я ничего такого не видела. Однако меня куда больше заботил наш высокий уровень преступности.

Говорят, в Техасе все слишком большое, – у нас бургер в ресторане можно заказать не с булочкой, а с двумя пончиками, – наверное, это касается и преступности. И преступления у нас куда более сумасшедшие, чем в других штатах. Взять хоть астронавта Лизу Новак – она промчалась в машине девятьсот миль до Флориды – причем, говорят, ради спешки надела памперс, какими пользуются в космосе, – чтобы разобраться со случайной подружкой своего бывшего. И ведь такая выдающаяся женщина – работала в НАСА, – а пыталась похитить ту несчастную, брызнула на нее из газового баллончика. Потому-то Ларри и нравилось работать на радио в Форт-Уорте – этот город славится безбашенными преступниками даже по техасским меркам.

В Техасе приезжаешь с работы домой, включаешь радио – а там новости: то беспорядочная стрельба, то поножовщина, то изнасилование. Такое происходит каждый день, и это страшно. Одна женщина приходила в 2001 году на две казни, на которых я присутствовала, – Джека Уэйда Кларка и Адольфа Эрнандеса. В течение одного года произошло два не связанных меж собой преступления: Кларк убил ее дочь, а позже Эрнандес убил ее мать.

Существование смертной казни – лишь симптом высокого уровня преступности. В довершение всего преступные деяния в Америке тщательно фиксируются, – в журнальных и газетных статьях, на сайтах, в документальных и художественных фильмах, – и вся эта информация представляет собой огромную бесформенную массу разношерстных сведений. В качестве примера приведу случай. У меня в кабинете висел постер к фильму «Жизнь Дэвида Гейла», и однажды некая тележурналистка, увидев его, заметила: «О, Дэвид Гейл… помню тот процесс. Громкий был, с другими не сравнить». Я кивнула, хотя, боюсь, смотрела на нее как на сумасшедшую, ведь «Жизнь Дэвида Гейла» – история полностью вымышленная, и человек на постере – актер Кевин Спейси.

Не могу утверждать, что наблюдение за казнями стало делом повседневным и, значит, привычным; видеть последние минуты человека, смотреть, как жизнь и душа покидают его тело, – такое никогда не станет привычной рутиной, но в Техасе часто приговаривают к смерти, и многое здесь усовершенствовано – зрелища больше нет. Смертельная инъекция выглядит не так эффектно, как повешение, или расстрел, или поджаривание на электрическом стуле. В нашем штате казнь – процедура

клиническая, в ней даже есть своеобразный ритуал: капеллан обычно кладет руку на колено приговоренного, а стоящий рядом начальник тюрьмы поправляет, если нужно, подушку.

Двенадцатого июня 2000 года после казни Томаса Мейсона я написала в дневнике: «Он был похож на старичка, задремавшего в кресле с приоткрытым ртом». Он опять напомнил мне моего деда, самое преступное деяние которого – привычка впадать в вечернюю дрему.

Наступило время, когда лица всех казненных стали для меня сливаться в одно. Если казней много, большинство из них перестает быть значимым событием. Гэри Грэму посвятили метры газетных колонок, зато, когда 6 декабря 2000 года казнили Дэниэла Хиттла – он убил пять человек, включая офицера полиции и четырехлетнего ребенка, – из Далласа, где произошло преступление, присутствовать на исполнении приговора не явился ни один репортер.

Ларри как-то пожаловался: «У нас то скандирующие толпы собираются – просто жуть, а иной раз хоть из пушки пали – ни в кого не попадешь».

После казни Джека Уэйда Кларка 9 января 2001 года я написала в своем дневнике лишь одну фразу – о его преступлении – и остановилась. То была последняя запись. Я – человек организованный, всегда все записываю, и, наверное, дневник понадобился, чтобы как-то изолировать сведения о казнях, отделить их от моей остальной жизни. Однако, видимо на подсознательном уровне, я ощутила, что даже ведение дневника и его последующий просмотр – дело рискованное. Я как будто оказалась на развилке дорог и выбрала менее опасный путь. С того-то момента я и начала «складывать свои мысли в чемодан», – но не так, как кладут вещи – аккуратно расправляя, чтобы всегда были наготове, – а комкая и запихивая подальше. Для работы мои чувства значения не имели, важно было другое: за что преступник попал на кушетку и как он там себя вел – вот о чем я писала сухой прозой в «Хантсвилл айтем». Никто и не подумал бы, что все эти казни на меня влияют, – и потому никому не приходило в голову поинтересоваться, как я справляюсь. Даже я сама не думала, что зрелище чужой смерти может на мне отразиться. Думала, у меня все отлично.

Глава 4. Это же Ларри!

Когда мы в последний раз сжигали кого-нибудь у столба? Очень давно! Пустить бы такое в эфир воскресным утром… Вам не кажется, что в этой чокнутой долбанутой стране рейтинг будет высоченный? Да люди и в церковь не пойдут, лишь бы посмотреть.

Джордж Карлин, американский комик

Я обещал вам шутку…

Из последнего слова Патрика Найта, казненного 26 июня 2007 года

Мне нравилось быть репортером, и я не собиралась бросать журналистику, хотя времени всегда не хватало, а денег – и того хуже.

Поскольку в «Хантсвилл айтем» я пахала изо всех сил, писала тонны серьезных статей, и многие мои творения использовались агентством Ассошиэйтед пресс, я стала получать приглашения от более крупных изданий, таких как «Бомонт энтерпрайз», «Уэйко трибьюн-геральд» и «Галвестон дейли ньюс». Я продолжала работать в «Хантсвилл айтем», надеясь, что, если продолжу писать серьезные материалы на тюремные темы, рано или поздно получу место в действительно большой газете, например «Хьюстон кроникл» или «Даллас морнинг ньюс».

Потом, к концу 2001 года, в Департаменте уголовного судопроизводства появилась вакансия пресс-представителя. Мне предлагали работу в Университете Сэма Хьюстона и еще в страховой компании – более выгодную в плане заработка, однако меня все это не привлекало. Я оставила бы журналистику только ради Департамента – тюрьмы меня всегда интересовали.

Важно было и то, что заработок в Департаменте предложили в два раза больше, чем журналистский, и то, что я уже подружилась с Ларри и познакомилась с его начальником Ларри Тоддом.

Когда я работала в «Айтем», Тодд и Фицджеральд устроили

для меня поездку по всем тюрьмам штата, чтобы я освещала различные отрасли тюремного производства, и часто сами меня сопровождали. Есть у техасской тюремной системы один большой плюс: у нас отлично обучают заключенных разным ремеслам, особенно тех, у кого близок день освобождения. В одной из тюрем, например, была автомастерская, где ремонтировали школьные автобусы. Их свозили сюда со всего штата, и заключенные осваивали ремонт мотора и кузовной части – из мастерской автобусы выходили как новенькие. В другом месте заключенные учились ремонтировать и модернизировать компьютеры, которые потом отправляли в школы в наиболее бедных районах штата. Существовало еще производство матрасов для тюрем и для студенческих кампусов, в том числе и для Техасского университета A&M. И у меня был матрас с этой фабрики, правда, когда я привезла его домой, мне пришло в голову, что зашиться в матрас – отличный способ бежать из тюрьмы. Матрас оказался просто отличный, но первые две недели я все боялась, что среди ночи из него кто-нибудь вылезет и придушит меня. Еще в одной тюрьме делали книги для слепых по системе Брайля; а в другой – игрушки.

Департамент – единственное место, где пресс-представителя не радует внимание СМИ, поскольку к тюремной системе оно, как правило, привлекается чем-нибудь плохим. Однако материал о производстве в тюрьмах вполне позитивен, и в своих интервью я подчеркивала, что нам нужно больше оптимизма и инициативы.

Тодд по профессии телевизионщик, а Фицджеральд – радиоведущий, поэтому они искали человека, владеющего пером. Они хотели молодого сотрудника, предпочтительно женщину, и, желательно, владеющую испанским. У моей мамы греческие и латиноамериканские корни, и хотя разговорный испанский у меня хромает, понимаю я вполне прилично. Они подогнали под меня описание вакансии, решили, что я успешно прошла собеседование, и в ноябре 2001 года я освободила свой стол в редакции «Айтем» и приступила к работе в Департаменте.

Недели две спустя Фицджеральд заявил: «Поедем в тюрьму Берд[22]. Тебе нужно посмотреть на процедуру распределения, об этом нас часто спрашивают».

Берд – распределительное учреждение в Хантсвилле для заключенных-мужчин. Мы пришли, отметились у охраны, и я двинулась за Ларри по коридору, откуда доносился шум воды, и вдруг оказалась среди раздетых мужчин, – они принимали душ и переодевались в тюремную одежду. Глядя на меня, Ларри принялся хохотать. Я отвернулась, думая: «Ах ты гад!» Я решила: ни за что не покажу своего смущения, хотя смущена была еще

как: меня окружало примерно сорок потенциально опасных и ну очень голых мужчин. Я боялась поднять взгляд – еще обвинят, что я их разглядываю.

Ларри все время устраивал мне такие испытания: ему нравилось меня конфузить.

В другой раз он показал мне все типы камер и карцеров в блоке строгого режима тюрьмы Эстелл. В одиночных камерах содержатся самые буйные из приговоренных к смерти и обычные заключенные, если провинятся. Обитатели одиночек сидят в камерах по двадцать три часа в сутки; их общение друг с другом сведено к минимуму. Большинство членов банд ради их же блага изолированы в отделении с первым уровнем безопасности, и там царит зловещая тишина. В отделении второго уровня более шумно, а в отделении третьего – настоящий кошмар, ничего более жуткого в тюремной системе я не видела. В день, когда Ларри устроил мне этот тур, один заключенный размазывал собственные фекалии (по крайней мере, я думаю, что они были его) по окошечку в двери камеры.

Еще Ларри заставил меня попробовать батончики, какими кормят заключенных, если они себя плохо ведут или швыряются нормальной едой. Батончики делают из разнообразных измельченных пищевых продуктов, они питательные, но совершенно невкусные, похожи на несвежий кукурузный хлеб, который к тому же забыли посолить. Ларри потребовал, чтобы я съела один, – дескать, какой-нибудь репортер может поинтересоваться, каковы они на вкус, – полная чушь, конечно же. Он частенько меня морочил, такое у него зловредное чувство юмора.

Ларри во многом был как ребенок, притом очень умный, и, кажется, видел во мне родственную душу. Он прозвал меня «Мелкий Ларри», а я говорила: «В бар пойду, а от скотча и сигарет без фильтра меня увольте, и усы я точно не стану отращивать».

Моя любимая поэтесса – Дороти Паркер; в Хантсвилле ее мало кто знает. Ларри знал отлично, и иногда называл меня «мисс Паркер». Он давал мне и другие прозвища, порой слегка обидные, но это же Ларри – и я только радовалась. После больших походов по кабакам он присылал мне по электронке смешные письма с описаниями своего похмелья. «Я как дыхну – ничего живого рядом не останется». А еще ему нравилось завернуть какое-нибудь мудреное длиннющее слово. Я даже не притворялась, будто его знаю, и Ларри начинал объяснять, что доставляло ему массу удовольствия. Он любил слова; наверняка часто сидел за компьютером и выискивал, чем бы меня удивить.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

В нашей работе порой присутствует черный юмор. Когда видишь столько казней, без него не обойтись. Один осужденный вздумал было сопротивляться, и охранник ему сказал: «Да брось ты, – еще поцарапаешься». Смешно, подумал я, как будто ему не все равно, ему жить-то осталось…

У сотрудников охраны шутка всегда наготове. Как-то раз, когда я зашел в отделение смертников, старший охраны предложил мне взглянуть на Лоуренса Брюэра, которого как раз доставили в тюремную больницу. Брюэр был один из трех расистов, убивших в 1998 году в Джаспере чернокожего Джеймса Берда. Брюэр, Шон Берри и Джон Кинг привязали Берда к машине, протащили несколько миль и бросили его обезглавленное тело перед кладбищем для афроамериканцев. Когда Брюэру сообщили, что ему предстоит – медосмотр, фотографирование татуировок и три укола, – он заявил: «Черт, терпеть не могу уколы!» И надзиратель сказал: «Значит, приятель, в отделении смертников вам делать нечего».

Лесли Гош и его подельник похитили жену банкира, потом что-то у них пошло не так, и они ее убили. Гош носил очки с толстенными линзами. Без них он был практически слеп, но начальник тюрьмы решил проявить осторожность и перед казнью забрал очки. Когда препарат ввели, начальник позвал доктора констатировать смерть. Доктор при этом обычно поднимает казненному веки. И вот он поднял веко, а глаз – выпал! Доктор подхватил его на лету и вставил в глазницу. А потом ворвался в кабинет директора, крича: «Какого черта никто не предупредил, что у него искусственный глаз?»

Помню, казнили как-то еще одного джентльмена, ветхого чернокожего старичка. Он так долго просидел в отделении смертников, что на казнь никто не пришел. То ли все, кто имел отношение к преступлению, уже умерли, то ли просто не захотели прийти, но в комнате свидетелей были только мы с Грачуком. Старик начал произносить последнее слово и говорил до такой степени путано, что мы ничего не поняли, а когда препарат начал поступать ему в вены, вдруг напрягся и завопил: «А “Ковбои”-то каковы, а?» И умер. «Далласские ковбои» играли накануне и на грани поражения ухитрились

вырвать победу из рук противника. Мы с Грачуком переглянулись и невольно рассмеялись.

Джозеф Фолдер в 1975 году убил при ограблении в Глейдуотере пожилую даму. Поскольку он был гражданином Канады, за него горой посыпались ходатайства, и в отделении смертников он просидел почти двадцать пять лет. У меня установились с ним неплохие отношения; буквально в день казни он получил отсрочку исполнения, и я поспешил из своего офиса в здание тюрьмы, чтобы его обрадовать. Когда я вбежал в комнату, Брэззил спросил, зачем я здесь.

– Фолдер, вам дали отсрочку! – сказал я.

– Ну, отпад! – заметил он.

– Фолдер, сколько вы тут сидите? Так уже лет двадцать не говорят.

После долгой паузы он спросил:

– Позвольте поинтересоваться, мистер Фицджеральд, – когда у вас день рождения?

Я ответил, и он сказал:

– Ну, так вы еще больше засиделись!

И мы рассмеялись, и Брэззил тоже. «Неблагая весть» к своей работе духовного лица относился очень серьезно, но посмеяться любил не меньше меня…

Перед казнью Джозефа Фолдера Ларри попросил меня дать интервью для какого-то канадского телеканала. Интервью брала молодая женщина; я глубоко ушел в рассуждения о духовном аспекте смертной казни, и тут она говорит: «У меня последний вопрос: мне довелось слышать, что вы получаете большую поддержку от “Раббер дакиз”, – не хотите ли о них рассказать?»

«Раббер дакиз» – секс-шоп в Хантсвилле. Я покраснел и только выдавил: «Вы, похоже, успели побеседовать с этим извращенцем Фицджеральдом?» Девушка рассмеялась.

Одна дама брала у меня интервью, и вдруг раздался неприличный звук. Я подумал, что это она, а она подумала – что я. Через несколько минут – опять тот же звук, смачный такой. Когда он раздался в третий раз, я не выдержал:

– Послушайте, это не я!

– И не я!

Нагибаюсь – и вижу под сиденьем стула пукающий

гаджет. А Ларри у себя в кабинете гоготал как гусь.

Джим Брэззил, бывший капеллан тюрьмы Хантсвилл

Позже мне довелось слышать всякие истории о юных годах Ларри, когда ему все было нипочем. Как-то, будучи студентом, Ларри просверлил дырку в багажнике своей машины, наложил туда льда и ездил взад-вперед, продавая спиртное. «Студенты прямо в очередь выстраивались у моей машины», – любил вспоминать он.

Когда квартирный хозяин разрешил ему сделать ремонт, Ларри все выкрасил черной краской, включая окна.

Ларри был человек рок-н-ролла, в шестидесятые и семидесятые крутил музыку по радио и весь проникся духом свободы. Однако к работе в Департаменте относился очень серьезно и прекрасно с ней справлялся. Он отлично понимал, чего хотят журналисты, и научил меня всему, что я знаю о работе по связям с общественностью. Ларри знал, насколько откровенным нужно быть с журналистами, и высоко ставил информационную открытость. Когда в 1998 году казнили Карлу Фэй Такер, – она стала первой женщиной, казненной в Техасе в XX веке, – начальник тюрьмы дал ему неверную о ней информацию, которую Ларри и сообщил СМИ. Когда это выяснилось, Ларри рассвирепел. Начальник подорвал его репутацию: ведь журналисты ждали правдивого рассказа. Ларри понимал: врать нельзя, хотя это вовсе не значит, что журналистам следует сообщать всю правду. Он называл нас «профессиональные хранители тайн».

Поскольку Ларри прекрасно справлялся с работой и журналисты его очень уважали, с рук ему сходило многое, за что другого бы уволили. А так все говорили: «Ну, это же Ларри!» Ларри не выносил одного итальянского репортера, просто в грош не ставил, и всякий раз при встрече показывал ему средний палец, не смущаясь присутствием других журналистов. Не сомневаюсь, что он применял к нему и свои любимые ругательства.

Как-то приехали к нам два французских репортера, а в городе шел дождь. Они спросили у Ларри, где бы им укрыться, а он в ответ: «Нечего ныть, хоть помоетесь разок в жизни». А у меня в голове крутилось: «Ох, Ларри, наживешь ты нам неприятностей».

В тюрьме табачные изделия запрещены, однако Ларри всегда протаскивал сигареты для осужденных на казнь. В служебных машинах курить не разрешается, но Ларри ничем не пробьешь: в пепельнице у него вечно горы окурков от сигарет без фильтра.

Все эти новомодные правила для него не были писаны.

Однажды заключенные устроили побег, и Ларри ехал в машине с главным начальником по тюрьмам и прочими важными шишками. Они остановились у магазина – купить воды и чего-нибудь перекусить. Ларри принес упаковку пива. Он и не подумал поделиться со спутниками, а уселся сзади и сам все выпил. Что самое интересное, большой начальник и слова ему не сказал. Все уже смирились: Ларри такой, какой есть. Он принадлежал к другой эпохе, когда все курили на рабочем месте, держали на столе графины со скотчем и вообще поступали, кому как заблагорассудится. Ларри никто не мог обуздать, да никто и не пытался: он и так был хорош.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Помимо уважительного обращения с осужденными работа моя заключалась в контактах со СМИ. Меня всегда поражало, когда люди говорили: «Вы всего лишь рупор тюремной системы». Кто бы спорил. Это же моя работа. Но еще я разбирался в том, что нужно журналистам, помогал им: был откровенен, насколько мог. Я старался ничего не скрывать, говорил правду, – поэтому репортеры меня любили. Даже если дела шли плохо – захват заложников, побег, бунт, – я всегда думал: «Что сейчас нужно СМИ? Каким образом мне ввести их в курс дела?»

Однажды в городке Дилли к югу от Сан-Антонио произошел инцидент. В тюрьме вспыхнул бунт, или, как мы предпочитаем говорить, – беспорядки, и всколыхнулись все местные СМИ. Первые репортажи шли просто жуткие. Сообщали, что заключенные выкрали форму охранников, проникли в оружейную комнату и открыли стрельбу. Мне пришлось все улаживать. На следующий день я привел телевизионщиков в тюрьму: пусть увидят действительное положение вещей. Они были поражены, думали, что поснимают только снаружи. Однако я провел их внутрь и все показал, и материал получился неожиданно позитивным: да, случились беспорядки, но мы быстро все уладили.

Некий репортер был убежден, что в одном из рабочих помещений заключенным разрешают курить. В конце концов я ему сказал: «Приходите и сами посмотрите». Так же я поступил, когда разошелся слух, будто заключенные блаженствуют в камерах с кондиционерами. Политика

Департамента, – во всяком случае, так было при мне, – гласность и открытость.

Когда в тюрьме происходило что-нибудь скверное, мы сообщали, во-первых, в Ассошиэйтед пресс и, во-вторых, в Техасскую государственную сеть – это самая большая радиосеть штата в США. Лучше сразу рассказать все журналистам, даже представив себя в невыгодном свете, чем если они узнают сами и явятся к нам. Именно так и нужно обращаться со СМИ. Так вам не придется оправдываться. Зачем нам что-то скрывать? Общественность должна знать, и, на мой взгляд, с ней следует быть честным. Я всегда помнил про Ричарда Никсона и Уотергейтский скандал: попытка замалчивания обошлась властям дороже, чем нарушения, которые они пытались скрыть. Конечно, гласность означает, что наружу выйдут не очень красивые факты, зато при этом хотя бы сохранится какой-то контроль над ситуацией.

А вообще, причины для гласности были скорее этические: мы исполняли высший и окончательный акт закона: казнили преступников, а СМИ раскрывали обществу внутренние механизмы системы. Поэтому, на мой взгляд, полезнее допустить журналистов внутрь, позволить опросить сколько угодно осужденных. Так лучше для всех: публика узнает о преступнике (или преступнице) и его или ее жизни в отделении смертников, а осужденный имеет возможность изменить всеобщее о себе мнение. И когда преступник умирал на кушетке, представители СМИ тоже должны были присутствовать и быть свидетелями. Мы старались пускать всех, ведь люди, причем не только в Техасе, а во всем мире, имеют право знать, что мы все делаем правильно.

Я не любил, когда во время казни места журналистов пустовали. К таким вещам люди не должны быть равнодушны. Государство отнимает чью-то жизнь, а большинство публики об этом и понятия не имеет. Даже в Хантсвилле некоторые казни проходили буквально незамеченными. На смертной кушетке умирает человек – и это не попадает на первую страницу «Хантсвилл айтем»!

Через несколько месяцев после Карлы Фэй казнили некоего Джонни Пайлза. В 1982 году он застрелил в Саннивейле помощника шерифа, причем, по его словам, в целях самообороны. В тюрьме Пайлз малярничал, и я иногда стоял в коридоре, и мы беседовали. Он, бывало,

прислонится к лесенке и рассуждает о том, как обратился к Богу. Я не сомневался, что он, как и Карла Фэй, уверовал искренне. Однако, в отличие от казни Карлы Фэй, на его казнь не явился никто. Это меня огорчило.

Когда в Техасе в 1982 году состоялась первая после отмены моратория смертная казнь, сотни людей пришли протестовать. Они жгли свечи, студенты пили пиво, кричали и размахивали транспарантами. И еще припоминаю: на казнь Рональда Кларка О'Брайана в 1984 году явились люди, одетые в костюмы для Хеллоуина – не потому, что было 31 октября, а потому, что О'Брайан убил своего сына, дав ему на Хеллоуин отравленную конфету. Здорово, подумал я, когда противники смертной казни устраивают акции, но если они хотят за счет этого поразвлечься – ничего хорошего. Ну да ладно, по крайней мере, людям не все равно.

Исполнительный директор Департамента Уэйн Скотт собаку съел в вопросах информирования общественности; он отлично понимал: раз уж репортеры не могут видеть, что происходит в тюрьме, мы сами должны им рассказать, – и пусть используют информацию, как им заблагорассудится. И если мы честны с ними в других вопросах, – тем скорее они нам поверят.

С Мишель я познакомился во время той истории, когда Пончай Ушкерсон и Говард Гидри захватили заложницу. Я отслеживал ситуацию. В какой-то момент Скотт меня спросил: «Пончай с Говардом тебя знают?» Я ответил утвердительно, и Скотт велел мне выманить Пончая туда, где его можно будет схватить. Я уже решился на этот шаг, но Скотт, слава богу, передумал. Выполни я подобную просьбу – и с работой можно было бы прощаться, потому что ни один заключенный не пожелал бы иметь со мной дела.

Перед казнью Пончая к нему пришли родители, а он не захотел выйти из камеры. Мы с Брэззилом уговаривали его попрощаться, но он не двинулся с места. По правилам Департамента, если заключенный не выходит из камеры, то перед тем, как применить газ, полагается сделать три предупреждения. Честно говорю: никаких предупреждений я не слышал. Раз – и все! Пошел газ, а мы с «Неблагой вестью» без масок. Мы бились в дверь, пытаясь выбраться. Одно хорошо: я с тех пор бросил курить, – газ сильно

подпортил мне легкие.

Иногда я делал такое, чего делать не следовало. В ночь на День благодарения 1998 года у меня возникло чувство – что-то должно случиться. Оно, конечно, и случилось. В ту ночь дежурил Ларри Тодд; он позвонил мне и сказал:

– У нас побег: заключенный из тюрьмы Эллис.

– Вот как? А имя?

– Гурул.

Имя мне ни о чем не говорило, и я спросил про номер.

– Шестьсот девятнадцать.

– Господи, так это из отделения смертников, черт бы его побрал.

Я моментально оделся и поехал к тюрьме.

В ту ночь стоял туман, и поискам он никак не способствовал, да еще кругом журналисты. Я работал с репортером из «Нью-Йорк таймс», а его редактор то и дело ему названивал. Я взял трубку и сам попытался растолковать человеку положение вещей. Я говорил: «Беглец все еще на территории тюрьмы», а нью-йоркский издатель спрашивал: «Если он на территории тюрьмы, почему вы его не можете найти?» Он никак не мог усвоить, что земли тюрьмы занимают 17 000 акров. Я объяснял, что за тюремными оградами всякие охотничьи лагеря, где полно ребят с винтовками, – они этого Гурула мигом пристрелят; а еще у нас водятся дикие свиньи, огненные муравьи и все ядовитые змеи континента. Иными словами, я втолковывал ему – у Гурула нет ни единого шанса – и одновременно: «Не ходите, дети, гулять в Техас…»

Через семь дней после побега двое сотрудников Департамента, рыбачившие на протоке Хармон-Крик, нашли тело Гурула. Они никак не ожидали такого большого улова. На Гуруле были два комплекта плотного белья и куски картона и журналы, благодаря чему он перекатился через колюче-режущую проволоку, не поранившись. Он пробежал около мили, оказался на мосту и прыгнул в воду, – наверное, услышал погоню. Под мостом глубоко и очень быстрое течение. Предполагается, что Гурул утонул сразу – из-за своих «доспехов». Свободой беглец наслаждался всего сорок пять минут. На следующий день, стоя у «Стен», окруженный толпами репортеров, я разорвал листок «Разыскивается» и объявил: «Гурул уже не разыскивается!» Господи, какой

мне за это был нагоняй!

Глен Каслбери, начальник отдела внешней информации, обозвал меня ковбоем, еще на меня разозлились многие заключенные-смертники. У Гурула в тюрьме было немало поклонников, его считали героем. Узнав о побеге, они твердили: «Давай-давай, держись!» Мне следовало сказать: «Он пойман», а не устраивать спектакль. Я слишком увлекся. Да, работа была беспокойная, адреналин зашкаливал. Всякий раз, когда звонил телефон, возникало ощущение, как в русской рулетке: случиться может все, что угодно.

Некоторые заключенные из отделения смертников с тех пор больше не разговаривали с Ларри. Один перед казнью даже повернулся к нему спиной. Большинство все-таки его ценило, – отчасти за лукавство и умение нарушать правила, отчасти потому, что он им был нужен. Он мог дать им шанс. Вдруг, например, Бьянка Джаггер узнает о них из газет и займется их участью, как это случилось с Гэри Грэмом, или папа проведает об их печальной судьбе и выступит с осуждением смертной казни.

Я никогда не знала заключенных так, как знал их Ларри, потому что он ходил по отделению смертников, словно по собственному дому, забредал то к одному, то к другому, останавливался поболтать. Когда он шел мимо камер, его окликали: «Эй, мистер Фицджеральд!» Порой они называли его «мистер СМИ». Ему это нравилось.

Ларри и сотрудники любили, хотя он даже имен их не помнил. К мужчинам обращался «братец», к женщинам – «барышня», и им льстило, что Ларри изволил их заметить.

Глава 5. Праздник – навсегда

Это [наблюдать за казнью] все равно что писать о бейсбольном или баскетбольном матче или о взрыве на химической фабрике.

Майк Грачук, представитель Ассошиэйтед пресс на процедурах смертной казни

Посторонние, присутствующие на казни, боятся, что их застукают за созерцанием крайнего унижения другого человека. Они боятся вопроса в глазах осужденного: «Кто ты? Зачем здесь?» Его грехи, его поражение, его страх и беспомощность – все выставлено напоказ чужим людям.

Дэвид фон Дреле. Среди мертвых

В течение трех дней перед казнью охранники каждые десять-пятнадцать минут проверяют камеру осужденного и записывают, чем он занимается. Пишут обычно о самых повседневных вещах: «заключенный спит», «заключенный читает», «заключенный сидит на кушетке», но какие-то подробности опускают: незачем кому-то знать, что последние свои часы осужденный провел, яростно мастурбируя.

Я редактировала записи охранников и включала в свой материал наряду с подробностями его преступления и меню последней трапезы.

В день казни заключенный завтракал – с половины четвертого до половины пятого утра, а примерно в восемь его отводили в комнату для свиданий. Там он мог провести с родными и друзьями четыре часа (в предыдущие два дня ему давали по восемь часов). Потом его отводили обратно в отделение и готовили к отправке в Хантсвилл. После подготовки помещали в специально оборудованный автомобиль и запирали там с вооруженными охранниками; в машине сопровождения ехали другие вооруженные охранники и начальство. Однажды я была в

машине сопровождения, и мне тоже дали оружие. Я ехала на заднем сиденье и боялась: стоит водителю резко затормозить, и я нечаянно застрелю сидящего напротив.

В тюрьму «Стены» транспорт прибывал около часа дня. Фургон с заключенным подъезжал к служебному входу, и его выводили. Ларри однажды сказал: «Эти ребята так долго сидят взаперти, но никогда не посмотрят на небо». Он верно заметил: они обычно не поднимали головы. Приговоренного заводили внутрь, тщательно обыскивали, выдавали другую одежду, снимали отпечатки пальцев и помещали в камеру временного содержания рядом с отделением смертников, в которой стояли только койка и железный стульчак. После этого к нему приходили начальник тюрьмы, капеллан и я.

Начальник тюрьмы выяснял, кто будет присутствовать на казни, кому отойдет имущество заключенного и каковы его пожелания относительно последней трапезы. Затем я сообщала заключенному, кто будет из журналистов, и напоминала, что, если он не хочет произносить последнее слово в комнате смерти, может написать теперь, и я передам его СМИ. Во время разговора я внимательно следила за его поведением, – чтобы рассказать репортерам, если спросят. По большей части осужденные, смирившись с предстоящим, волновались, но вели себя тихо. Один, помню, выказал большое раздражение. Он был примерно моего возраста и единственный из заключенных, кто называл меня по имени, что в тюрьме совершенно не принято (если вы не Ларри, конечно). Я его не одергивала, ведь ему предстояла скорая смерть, но когда он сказал: «Мишель, я не понимаю, зачем мне умирать!», я ответила: «Затем, что вы убили человека, и это – расплата».

Мы уходили, а заключенному приносили стол с угощением: кофе, пунш, чай со льдом и закуски. Словом, то, что Ларри так неудачно назвал «party platter». (К черту эту Кристиан Аманпур…) Потом заключенному разрешалось позвонить по телефону в любое место США, и многие проводили последние часы в беседах с родными и старыми друзьями, чего в отделении смертников не позволялось.

Лично я даже после вечеринки не люблю прощаться, – как же прощаться после такого разговора? Что, черт побери, можно сказать матери, отцу, другу детства? Однажды, когда мы сидели у Ларри, Грачуку позвонил осужденный из временной камеры – Джон Саттеруайт, убивший в 1979 году в Сан-Антонио продавщицу. Саттеруайт выразил раскаяние, извинился за совершенное преступление и, прежде чем повесить трубку, сказал: «Увидимся через час».

Говорят, ни один осужденный не прилег на койку подремать, – зачем, если скоро уснешь навеки?

В четыре часа дня осужденному приносили последний обед. Блюда для последней трапезы готовил заключенный по имени Брайан Прайс, настоящий мастер. Бывший рок-музыкант, готовить он научился у другого заключенного – профессионального повара. Прайс не хотел знать, что совершил осужденный, – он не смог бы приготовить вкусную еду для детоубийцы или серийного насильника. Однажды о нем снимали документалку, – и он приготовил макароны с сыром. Такие вкусные мне редко доводилось есть, а я их пробовала немало. Когда осужденный заказывал что-нибудь, чего не могли приготовить в тюремной кухне, ему и не пытались это раздобыть. Тот, кто просил филе-миньон и лангуста, рисковал получить котлетку из гамбургера и рыбное филе. Поэтому большинство заключенных не фантазировали, а просили чизбургер.

Прайс как-то рассказывал: «Один парень пожелал белую фасоль, – надо же, фасоль для последнего обеда! Потом-то я сообразил: наверное, ему мама в детстве фасоль готовила».

Некий заключенный, который разбирался в вуду и колдовстве, потребовал земли – хотел провести во временной камере какой-то ритуал. Знаете, что ему принесли? Йогурт. Видно, решили рифму подобрать[23].

Джеральд Митчелл заказал конфеты «Джолли ранчерс», еще один заключенный – банку пикулей и получил их, только без банки. Оделл Барнс пожелал «справедливости, равенства и мира во всем мире». Ну, тут уж повару делать нечего: это вам не какую-нибудь простенькую энчиладу сварганить.

> У Джеффри Диллингэма был всем обедам обед. Он заказал чизбургер с чеддером, моцареллой и американским сыром и без лука, большую порцию картофеля-фри, макароны с сыром, лазанью, два куска чесночного хлеба, сыр “начо”, три рулета с корицей, омлет из пяти яиц и четыре литра молочно-шоколадного коктейля. Все это он, кажется, и получил, кроме коктейля в таком количестве. Я сказала Ларри, что попросила бы то же самое, минус рулеты и омлет, но добавила бы «Доктор Пеппер».
>
> *Запись в дневнике Мишель о казни Джеффри Диллингэма, 1 ноября 2000 года*

После трапезы заключенного начиналось то, что Оделл Барнс назвал «игрой в ожидание». Осужденный ждет смерти, его семья

ждет для него спасения, близкие жертвы ждут правосудия, репортеры ждут, когда их позовут в комнату для свидетелей. Все ждут.

В настоящей камере смерти нет ни часов на стене, громко отсчитывающих секунды, ни большого красного телефона, чтобы губернатор мог лично позвонить и остановить казнь, но в 2002 году Джеймс Колбурн получил отсрочку за минуту до того, как его собрались вести в комнату смерти. Такое, однако, случалось редко. Если к шести часам не было апелляции, по которой не вынесено решения, ждать не приходилось. Если же такая апелляция была, мы сидели у Ларри, дожидаясь решения.

Когда Билли Викерса в первый раз привели в комнату смерти, решения по его апелляции еще не вынесли, и нам пришлось ждать до полуночи – в это время приказ об исполнении смертного приговора утрачивает силу. А однажды решение приняли только в 23:23, и казнь отложили: кто-то из начальства побоялся, что процедуру не успеют завершить до истечения суток, – и это будет нарушением порядка.

Обычно в шесть вечера генеральный прокурор и представители губернаторской канцелярии сообщали начальнику тюрьмы, что можно приступить к исполнению, начальник тюрьмы приглашал осужденного «пройти в следующую комнату», а Ларри собирал репортеров и вел в здание тюрьмы. Когда репортеры друг за другом тянулись к «Стенам», становилось ясно: казнь состоится, и никаких задержек не будет.

Тем временем специальная команда из пяти охранников провожала осужденного – без оков – из временной камеры в комнату смерти. Когда он входил в это небольшое помещение со светло-зелеными стенами, охранник говорил: «Пожалуйста, ложитесь на кушетку». Осужденный вставал на небольшую подставку, укладывался на кушетку и вытягивал руки в стороны, как для распятия. Затем четверо охранников спецкоманды одновременно пристегивали ему руки и ноги, а пятый – туловище.

Потом они уходили, и приходила инъекционная бригада. Имена этих людей не разглашаются; они вводят осужденному в вены катетеры и пускают физраствор, а затем уходят за одностороннее зеркало. Оттуда им видно, что делается в комнате смерти, а их самих не видно никому.

Я читала жуткие рассказы об узниках, которые часами лежали, пристегнутые к кушетке в ожидании решения суда, только все это – байки. В Техасе казнь происходит почти сразу после введения катетеров. Когда осужденный лежит на кушетке с катетерами в венах, его уже ничто не спасет. Это вам не кино.

Близких жертвы провожали в ту часть свидетельской комнаты, что напротив изголовья кушетки, а потом в другую часть комнаты приводили близких осужденного. Все было тщательно продумано: эти люди друг друга не видели. Однако тонкая перегородка не мешала им друг друга слышать. То были маленькие комнатушки без стульев и с одним большим окном, выходившим в камеру смерти, и люди стояли прямо у окна. Иногда они отшатывались: увидеть вдруг так близко своего сына или брата на кушетке – или смотреть на человека, убившего твою мать или дочь, – тут поневоле вздрогнешь. Мне кажется, людей потрясала непосредственная близость происходящего. Они испытывали смущение или страх. Волновались, не знали, куда смотреть. Как подготовиться к такому событию? А некоторые, наоборот, старались придвинуться к окну, смотрели на казнь торжествуя, или с вызовом, а иногда даже стучали по стеклу.

Журналисты допускались в обе комнаты, – и мы толклись позади родственников, надеясь что-нибудь разглядеть. Даже когда я стала пресс-представителем, мне требовалось хорошо все видеть, чтобы сделать запись в тюремных документах; да и репортеры могли спросить о чем угодно, – закрыл ли, к примеру, осужденный глаза или смотрел на семью жертвы. Обычно эмоции исходили как раз от семьи осужденного. Ведь родные жертвы уже пережили свою потерю и готовы были перевернуть страницу, а семье осужденного предстояло видеть смерть близкого человека. Для них долгий и трудный путь скорби только начинался.

Поскольку перегородка довольно тонкая, родственникам жертвы все было слышно. Мне всегда казалось, что это жестоко, и я переживала: вот мать смотрит на казнь того, кто убил ее ребенка, и вдобавок к собственному горю ей приходится слушать, как выплакивает свою боль другая мать, ведь для той исполнение правосудия – самая ужасная участь.

Однажды я видела, как женщина рыдала и билась в стекло, в другой раз – как женщина кричала и пинала стену. Я видела матерей, которые умоляли, матерей, которые взывали к Богу, матерей, которые кричали, что их сын невиновен. Две потеряли сознание. Неудивительно, что иногда осужденные просили родителей не приходить.

После того как свидетели занимали свои места, из камеры смерти доносился металлический звук закрываемой тяжелой двери и поворачивался ключ. Из комнаты за зеркалом выходил сотрудник тюремной администрации и сообщал, что можно продолжать. Начальник тюрьмы спрашивал: «Смит, вы желаете произнести последнее слово?» С потолка к губам осужденного опускался микрофон, и он мог что-то сказать – или не сказать

ничего. Обычно начальник тюрьмы еще во временной камере предупреждал заключенного, что у него будет одна-две минуты, иногда шутил: «Большую речь не сочиняйте». Поэтому последнее слово часто заканчивалось примерно так: «Ну все, начальник» или «Я все сказал».

Если верить всему, что говорят на кушетке заключенные, можно подумать, будто в Техасе сотнями казнят безвинных. Однако не думаю, что при мне казнили хоть одного невиновного. Порой осужденные каялись Брэззилу в совершенном преступлении, зато потом, на кушетке, заявляли о своей невиновности. Ему они признавались: «Не смогу я лежать там и объявить, что я это совершил». Они просили его помолиться об их прощении, а потом, лежа на кушетке, начинали лгать. Так они поступали ради близких, не желавших верить в их вину. А у кого-то мать заложила дом, чтобы нанять адвоката. Отчасти я понимаю желание защитить своих любимых, но когда человек лежит на кушетке и в венах у него иглы, – пути назад уже нет. Надежда потеряна. К чему лгать?

Иногда приговоренные признаются на кушетке в совершении нераскрытых убийств, как, например, Билли Викерс, заявивший, что он был наемным убийцей и убил больше двенадцати человек. Некоторые желали кого-то реабилитировать и представляли свою версию преступления.

Кто-то обвинял полицию в коррупции, а государство – в убийстве. Потом читаешь его дело, – а там и отпечатки на орудии преступления, и кровавые следы от места убийства до дома осужденного.

Рики Макгинн, – я до сих пор со слезами вспоминаю его мать в нарядном платье, прижимающую к стеклу морщинистые ладони, – был единственный, кому Джордж Буш во время своего губернаторства дал отсрочку. Я брала у Макгинна интервью, и он произвел на меня впечатление человека, вполне способного изнасиловать и убить свою двенадцатилетнюю падчерицу, – за что его и осудили. Он клялся в невиновности и настаивал, что тесты ДНК ее подтвердят.

Макгинн был первым в Техасе смертником, получившим отсрочку для проведения биотестов, и это наводит на подозрения в том, что Буш действовал в целях саморекламы, поскольку он как раз выдвигался на пост президента от республиканцев. Макгинн успел переодеться, помолиться вместе с капелланом и даже съесть последний обед – двойной чизбургер, жарко́е и лимонад «Доктор Пеппер», – когда начальник тюрьмы сообщил, что казнь отложена.

Анализ ДНК подтвердил виновность осужденного, однако он

все равно отрицал свою вину. Не могу осуждать Макгинна за то, что он испробовал все средства. Будь я приговорена к смерти, сделала бы то же самое.

Во время казни, совершенной через три месяца после первоначально назначенной даты, Макгинн не говорил ни о преступлении, ни о своей вине или невиновности. Он попрощался с родными, сказал, что любит их, и молился, чтобы Господь забрал его к себе.

Перед самой смертью большинство заключенных взывают к Богу. Один сказал мне: «Чтобы найти в себе силы лечь на кушетку, нужно верить, что там, дальше, что-то есть». Наверное, именно поэтому они на нее буквально запрыгивают. Надеются попасть в лучший мир… хотя, мне кажется, многие думают, что их ждет ад. Я – человек верующий и понимаю, почему эти люди пытаются обратиться к Богу, в которого в момент расплаты начинают веровать. Конечно, иногда осужденные лгут, объявляя о своем духовном возрождении, но кто-то искренен, ведь, кроме религии, у них ничего не осталось. Некоторые умирали, читая молитву или цитируя Библию, а кое-кто даже пел гимны.

Были такие, кто вел себя не по-христиански. Самое злобное предсмертное слово на моей памяти произнес Кэмерон Тодд Уиллингэм, осужденный за убийство в 1991 году в Корсикане трех своих малолетних дочерей, совершенное с помощью поджога дома. Как и Макгинн, Уиллингэм до самой казни отстаивал свою невиновность[24]. Когда начальник тюрьмы спросил, не хочет ли он что-нибудь сказать, Уиллингэм произнес целую речь, в которой высказал в адрес своей бывшей супруги Стейси, стоявшей тут же, за стеклом, все, какие есть, бранные слова. Начальник дал знак вводить препараты, когда Уиллингэм еще вовсю разглагольствовал.

> …Из праха я вышел, и в прах возвращаюсь, и земля станет мне престолом. Мне пора, дружище… Габби, я тебя люблю… А ты сгниешь в аду, сука, надеюсь, ты сдохнешь и сгниешь в аду. Сука паршивая, дерьмо. Так-то.
>
> *Подлинное последнее слово Кэмерона Тодда Уиллингэма, 17 февраля 2004 года*

В основном же осужденные уходили более красиво, нежели Уиллингэм. Многие из них были настроены очень сочувственно, – если не по отношению к родственникам убитого (некоторые просто игнорировали их присутствие), то по отношению к себе. Кто-то просил прощения. Кто-то проявлял неслыханную

вежливость. Помню, один осужденный очень красноречиво рассуждал о ненужности смертной казни, а закончил благодарностями в адрес тюремной системы за заботу и последнюю трапезу – как будто отзыв о гостинице оставлял.

Было много посланий для «ребят-смертников». Например, некий осужденный потребовал сообщить им, что подгузника на нем нет. Иногда в речи слышались нотки облегчения. Один сказал: «Ну и где мой дублер, когда он нужен?»

Патрик Найт пообещал, что на кушетке расскажет анекдот по выбору публики. Его друг написал об этом в социальной сети и получил сотни предложений. Один репортер спросил меня, не приму ли и я участие в развлечении, а я сказала: «Мы относимся к происходящему очень серьезно, поэтому никаких шуточек». А у Найта, видимо, был страх перед публикой, потому что он вовсе не шутил, пребывал в ступоре и заявил, что никакой он не Патрик Найт.

Некоторые испытывали успокоение. В тюрьме я познакомилась с байкером по имени Рэндалл Хафдал; он ходил по тем же барам в Галвестоне, что и я, но на свободе наши пути ни разу не пересеклись. Мне нравилось поболтать с ним о родных местах. В тюрьме он наколол себе изображения мотоциклов – невероятно сложные и точные. Хафдал уж, несомненно, был человеком получше, чем Мартин Роблс, у которого на плече красовалась татуировка демона, выедающего мозг Иисуса. Хафдал позволил мне сфотографировать татуировки, чтобы адвокат мог переслать фото его дочери. А адвокат показал мне фото маленьких деревянных мотоциклов, которые Хафдал вырезал в отделении смертников. Для него – кочевника по натуре – жизнь взаперти стала адом, и он сам желал уйти.

Есть такой техасский певец Роберт Эрл Кин; его «визитная карточка» – песня «Дорога длится вечно». Она о человеке, убившем копа и приговоренном к смерти, – именно такое случилось с Хафдалом: в 1985 году он застрелил полицейского в Амарилло и через семнадцать лет был казнен. Он процитировал эту песню, когда лежал в камере смерти. «Дорога длится вечно, и праздник – навсегда! Даешь рок-н-ролл!» Много лет Хафдал просидел в тесной камере, как птица в клетке. И вот пришла смерть, и он был счастлив освободиться.

> Как-то я слишком засиделся на этой вечеринке. Прежде чем уйду, хочу вам всем сказать:
> Закопайте поглубже, когда умру,
> Хочу с наушниками быть в гробу,
> И еще поставьте колонки в ногах,

А потом рок-н-роллом меня – шарах!
Увидимся когда-нибудь в лучшем мире. Я – все, начальник.

Последнее слово Дугласа Робертса, 20 апреля 2005 года[25]

Наверное, самое бессмысленное предсмертное заявление я слышала от Монти Делка, который в 1986 году застрелил в Крокетте человека и был одним из самых известных заключенных-смертников. Он не желал мыться, мазался собственными экскрементами и его пришлось отсаживать от других заключенных – так отвратительно от него воняло. Еще Делк заявил, что ему 129 лет, что он бывший командир подводной лодки, бывший президент Кении и его уже 150 раз убивали. Тюремные психиатры сочли его симулянтом. Я в этом не очень разбираюсь. Например, Джонни Перри осудили за изнасилование и убийство, но казни он избежал, поскольку был признан умственно отсталым. Говорили, что он не умеет читать и писать, хотя он меня как-то спросил: «Читали про меня в “Ток”? Отличная статья». Я спросила: «А вы читали?» Он спохватился: «Нет, я тут попросил кое-кого».

До самой своей казни в 2002 году Делк отказывался мыться. Охранники пытались подкупить его «Кока-колой». «Кока-колу» он взял, но все мытье ограничилось стоянием под душем и ожидаемого эффекта не принесло. Его последние слова: «Вы не в Америке. Это остров Барбадос. Люди увидят, что вы делаете». На мой взгляд, Делк изо всех сил старался казаться сумасшедшим. Когда он окончил речь, вдруг резко открыл глаза, как будто что-то почувствовал при введении препарата.

Были и заявления совершенно другого рода – глубокие при всей простоте, короткие и емкие. Дэвид Мартинес, который в 1997 году в Остине изнасиловал и убил студентку и в 2005 году был казнен, сказал так: «Вечны только небо и зеленая трава, а сегодня – хороший день для смерти». Вот так. Другие заключенные казались какими-то одурманенными. Спрашивали, включен ли уже микрофон, кто стоит за стеклом, – и все это с чувством вины за то, что им нечего сказать. Джеймс Кларк, казненный в 2007 году, случайно повернув голову, заметил за стеклом, в комнате свидетелей, каких-то людей, и его последнее слово получилось не очень удачное: «Здрасте».

Никогда не слышала, чтобы осужденные молили оставить им жизнь, помню только одного человека, который буквально рыдал на кушетке; наверное, не только меня это изумило. Все слезы

обычно выплакивались задолго до казни, и задолго до казни испарялся всякий гнев. Осужденные старались принять смерть как мужчины. Конечно, очень многие вообще ничего не говорили. Начальник тюрьмы спрашивал, не хотят ли они что-нибудь сказать, а они лишь качали головой. А потом раздавался последний вздох: легкие, перед тем как перестать работать, с силой выталкивали воздух, словно кузнечные мехи.

У начальника тюрьмы был свой особый сигнал, – он снимал очки, и тогда инъекционная бригада начинала вливание препарата. Каким-то образом заключенные об этом узнали, и один все приставал: «Это начинается, когда вы снимаете очки?» Пришлось изменить сигнал: начальник держал маленький пульт, и когда нажимал кнопку, за зеркальным стеклом загоралась лампочка.

Все смертельные инъекции, которые при мне проводились, выполнялись с использованием трех компонентов. Первый, тиопентал натрия, – седативное средство, вводимое в смертельной дозе, его одного уже достаточно, чтобы убить. Когда он начинал поступать в вену, осужденный словно пьянел, у него закрывались глаза. Порой люди чувствовали его вкус, говорили, что он неприятный. При мне никто ни разу не говорил о болезненных ощущениях, и я однажды подумала: если бы казнили меня, я бы постаралась крикнуть, как мне больно; казнь бы не отменили, но это поспособствовало бы введению моратория на смертную казнь. И кто бы доказал, что я лгу?

По слухам, у одного смертника вздулась вена, игла выскочила, и физраствор полился на стены. При мне проблем с вливанием никогда не возникало, только один раз осужденному-наркоману пришлось вводить иглу в вену на шее, потому что ни одна другая вена уже не годилась. Поскольку микрофон опускали низко, мы слышали, как препарат вливается в вены.

Второй компонент – бромид панкурония – мышечный релаксант, также вводимый в смертельной дозе; он служил для парализации легких и диафрагмы. Звук дыхания мог быть разный, в зависимости от того, боролся организм или нет. Обычно человек инстинктивно пытается вдохнуть, но капеллан Брэззил предлагал им представлять себе волну и не бороться с ней, а отдаться на ее волю. Таким образом, объяснял он, проще ее одолеть. Последний вдох бывал похож на кашель, хрипение, бульканье или на то, как всхрапывает лошадь.

Третий компонент – хлорид калия – останавливал сердце. К тому времени, как его пускали в вены, человек уже затихал.

Я думал, будет хуже…

Последнее слово Рохелио Каннади, 19 мая 2010 года

Пять или шесть минут сохранялась тишина. Начальник стоял у изголовья кушетки, капеллан держал руку на колене казненного. Иногда Брэззил перехватывал мой взгляд и слегка моргал, словно говоря: «Мне и самому жалко, но все будет хорошо». Он был такой славный, добросердечный. А я стояла за стеклом, внутри у меня все леденело, и, вдыхая странный запах, я смотрела, как багровеет лицо у человека на кушетке.

Много раз, еще будучи репортером, я замечала, как Грачук, подавшись вперед, смотрит куда-то на потолок, но не могла понять, что там такое. Наконец я разглядела красный огонек, – он светился, пока препараты поступали в вены.

Через несколько минут начальник приглашал доктора, тот с помощью стетоскопа слушал, бьется ли у казненного сердце, и объявлял время смерти, – обычно на пять или шесть минут позже реального. Начальник тюрьмы наклонялся к микрофону и повторял слова доктора для своего секретаря, который в кабинете писал официальный рапорт о происходящем.

Брэззил проводил рукой по лицу казненного и закрывал ему глаза. Мне кажется, он в это время читал молитву. Потом накрывал ему простыней лицо и можно было уходить.

Глава 6. Странноватый тип

Для нас то, что делают американцы, совершенно неприемлемо; столь прогрессивная страна совершает такой варварский акт.

Анри Леклерк, бывший президент Лиги прав человека

Когда девушек насиловали, Канту сказал Венансио: «Их придется убить». Потом Канту велел остальным отвезти девушек в лес, где их стали душить. Канту металлическим мыском ботинка ударил Элизабет в лицо и выбил несколько зубов, затем встал на шею Дженнифер и стоял, пока она не перестала дышать. Потом все еще раз потоптались по шеям девушек, чтобы наверняка их убить.

Сводка генерального прокурора Техаса о Питере Канту, приговоренном к смертной казни за убийство Элизабет Пенья и Дженнифер Эртман в 1994 году

Мои друзья любили всем рассказывать, как я зарабатываю на жизнь. Сидим, к примеру, в баре, а у них на лицах возбуждение: «Расскажи им, где ты работаешь!» Говорить на эту тему с новыми людьми мне всегда было трудно. Свою работу я считала интересной, необычной и знала: люди ей удивятся, и пойдут расспросы. Но неприятно же бодренько так отвечать: «Да, я наблюдаю, как умирают люди. Что именно вас интересует?»

Некоторых моя работа отталкивала, особенно одну девушку, с которой мы вместе учились в школе. Меня такое отношение страшно разозлило. Я думала: «Ты ведь и понятия ни о чем не

имеешь, не знаешь, что я чувствую. Противно тебе, что я бываю в той комнате? Так у меня работа такая, и это важная работа, и не тебе меня осуждать!»

Со своим первым мужем я познакомилась в 2002 году. Он вырос в Хантсвилле, учился в Техасском университете A&M, но мы не были знакомы. Встретились на вечеринке для выпускников, он мне показался симпатичным, понравилось, какой он спокойный и серьезный. Я-то не серьезная, во всяком случае внешне, я все время шучу и несу всякий вздор. И я подумала: «Встряхну-ка этого парня».

Я выросла в Галвестоне, слушала рэп и ходила в шлепках, а он предпочитал кантри и ковбойские сапоги. И все же мы отлично поладили, подтвердив тем самым поговорку, что противоположности притягиваются.

Поскольку он сам из Хантсвилла, то знал немало людей, работающих в тюремной системе, и потому к моей работе относился спокойно, не считал ее жуткой. Она его интересовала, как и прочих, но много мы о ней не болтали. Когда он спрашивал, я отвечала – все нормально и меняла тему. Рабочий день кончился – о работе нужно забыть, дома она мне не нужна. Да и потом, я не задумывалась всерьез, не понимала, как все это мне отзовется.

В 2001 году Джордж Буш стал президентом, и на посту губернатора его сменил Рик Перри. Первый год губернаторства Перри ознаменовался уменьшением количества казней – было казнено 17 преступников, однако скоро комнатой смерти стали пользоваться гораздо чаще: в 2002 году на кушетке расстались с жизнью 33 человека.

Мне никак не удается растолковать людям, что наблюдение за казнями – лишь малая часть моей работы. В основном я занималась административными вопросами, а еще по средам был день СМИ, что означало общение с заключенными – и интересные впечатления.

Американцы очень недовольны уровнем преступности в стране, хотя сами преступления вызывают большой интерес. Я регулярно смотрела криминальные реалити-шоу, особенно канал «Инвестигейшн дискавери», поскольку хотела понять, что заставляет преступников совершать такие страшные вещи.

Существует задачка на сообразительность. На похоронах своей бабушки женщина видит на другом конце комнаты незнакомого мужчину. У нее возникает неизведанное ранее чувство, что он – тот самый, единственный. Они смотрят друг на друга, и их переполняет любовь. Церемония окончена, люди спешат выйти, и она теряет его из виду. Он ушел. Поздно вечером

женщина возвращается домой и убивает свою сестру. Почему?

Если вы ответили правильно, ФБР сочтет вас социопатом. Ответ таков: поскольку тот человек знал покойную бабушку и присутствовал на ее похоронах, вполне вероятно, что он придет и на похороны сестры. Тогда можно будет поговорить с ним и познакомиться. Двое из моей семьи угадали ответ.

Такие вещи мне страшно интересны. Поскольку социопат неспособен к сопереживанию, он готов на совершенно дикие поступки. Например, пробраться в незнакомый дом, спрятаться в чулане, а потом убить хозяев, – потому что его хочет бросить девушка. Или повесить куклу – за шею, словно висельника, – на кроватку падчерицы, как сделал Дэниэл Хиттл, который еще и убил своих приемных родителей за то, что их собака поцарапала его грузовик. Или убить женщину и попользоваться ее телом для сексуального удовлетворения, а потом полить духами, чтобы отбить запах разложения (тогда можно будет попользоваться еще), как поступил Хосе Сантеллан в 1993 году в городке Фредериксберг. Позже, делая признание, он сказал, что хотел лежать с ней в постели, хотел показать, как сильно ее любит. Никогда не забуду комментарий прокурора: «Сантеллан – странноватый тип…» В отделении смертников мне приходилось весьма близко общаться с такими странноватыми типами.

Иногда, после окончания интервью, пока заключенный ждал, чтобы его отвели в камеру, мы просто болтали. Если ему хотелось поговорить, я не видела причины отказывать. Все они творили страшные дела, но мне не стоило перед ними заноситься. Я быстро поняла, что большинство из них вовсе не чудовища, какими я их представляла… хотя некоторые демонстрировали явные расстройства психики и умение манипулировать людьми.

Был такой Томми Селлз, – он убил семью Дардин в Бентоне, штат Иллинойс, – преступление, которое местные жители и спустя много лет вспоминают с ужасом. Я брала у него интервью для «Айтем». Его признали виновным в страшном преступлении в Дель-Рио, Техас, – он перерезал горло школьнице, – и подозревали еще и в других убийствах, и побеседовать с ним рвалось большое количество репортеров. Я, уже будучи пресс-представителем, очень близко с ним познакомилась.

Селлз был настоящий гад, злобный и примитивный грубиян. Как-то раз он попытался оправдать свои поступки, – заявил, что убивал, только когда чувствовал угрозу, и я сказала: «Какую же угрозу вы чувствовали от двухлетнего ребенка?» Так он разрыдался.

Репортеры могли покупать для заключенных напитки и еду в автоматах, однако пришлось с этим покончить, потому что люди

вроде Селлза стали шантажировать: не дам, дескать, интервью, если мне не купят то, чего я хочу. Помню, как он взбесился, когда не получил бутылку «Дью», и я сказала: «Хватит выделываться; мне все равно, дадите вы интервью или нет».

Еще один тип, с которым я никак не могла поладить, был Сесар Фиерро. Этот мексиканец сидел в отделении смертников с 1980 года, его осудили за убийство таксиста в Эль-Пасо. Некоторые считали Фиерро невиновным, он неоднократно получал отсрочку, у него часто бывали посетители; иногда он давал интервью на испанском языке. Однажды он подписывал заявление для прессы и сказал репортеру по-испански: «Ручка хорошая», – он не знал, что я понимаю испанский. А репортер в ответ: «Ну, возьмите себе». Ручка эта принадлежала охраннику, а Фиерро мог ей кого-нибудь убить. Я сразу сказала Фиерро, что ручку брать нельзя, и он буквально рассвирепел. Вопил, обзывал меня шлюхой, плевался и колотил по стеклу. Тогда я совершила не совсем хороший поступок. Убедилась, что никто не видит, шагнула вперед, широко улыбнулась и одними губами произнесла: «Да пошел ты!..» Он еще больше взбесился, хотя куда уж больше. А я пожала плечами и сказала охранникам: «Чего это он? Не пойму, что на него нашло». Фиерро до сих пор находится в отделении смертников, гниет там уже почти 38 лет.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Однажды я привел свою жену Марианну в отделение смертников. Она увидела Пончая Уилкерсона и спросила: «А кто вон тот симпатичный черный парень, стройный такой?» Я сказал: «Убийца». Потом я познакомил ее с заключенными, с которыми часто общался, а когда мы приблизились к камере Кеннета Макдаффа, он встал с койки и протянул Марианне руку, желая поздороваться. Она не дала ему руки.

Кое с кем из заключенных-смертников я подружился, но были там и по-настоящему скверные люди, и Кеннет Макдафф – из их числа; один из самых плохих людей, каких только можно представить.

В 1966 году Макдаффа приговорили к казни на электрическом стуле за похищение и жестокое убийство трех подростков в Эвермане. Девочку несколько часов насиловали, а потом Макдафф сломал ей шею с помощью палки от метлы, – отсюда и его прозвище «Убийца с метлой». По словам сообщника, Макдафф ей сказал: «Мы тебя измочалим».

В 1972 году Верховный суд наложил запрет на смертную казнь, и приговор Макдаффа, уже получившего несколько отсрочек, заменили пожизненным заключением. Когда его перевели в общее отделение, он заделался боссом. Обзавелся «шестеркой» – тот добывал ему наркотики и удовлетворял сексуально в обмен на защиту от других заключенных. Помимо прочих вещей, Макдаффа осудили за попытку подкупить сотрудника Бюро помилований и условно-досрочных освобождений.

Среди заключенных Макдафф стоял особняком: он был из обеспеченной семьи, и его родители наняли ему дорогого адвоката, который повесил убийства на подельника. В 1989 году, отчасти благодаря усилиям адвоката, отчасти потому, что переполненные техасские тюрьмы уже трещали по швам, Макдаффа, – к ужасу всех, у кого была хоть капля мозгов, – выпустили условно-досрочно.

В течение следующих нескольких лет Макдафф убил, по крайней мере, четырех женщин в районе Уэйко и еще одну в Остине. В конце концов его арестовали в Канзасе, штат Миссури, – после масштабных розысков и показа фотографий в передаче «Их разыскивает Америка». Макдафф удостоился сомнительной чести – быть единственным в истории Техаса человеком, которого приговорили к смерти, отпустили, а затем опять приговорили. Освобождение Макдаффа и его рецидивы преступлений привели к полному пересмотру техасской системы условно-досрочных освобождений, а именно – к параграфам, известным под названием «Законы Макдаффа»… А еще они привели к строительству новых тюрем, которое обошлось в миллиарды долларов. Словом, Макдафф устроил настоящий переполох.

Когда он сидел в тюрьме Эллис, я узнал его лучше, чем кто бы то ни было, и видел насквозь: типичный маменькин сынок. Я подходил к его камере, а он так и лежал на койке. Обычно он не шел на контакт, но если я заводил речь о его матери, вставал и отвечал. «Давно виделись с Адди?» – спрашивал я, и Макдафф вдруг оживлялся. Однако он ни разу не поинтересовался, как меня зовут, а мне никогда не хотелось войти к нему в камеру.

Вообще, насколько мне известно, я видел казнь лишь одного преступника, осужденного именно в качестве серийного убийцы, то есть убившего троих или более

человек, – это был Дэниэл Корвин. Он убил в 1987 году трех женщин; двух из них в Хантсвилле. Одну женщину он похитил с автомойки и заколол на глазах ее трехлетней дочери, сидевшей в машине.

Макдаффа при повторном аресте обвинили только в двух убийствах – Мелиссы Нортрап и Колин Рид, хотя он, как полагают, убил 16 человек. Со мной он держался просто и в отделении смертников не капризничал, однако чудовища хуже я не видел, – это был настоящий психопат.

Обычно Макдафф отказывался давать интервью, и только одному репортеру из Остина со станции Эн-би-си – такой симпатичной миниатюрной брюнетке – удалось раза четыре или пять с ним поговорить. Я у нее как-то спросил:

– Знаете, почему Макдафф любит давать вам интервью?

– Нет, почему?

– Потому что вы похожи на его жертв.

Больше она к нему не приходила.

В день казни я отправился к нему; у него как раз брали отпечатки пальцев. Эта процедура меня всегда удивляла: нужно снять у преступника отпечатки пальцев за несколько минут до казни, чтобы убедиться, что он тот самый человек? Его раздели для обыска, и я увидел, что яички у него сильно увеличены. Макдафф стоял, нагнувшись, и не заметить было нельзя – они у него стали, как мячи.

Я спросил:

– Господи, Макдафф, что с вами?

Он сказал, что это от потребления алкоголя.

– Вы, черт побери, уже много лет взаперти, как же вы могли так много пить?

Макдафф, усмехнувшись, сказал:

– Никогда не слышали про хуч?

Так называют в тюрьме самодельный алкогольный напиток.

Когда я уходил, он спросил:

– Слушайте, мистер СМИ, мне вот что интересно – я больше собрал народу, чем Карла Фэй?

– Нет, Макдафф, не собрали.

Поскольку он привык выходить сухим из воды, то, как я понял, не верил, что его казнят, и совершенно этого не ждал. Однако, видимо, по пути от временной камеры до

комнаты смерти что-то с ним произошло, и его последние слова были:

– Я готов освободиться.

Когда Макдаффа объявили мертвым, я и федеральный инспектор, его арестовавший, отсалютовали друг другу растопыренными пальцами, – и то был единственный раз.

Брэззил попросил меня прийти на похороны Макдаффа, которые состоялись на тюремном кладбище. Там похоронены многие известные техасские преступники. Кладбище Джо Берда – красивый клочок земли с аккуратными рядами крестов, по образцу Арлингтонского национального кладбища. Место очень спокойное, хотя и печальное. По сути, это общая могила для заключенных, умерших в тюрьме, чьи тела не затребованы родственниками. На большинстве недавно поставленных могильных плит указаны имена похороненных, но у Макдаффа простой каменный крест с датой смерти, латинской буквой «X», означающей что он казнен, и его номер заключенного, который я запомнил навсегда: 999055. На похороны Макдаффа пришли молодой человек и девушка, и они сказали следующее: «Вы не представляете, как трудно в этом штате носить фамилию Макдафф. Мы рады, что он умер». Я не удивился, потому что даже Брэззил иногда не в состоянии переварить преступления некоторых своих подопечных…

Когда Макдафф опять надел белье, его сфотографировали. В молодости он был ничего, но теперь, стоя в камере в одном белье, казался сломленным стариком. У него не осталось ни гнева, ни гордости – он их попросту утратил.

Я не сторонник смертной казни и не противник, я не хотел смотреть, как умирают эти люди. Однако я должен был давать им, какое мог, утешение. Я говорил с осужденным, как говорил бы в больнице со смертельно больным ребенком.

Здесь я научился ценить жизнь, только мне дорого это стоило. После очередной казни я шел домой и плакал. Я начинал злиться на людей. Сохранять душевные силы удавалось ценой каждодневной борьбы. Те три часа, что я проводил с осужденным в день казни, – они были настоящие. Когда разговариваешь с человеком, у которого осталось три часа жизни и тринадцать шагов до кушетки, он не станет играть в

игры. Тут момент истины.

Я проводил в камеру смерти 155 осужденных и многим давал свою Библию. Один из них совершил ужасное преступление, и оно не шло у меня из головы, так я был зол. Я пытался беседовать с ним о Боге, но слова мне не давались. Я ушел, сказав, что мне нужно к начальнику тюрьмы. Через полчаса до меня дошло, что я смотрю на него своими глазами, а не через глаза Бога. А ведь важен был не я, а заключенный и его нужды. Начальник мне сказал: «Вы не сделали ничего такого, чего не делаем мы все. Идите и выполняйте свою работу».

Джим Брэззил, бывший капеллан тюрьмы Хантсвилл

В тюрьме мне никогда не было по-настоящему страшно, хотя заключенные любят иногда поддразнить. Один как-то мне сказал: «Читал в колонке вашего отца в “Хантсвилл айтем” о вас и вашем брате». Сказано было без угрозы, но уже оттого, что он знает о моей семье, мне стало неприятно.

Сотрудники старались не парковаться с той стороны, куда выходят окна камер, потому что заключенные, вставая на койки, могли видеть, кто в какую машину садится. Потом они спрашивали: «Ну и как вам ездится на той черной тачке?» Заключенные беспомощны, и потому даже такое жалкое подобие моральной победы им в радость.

Только два раза, глядя в глаза осужденному, я видела чистое зло. Дуглас Фельдман – выпускник университета, бывший финансовый аналитик – однажды ночью, двигаясь на своем мотоцикле по Далласу, застрелил двух водителей грузовиков. Еще одного человека он ранил неделю спустя. В тюрьме от него постоянно были неприятности; однажды перед интервью он сорвал со стены телефон. После этого к нему перестали пускать посетителей. Больше всего охрану и заключенных бесила привычка Фельдмана противно свистеть без умолку. Сам же он, как нарочно, приходил в ярость от любого шума. Хуже всего для меня были его глаза.

Находясь в отделении смертников, Фельдман писал письма, в которых сравнивал убийство людей с охотой. В одном из них говорилось: «Я всей душой возненавидел всякого и каждого человека на этой планете. Будь у меня кнопка, чтобы ее нажатием можно было убить всех до единого, я нажал бы ее без колебаний». Когда я на него смотрела, невольно ощущала себя дичью, а его – охотником.

Анхель Ресендес, один из немногих серийных убийц латиноамериканского происхождения (серийные убийцы, как правило, белые), был причастен к целому ряду убийств в Америке и Мексике. В новостях его прозвали «Железнодорожный убийца», потому что он путешествовал в товарных вагонах; к смерти Ресендеса приговорили за совершенное в 1988 году убийство Клаудии Бентон, жившей в Хьюстоне недалеко от железной дороги. Клаудия была изнасилована, исколота ножом и забита бронзовой статуэткой – за восемь дней до Рождества.

Ресендес объявил, что он наполовину человек, наполовину ангел, а значит, не может умереть. Он – один из самых странных людей, каких я только встречала, – и один из самых страшных. С большинством заключенных я была честна и откровенна, словно мы болтали где-нибудь в баре, и они тоже говорили свободно.

Жертв Ресендес выбирал очень разных, что необычно для серийного убийцы. Клаудию он, по его словам, убил, увидев у нее в доме фотографии человеческих эмбрионов и решив, что она сторонница абортов и, значит, должна умереть. (Доктор Бентон специализировалась по детским генетическим заболеваниям.) Еще он сказал, что убил молодую пару, – заметил у них в доме фотографию хозяина в военной форме, сделал вывод, что они – милитаристы и, значит, должны умереть.

Однажды он заявил мне, что убил человек сорок, и говорил об этом так просто…

Я спросила:

– Разве убить столько людей – не страшный грех?

– Нет, ведь я избавляю мир от порока.

– А если бы вы попали ко мне в дом и сделали бы вывод, что я порочная – мне бы тоже пришлось умереть?

– Да, – улыбнулся он.

Хотя Ресендес и называл себя наполовину человеком, наполовину ангелом, голова у него соображала отлично. Летом он вдруг каким-то чудом превращался в «самореза» (так называют заключенных, которые сами наносят себе раны), – а все потому, что в Техасе лишь две тюрьмы, где есть кондиционеры для заключенных, – медицинская и психиатрическая. В отделениях смертников заключенные жарятся в камерах двадцать три, а то и двадцать четыре часа в сутки. В зимние же месяцы Ресендес вел себя на диво примерно. Он охотно общался с журналистами и отлично понимал, чего они от него ждут. Разъяснял репортерам, как приделать микрофон к переговорному устройству, позировал для фотографий, прижав ладони к стеклу.

Еще Ресендес был очень противный. Когда журналисты угощали его «Кока-колой» – он желал именно «Кока-колу», не

«Пепси», – Ресендес требовал, чтобы его сфотографировали с этим напитком. Я все думала: «Может, он ждет предложений от рекламодателя: заключенные-смертники выбирают “Кока-колу” – или вроде того? Нет, Ресендес, не дождешься!»

А еще он продавал на «Ибее» обрезки своих ногтей. Самое удивительное, что их покупали – оказывается, существуют люди, готовые заплатить 200 долларов за пакетик с ногтями серийного убийцы! В мэрии Хьюстона был один сотрудник, боровшийся против подобного коллекционирования; он сообщил мне про этот отвратительный бизнес, и мы положили ему конец. В то Рождество некоторые коллекционеры остались без подарков.

Ресендес пытался со мной флиртовать. Он сказал, что любит, когда я в красном, – и я больше не надевала красного. Однажды журналист решил купить ему гостинец, и я спросила Ресендеса, чего ему хочется. Он ответил: «Что угодно, – если оно такое же аппетитное, как вы». Я сказала: «Знаете что? Это уже слишком». И повесила трубку, а он смеялся по ту сторону стекла. Даже за миллион долларов не согласилась бы оказаться с ним в одной комнате, потому что он запросто мог меня убить.

Перед интервью я немного поговорила с Ресендесом. Он сказал, что каждый раз, как меня видит, я становлюсь все красивее. Спасибо тебе, серийный убийца…

Мишель. Заметки в отделении смертников, 20 февраля 2002 года

Я понимаю, почему заключенным нравилось со мной разговаривать, – ведь в отделении смертников они редко видят женщин. Был один заключенный, который не знал английского; он говорил по-испански, да еще на каком-то сленге, и я даже не понимала, о чем он ведет речь. Кто знает, может, он обещал разыскать моих родных и всех убить, – а я тем временем ему улыбалась и кивала.

Позже он мной слегка увлекся, мастерил разные ожерелья и передавал мне. Одно из них было с распятием – крест с фигуркой Иисуса, и еще было сердечко с моими инициалами. Я перестала с ним общаться. Нужно сказать, хотя некоторые заключенные-мужчины и вели себя на грани флирта, но, как правило, не забывались. Мы просто болтали о всякой всячине.

Один заключенный, молодой и симпатичный латиноамериканец, признал себя виновным; я спросила: «Значит, вы и вправду это сделали?» Он засмеялся и сказал: «Да, не могут же все быть невиновными!» Такой забавный.

Другой заключенный как-то сказал, широко улыбаясь: «А вы,

я слышал, вредная!» Наверное, кто-то видел, как я выгоняла немецких телевизионщиков, нарушивших правила съемки. Оператор продолжал работать, хотя получил уже три предупреждения, и я позвала охранника. Тот вытащил микрофон из камеры заключенного, которого они хотели снимать, и прогнал съемочную группу. Как часто говаривал Фицджеральд: «Европейские журналисты хорошо знают английский, лишь слова “нельзя” не понимают». Журналистка чуть не расплакалась, и пошла молва, что я вредина, которая доводит людей до слез. Заключенные – как старые бабки, им бы только посплетничать.

Один заключенный прослышал, что я – гот. У меня и вправду черные волосы, и помадой я пользовалась темной, а светлую одежду в тюрьме носить не полагается – посадишь пятно, и выйдет конфуз перед заключенными. И все же готом я никогда не была. Меня эта новость просто убила.

Родольфо Эрнандес в 1985 году перевозил из Мексики пятерых нелегальных эмигрантов. Он ограбил их и обстрелял, причем одного убил. В отделении смертников он заболел диабетом, и ему ампутировали ногу. Он потребовал протез, потому что хотел идти на смерть «по-человечески», но над ним только посмеялись: удовольствие слишком дорогое, да и обойтись можно. Мы с Ларри предали эту историю гласности. Думали, так будет лучше, и не понимали, почему у тюремного начальства неразумный подход к подобным вопросам.

Стоило ли проявлять сочувствие к желанию заключенного? Возможно, нет – ведь он был убийца. Но таких старых заключенных, просидевших в отделении смертников много лет, я обычно жалела. Дело, наверное, в том, что эти люди, изможденные, серые, очень мало походили на фотографии в своих уголовных делах. Они были уже не те глупые юнцы, которые совершали преступления. А может, сочувствие к Эрнандесу означало, что мой «чемоданчик» переполняется.

В день казни к Эрнандесу пришли журналисты, и пришли из полиции, поскольку он знал кое-какие подробности еще не раскрытых убийств. Во время интервью адвокатам присутствовать не полагается, но адвокат Эрнандеса выйти отказалась – не хотела, чтобы он в чем-либо признавался. Надеялась, видимо, в последний момент его вытащить. Я велела ей уйти; она сначала спорила, потом все же выскочила, бросив Эрнандесу: «Ни слова!»

Стоило ей выйти, как он выразил желание поговорить с полицией. Он долго рассказывал о других убийствах, которые совершал за деньги, и пришлось даже отложить казнь, чтобы он успел сообщить все подробности. Позже Эрнандес поблагодарил меня за то, что я выставила его адвоката, – он был рад облегчить

совесть.

В первый день, назначенный для казни, он так волновался, что не мог есть, но в повторный и окончательный день казни Эрнандеса словно подменили. Он был совершенно спокоен и готов к смерти: ничто его больше не тяготило. «Сегодня вы можете есть?» – спросила я. Он ответил: «Да, теперь я знаю, что поступил правильно».

Эрнандес так и остался без протеза. Огласка сделала свое дело, и администрация пошла на уступки, однако носить протез он не смог из-за серьезной стафилококковой инфекции.

В день казни я разговаривала с Эрнандесом по-испански, и он сказал, что я похожа на его дочь. Он протянул мне руку, и я замерла.

Годом раньше к заключенному по имени Хуан Сория пришел старик-капеллан. Сория попросил его помолиться вместе. Капеллан протянул руку в окошечко для передачи еды, и заключенный схватил ее, потянул в камеру и при этом сломал. Потом он обмотал запястье простыней, привязал другой ее конец к кровати и двумя лезвиями стал отрезать капеллану кисть. Тому пришлось нелегко; чтобы его освободить, охрана была вынуждена применить газ.

И вот Эрнандес протягивает мне руку, а кругом стоят охранники, и я подумала: «Господи, ведь они каждый мой шаг судят…» Я чуть просунула руку сквозь решетку, и он ее пожал. Во всяком случае, пальцы пожал. Он – единственный заключенный, к которому я прикасалась.

Я, конечно, боялась, что обо мне плохо подумают, но все же чуточку больше я боялась стафилококковой инфекции и остаток дня провела, отмывая пальцы.

> Он посмотрел на меня, и в голосе у него было столько чувства, и в глазах, кажется, стояли слезы. Он сказал: «Сегодня вы меня убьете». Я ответила: «Эту часть работы я ненавижу. Я ведь всего лишь пресс-представитель… Мне такое радости не приносит. Даже представить страшно, что вы сейчас чувствуете».
>
> Он смотрел, словно спрашивая: «Почему ты уходишь?»
>
> Но мне нужно было идти.
>
> *Заметки Мишель о казни Дэниэла Эрла Рено, 13 июня 2002 года*

Глава 7. Посмотрите получше

Правительство страны, в которой живет Наполеон Бизли, собирается казнить его 15 августа 2001 года за убийство, совершенное им в семнадцатилетнем возрасте. Живи он в Китае, Йемене, Кыргызстане, Кении, России[26], Индонезии, Японии [на Кубе, в Сингапуре, Гватемале, Камеруне, Сирии – почти в любой стране, где сохраняется смертная казнь, – Наполеон Бизли не противился бы своей судьбе. Но он живет – и ему назначен день смерти – в Соединенных Штатах Америки].

Организация
«Международная амнистия»

Слова кажутся убогими, если пытаешься описать, что испытываешь, когда в твоем присутствии убивают мужа, когда твой отец вырван из твоей жизни. Ужас, мука, пустота, отчаяние, хаос, потерянность. Чувство, будто твоя жизнь отныне бессмысленна. Такие преступления, как это, жертвой которого стала моя семья, нестерпимы в любом обществе, называющем себя не только свободным, но даже цивилизованным.

Майкл Латтиг, сын Джона Латтига, убитого Наполеоном Бизли

Наполеон Бизли все же забил мяч одним ударом – в последнюю минуту решением техасского апелляционного суда он получил отсрочку казни. Однако в апреле 2002 года (он провел в отделении смертников семь лет) ему опять назначили дату – в

следующем месяце. Я разговаривала с ним много раз, поскольку брала интервью для «Хантсвилл айтем». Наполеон – яркий пример для темы о казнях несовершеннолетних, и многие СМИ желали рассказать о нем. Потом, работая в тюремной системе, я узнала Наполеона в другом свете. Мы вышли из одной социальной среды, почти ровесники, и потому хорошо друг друга понимали. Он был веселый, часто шутил. Однажды спросил, чем я занимаюсь. Я рассказала, и он заметил: «Смотреть на казни? Классное дерьмо!» Я записала его слова, – они мне показались забавными.

В отделении смертников были и другие заключенные, искренне сожалевшие о своих преступлениях; многие из них вообще не собирались убивать. Они же не полные психопаты, чтобы в один прекрасный день вдруг решить: а убью-ка я кого-нибудь. Иногда преступник хочет просто дом обокрасть или ограбить человека, – а кончается это убийством. Но Наполеон и среди раскаявшихся стоял особняком. На мой взгляд, будь у него шанс выжить, он не только не совершал бы новых преступлений, но даже стал бы полезным членом общества. Он мог сделать что-то выдающееся.

Когда решается, признать ли человека виновным в тяжком убийстве (за которое полагается смертная казнь), основной вопрос, стоящий перед присяжными, таков: «Будет ли преступник опасен и в дальнейшем?» Думаю, в случае Наполеона присяжные ошиблись. Хотя, с другой стороны, глядя на него, не верилось, что он способен на преступление, которое уже совершил, поэтому я отчасти их понимаю.

Кажется, на всех, кто с ним общался, Наполеон производил хорошее впечатление. Он нравился и другим заключенным, и охранникам, и репортерам. Все знали, что он виновен, но многим, думаю, хотелось, чтобы он опять получил отсрочку или замену высшей меры на пожизненное. Джеффри Даути, сидевший в ближайшей камере, переживал из-за участи своего соседа. «Наполеон еще и жизни-то не научился, а уже пора учиться смерти». Я тоже за него болела, хотя испытывала при этом чувство вины. Отношение к нему у меня было двойственное. Легко мне говорить, что он просто попал в плохую компанию, сделал глупость, но если, мол, дать ему шанс, такого больше не повторится. Ведь не моего папу он убивал, и не моя мама в этот миг лежала на полу, притворяясь мертвой. Отвратительное убийство. Его жертвы находились дома, считали себя в безопасности. На месте Майкла Латтига я, безусловно, требовала бы казни Наполеона. Наполеон отнял близких не у меня, так имею ли я право его жалеть?

Утром 28 мая 2002 года мы с Ларри пришли к Наполеону во временную камеру. Я записала в блокноте: «Он меньше ростом, чем я думала». Я не знала, что он такой невысокий, поскольку впервые видела его на ногах, а не сидящим за стеклом. Он имел хорошее телосложение – спортсмен – и казался высоким. Сегодня Наполеон предстал совсем другим. Мало того, что он как бы уменьшился, у него под глазами появились мешки, словно он не спал. Он был спокоен и неразговорчив.

Обычно я желала осужденным удачи, потому что у них часто оставались нерассмотренные апелляции. Теперь же я не знала, что сказать. В глазах у меня щипало – того и гляди заплачу. А плакать, черт возьми, я не имела права.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Наполеон находился в отделении смертников почти столько же, сколько я работал в Департаменте. Увидев его впервые, я поразился, как он молодо выглядит. Именно его возраст меня и растрогал: Наполеон совершил преступление семнадцатилетним мальчишкой, он не мог даже голосовать или покупать сигареты и спиртное, зато мог получить смертный приговор. Я слышал, что в тюрьме округа он спал не на койке, а на полу. Мне кажется, он себя таким образом наказывал. Когда отделение смертников перевели в тюрьму Эллис, где заключенные работали, Наполеон разносил еду и мыл полы. Значит, ему вполне доверяли. Родители хорошо его воспитали: вежливый и всегда послушный. В тюрьме таких называют сознательными заключенными. Он заслуживал второго шанса.

В день казни мы с Мишель пришли к нему для обычной процедуры, и я вдруг подумал, что Наполеону лучше записать свое последнее слово, а не бормотать, лежа на койке, – ведь он человек грамотный. И я предложил: «Если хотите что-нибудь сказать, напишите все, что у вас на сердце, а я потом передам кому следует». Он согласился. Перед уходом я повернулся к нему и заметил: «Наполеон, вы, кажется, совсем спокойны». «Посмотрите получше», – ответил он.

Я пожал ему руку и ушел, а потом не мог прогнать из памяти этот разговор. В следующий раз я увидел Наполеона на кушетке, пристегнутого ремнями. Меня одолевали тяжелые чувства. Его смерть произвела на меня сильное впечатление. Он стал моим другом. Мне

было грустно провожать Наполеона, и я страшно устал от казней вообще…

Ближе к вечеру я перепечатывала для прессы последнее слово Наполеона. Он написал текст меньше чем за час, но то были очень искренние и волнующие слова. Я печатала, надеясь, что ему все же дадут отсрочку; мне не хотелось видеть, как он умирает, и я упрекала себя за эту жалость. Трудный выдался день. Голосование по вопросам отсрочки или замены казни на пожизненное заключение в Бюро помилований и условно-досрочных освобождений обычно проходило единогласно, но в случае с Наполеоном Бизли решено было отказать в замене смертной казни пожизненным заключением – десятью голосами против семи, и отказать в отсрочке исполнения – тринадцатью голосами против четырех, – вот как сильно разделились мнения. Затем пришло известие о том, что Верховный суд единогласно решил отказать в отсрочке исполнения приговора.

Мне ничего не оставалось, как обуздать эмоции: в тот день Ларри впервые доверил мне вести пресс-конференцию, и мне не хотелось его разочаровать. Пресс-конференции мы проводили далеко не после каждой казни, поскольку большинство из них не привлекает пристального внимания СМИ, а если и проводили, то в самой тюрьме. Однако ради Наполеона в город понаехали толпы журналистов, и мы сделали помост перед зданием. Здесь собрались представители всех СМИ из округа Тайлер, федеральная пресса, мне предстояло выступать по прямой трансляции Си-эн-эн; начни я плакать, получилось бы не очень красиво. Я напечатала основные пункты своего выступления, оставляя пробелы для подробностей (время смерти, последнее слово, как он держался) и пошла в комнату смерти. И пока Наполеон умирал на кушетке – в двадцать пять лет! – я делала записи.

> …невозмутим, по сторонам не смотрит, когда спросили, будет ли последнее слово, – «нет, нет», закрыл глаза, несколько раз кашлянул, глаза больше не открывал, слегка улыбнулся? Всего десять покашливаний, на третьем чуть приподнял голову…
>
> *Заметки Мишель о казни Наполеона Бизли, 28 мая 2002 года*

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО НАПОЛЕОНА БИЗЛИ

Поступок, который я совершил и который привел

меня сюда, был не просто отвратительный, он был бессмысленный. Однако человека, совершившего этот поступок, больше нет, а есть только я.

Я не собираюсь оказывать физическое сопротивление. Не стану кричать, ругаться, угрожать. И все же знайте: я не просто опечален, я глубоко удручен из-за того, что здесь сегодня произойдет. И я не только удручен, я разочарован тем, что система, призванная защищать и поддерживать справедливость, действует так же, как действовал я, когда совершил ту постыдную ошибку.

Если кто-то захотел бы наказать участвующих в сегодняшнем убийстве, я бы снова и снова кричал: «Нет!» Я бы молил дать им то, в чем они отказали мне, – дать им второй шанс.

Мне жаль, что я здесь. Мне жаль, что все вы здесь. Мне жаль, что умер Джон Латтиг. И в первую очередь мне жаль, что все это произошло по моей вине.

Сегодня мы дадим знать миру, что, по мнению правосудия, второго шанса не существует. Сегодня мы дадим знать нашим детям, что иногда убивать – хорошо.

Сложившаяся ситуация приносит боль нам всем, здесь нет выигравших и проигравших. Люди, поддерживающие эту меру, считают ее справедливой. Люди, желающие, чтобы я остался жить, видят справедливость в другом. Здесь – столкновение идеалов, в котором каждая сторона привязана к тому, что считает правильным. Но кто не прав, если в конце концов мы все – жертвы?

В глубине души я хочу верить, что для наших идеалов возможен мирный компромисс. Пусть не для меня, а для тех, кто еще придет. В камерах смертников немало таких людей, как я, – хороших людей, которые поддались тем же ложным чувствам, но, быть может, еще не избавились от них, в отличие от меня.

Дайте им шанс поступить правильно. Дайте им шанс исправить ошибки. Многие из них желают искупить содеянное, только не знают как. Беда не в том, что другие люди не хотят им помочь, а в том, что система считает это ненужным.

Сегодня никто не одержит верха. Никто не ощутит удовлетворения. И никто не уйдет с победой.

Глава 8. Быть может, боль прекратится

Знаете, какой мой самый страшный кошмар? Что вы забираете меня в камеру смерти и казните, а на следующее утро я опять просыпаюсь в отделении смертников.

Томас Миллер-Эл, бывший заключенный отделения смертников

Мне не хватает терпения говорить с людьми, считающими наши законы варварскими.

Джон Б. Холмс-младший, бывший прокурор округа Харрис

После смерти Наполеона Бизли всю дорогу до дома я плакала. Сейчас казнили хорошего, в сущности, человека, думала я. Я была уже на грани. Никто не знал о моих переживаниях, и сегодня, глядя назад, я жалею, что никто ничего даже не заподозрил.

Если до отсрочки, данной Наполеону в 2001 году, я получала просто язвительные письма (бумажные и электронные), то потом их тон совершенно изменился. Поскольку я теперь работала в тюремной системе, отвечать не стоило, однако удержаться я не могла. Ведь я так переживаю из-за казни Наполеона, а на меня все набрасываются, обзывают бессердечной тварью. Я думала: «Вы меня совсем не знаете, вы даже не представляете, что творится у меня в голове». А что творилось у меня в голове, и вправду не знал никто, включая меня.

Некий пастор из Германии призывал меня «не содействовать машине смерти, делая такую грязную работу». Я пришла в ярость, и он получил от меня по полной. «Поразительно, – писала я, – как это служитель Бога может быть таким язвительным и нетерпимым».

Из Норвегии мне написали, что я должна «осудить позорный и варварский обычай смертной казни, а не поддерживать его,

глядя, как умирают люди». Я ответила: «Не понимаю, как это у некоторых хватает смелости поучать совершенно незнакомого человека. У ВАС НЕТ ТАКОГО ПРАВА!»

Некий Грегори из городка Атлон в Ирландии накатал жуткими каракулями, что у него «вызывает отвращение», как я «получаю удовольствие, наблюдая за казнями». Письмо кончалось приглашением приехать как-нибудь на выходные. Знала я, что ирландцы – народ гостеприимный, но чтобы настолько…

Си-эн-эн показало наконец интервью, которое за год до того брала у меня Кристиан (к черту ее!) Аманпур. В нем я упомянула, что получаю много злобных посланий, и после интервью пришло несколько ободряющих писем. Однако и среди них были не очень приятные, например в одном говорилось, что Наполеон «получил по заслугам». И еще одно от женщины из Великобритании, сравнивавшей Наполеона с британскими серийными убийцами Майрой Хиндли и Розой Уэст. Некоторые писали очень мило – если не считать дурацких вопросов о том, как я одеваюсь.

Через месяц после казни Наполеона назначили дату для Роберта Коулсона. Коулсона приговорили за убийство в 1992 году в Хьюстоне пятерых членов его семьи и не успевшего родиться ребенка. Коулсон задушил их с помощью пластиковых пакетов и связал, а потом поджег дом – все это ради наследства в 600 000 долларов. Он повторял, что полицейские подбросили улики на место преступления, однако его соучастник сразу же признался, и все возражения Коулсона пропали втуне. Приходя в отделение смертников, я всегда разговаривала с Коулсоном, и однажды он мне сказал: «Вы как будто приносите с собой солнечный свет». Несмотря ни на что, человеком он оказался приятным, и с его стороны было любезно так сказать. Прямо перед казнью он отправил мне письмо, которое начиналось словами: «Если вы это читаете, значит, меня уже убили…» Оно пришло два дня спустя и было такое доброе… Но я подумала: «Бред какой-то, я ведь видела, как он умер».

Письмо Джеральда Митчелла, застрелившего в 1985 году в Хьюстоне двух человек, сильно меня расстроило. Митчелл извинялся, что произвел на меня не очень хорошее впечатление, и я почувствовала себя отвратительно. Я не думала о нем плохо, он просто показался мне нервным. Читая письмо, написанное сложным, почти готическим почерком, я думала: «Тебе и так есть о чем беспокоиться, а об этом беспокоиться не стоит». Жаль, письмо пришло слишком поздно, а то я сказала бы ему, что он отлично держится.

Поскольку я всегда казалась счастливой, я сильно отличалась

от обычного окружения смертников. Наверное, я была как светлый лучик в их серой жизни.

Заключенным не разрешалось ни к кому прикасаться. Единственный физический контакт с другими людьми происходил, когда их конвоировали и охранник клал руку им на локоть. Так делалось не ради унижения или наказания, а ради безопасности: приговоренным нечего терять.

До бегства Мартина Гурула заключенные-смертники содержались примерно так же, как остальные. Они жили в камерах по двое, работали, ходили в церковь, смотрели телевизор, ели в обеденном зале. В тюрьме Эллис имелась общая комната, где они могли поговорить. Напротив камер висели телевизоры, и смертники смотрели, как «Астрос» играют в бейсбол или «Ковбои» – в футбол. Еще можно было играть в шахматы, на досках, подвешенных к дверям камер, или в домино – на расстеленном на полу одеяле. Когда смертников перевели в тюрьму Полунски, все это дело прикрыли. Поэтому считалось, что из всех техасских тюрем там сидеть тяжелее всего.

За хорошее поведение заключенным позволяли слушать радио, пользоваться пишущей машинкой и один час в день проводить вне камеры. Разрешалась также подписка на газеты и журналы – такие, где не было фотографий обнаженных женщин и не говорилось о том, как совершить побег. Дозволялось брать книги в библиотеке. Те, кто вел себя не слишком хорошо, лишались радио и получали только три или четыре часа прогулок в неделю. Томас Мейсон как-то сказал мне, что, если бы смертники могли смотреть телевизор, они вели бы себя лучше: запрет на просмотр телепередачи действует гораздо эффективнее, чем запрет слушать радио.

Тем, кто вел себя совсем плохо, читать разрешали только юридические документы и давали всего один час вне камеры в неделю. Причем даже вне камеры им запрещалось до кого-либо дотрагиваться. Иногда они играли в «лошадь» – игру с баскетбольным мячом, где первый игрок забрасывает в корзину мяч, стоя в необычной позе, например, на одной ноге, а второй игрок должен сделать то же самое. Игроков разделяла металлическая сетка, и все же это было хоть какое-то подобие общения.

У некоторых имелись шахматные доски, и они играли с соседями, называя ходы. Иногда заключенные ложились на пол и разговаривали через щели под дверями. А многие просто сидели да щелкали пальцами от нечего делать.

Стивен Муди, приговоренный в 1993 году за то, что застрелил человека, высказался так: «Доводилось ли вам бывать в

зоопарке и смотреть в глаза зверю за решеткой? Если да, вы не могли не заметить его боли и тревоги. Метание взад-вперед по клетке ни к чему не ведет, с каждым годом тревога все сильнее, он все больше теряет себя…» Муди казнили через много лет, 16 сентября 2009 года.

Однажды охранники обыскивали камеры на предмет контрабанды и нашли баночку с маленькими черными паучками. Заключенный надеялся получить из них яд, чтобы намазать им что-нибудь острое и уколоть охранника.

Майкл Макбрайд – человек со странностями даже по меркам отделения смертников – пытался добыть флакон от шампуня и семена острого перца, чтобы настоять их и брызгать в глаза тем, кто его раздражает, – а раздражали его абсолютно все. Так происходит, когда у человека нет стимула хорошо себя вести, и, сидя много лет в тесной камере с узеньким окошечком, он постепенно сходит с ума, – если, конечно, не попал сюда уже безумным. Потому-то нам постоянно напоминали, что с заключенными нужно быть начеку. Если они и не собираются нанести вам увечье, то вполне могут изувечить себя, как Андре Томас, который вырвал у себя левый глаз и съел, а правый вырвал еще раньше, в тюрьме округа.

Снаружи каждой камеры делались пометки. Если заключенный любил устраивать побеги, ему лепили наклейку с буквами «ES»[27]. Имелись соответствующие наклейки для любителей нападать, для «саморезов»; у некоторых заключенных таких наклеек набиралось довольно много.

Однажды я находилась возле тюрьмы, следила за съемками фильма, и вдруг везут человека в кресле, а из шеи у него торчит дротик. Он спокойно придерживал его рукой, но я могла думать только об одном: вот сейчас его вывезут наружу, и не дай бог он попадется на глаза репортерам! Впрочем, как-то удалось провезти его незаметно. Это был человек со стороны, техник, который устанавливал в отделении смертников видеокамеры. Заключенные не любят видеокамер, вот один и метнул в него дротик из туго скрученной в трубочку бумажки с самодельным металлическим наконечником.

Роберт Пруэтт попал в отделение смертников после того, как в другой тюрьме убил заточкой охранника, давшего о нем нелестный отзыв. Подобные нападения чаще всего бывали следствием какого-нибудь старого конфликта. Охранник давно уже о нем позабыл, а заключенный – нет. Он сидит в камере, пестует свою обиду и выжидает момент, чтобы совершить возмездие.

Большинство заключенных совсем отдалились от внешнего

мира. Не имея телевизора, они не знали, например, какую теперь носят одежду, а поскольку радиоприем в тюрьме Полунски был слабый, то ловили в основном местную станцию, расположенную в Ливингстоне. Слушатели туда звонили, чтобы передавать заключенным приветы, – такая вот узкая специализация.

Рэнди Арройо, забавный латиноамериканец из Сан-Антонио, выходил к посетителям с повязкой на голове и в напульсниках – как у исполнителей акробатических танцев. Тот еще видок, но мне не хотелось объяснять ему, что такая мода давно прошла.

Многие заключенные понятия не имели о сотовых телефонах и Интернете, эдакие деды, совершенно отставшие от жизни. Их знания об окружающем мире застыли на той точке, когда их арестовали. Заключенные помоложе регистрировались на специальных сайтах, где подбирали себе друзей по переписке. Сами они доступа к компьютерам не имели, зато имели знакомых, готовых создать им страничку, и эта переписка была ниточкой, связывающей их с внешним миром. Заключенные просили присылать журналы или переводить им на сберкнижку деньги для покупки еды в тюремном магазине. Фарли Матчетт, который в 1991 году убил молотком двух человек, переписывался с Брижит Бардо. Грегори Саммерс переписывался с какими-то итальянскими школьниками. Почему их учитель, желавший, чтобы Саммерса похоронили в Пизе, считал, что детям следует переписываться с человеком, заколовшим своих приемных родителей, – загадка для всех и каждого.

Некоторые заключенные вели блоги, чтобы развивать у себя творческую жилку и демонстрировать всем свое литературное мастерство и заодно как-то объяснить, почему они очутились в отделении смертников.

Томас Бартлетт Уитакер сообщил родителям, что сдал выпускные экзамены и окончил университет, и они подарили ему часы «Ролекс» и повели в ресторан. Когда семья вернулась домой, к ним проник неизвестный преступник, застрелил мать и брата, стрелял также в Томаса и его отца, но они выжили.

Вскоре выяснилось, что Уитакер не только не окончил университет, а даже в него и не поступал. Выяснилось также, что он-то и спланировал нападение. На суде отец умолял пощадить сына, но тщетно. Мне было очень жаль беднягу.

Находясь в отделении смертников, Уитакер подробно писал о своих переживаниях в блоге под названием «Без минут шесть», который сначала вел его отец, а потом какие-то друзья. Он предлагал и другим заключенным сочинять рассказы и стихи, но в основном занимался этим сам. Были в блоге и другие материалы, например рецепты. Уитакер рассказывал, как

готовить тамале – мексиканское блюдо из кукурузы – с картофельными чипсами и консервированным тунцом. Рецепт не слишком аппетитный, зато дает представление об изобретательности заключенных.

Уитакер получал всевозможные награды за работу, отчего делалось еще грустнее. Как и Наполеон Бизли, он мог бы достичь вершин, а вместо этого загубил несколько жизней, включая собственную. Только, в отличие от Наполеона, Уитакер был, по отзывам тех, кто его знал, жестоким социопатом.

> Если бы человек мог услышать, как закрывают над ним крышку гроба, звук был бы такой же, как когда закрывается дверь камеры. Помню, как я стоял и разглядывал свою новую камеру шесть на десять футов – место моего последнего отдыха, где мне предстояло провести лучшие годы…
>
> *Томас Уитакер, запись в блоге «Без минут шесть»,24 июля 2007 года*

Некоторые заключенные искали не просто друзей по переписке, они надеялись найти себе жен. Меня поражали эти женщины – они объявляли, что полюбили, и ехали аж из Европы, чтобы сочетаться браком с каким-нибудь типом, убившим уйму народу. В месяц разрешалось одно длительное свидание, поэтому женщины старались приехать в конце месяца – и прихватить кусочек следующего, получая, таким образом, два свидания за одну поездку. В некоторых случаях за них платила «Международная амнистия». Получалось, будто быть женой смертника – своего рода работа. У одной женщины я взяла интервью для статьи, и она призналась, что ее привлекла «безопасность» таких отношений: встречаться с мужем ей почти не придется, физического контакта не будет, изменить ей он не сможет, а значит, не разобьет сердце. Ну и, говоря откровенно, проще свести знакомство с человеком за решеткой, чем со свободным. Отношения бывали очень пылкие, потому что все внимание мужчины доставалось только одной женщине, притом навредить ей он никак не мог. Удивительно…

Самое интересное, что некоторые заключенные ухитрялись и тут изменять! К одному приехали сразу две девицы, и обстановка ох как накалилась. Да, если человек захочет изменить, способ найдется.

Такие отношения были бы довольно милыми, будь они искренние, но я сомневаюсь насчет мотивов, которыми руководствовались «жены». Они являлись на казнь, рыдали,

бросались на пол, и отдавало все это дешевым актерством. Одна жена из Германии отказалась обуться, надеялась таким образом задержать казнь. Ей разъяснили, что казнь состоится и без нее. Я жалела родных жертвы и тех, кто наблюдал смерть сына или брата, однако тем женщинам чужая беда лишь давала возможность урвать кусочек славы. Как-то раз в комнате для свидетелей произошел крупный спор: мать казненного желала забрать тело, а жене хотелось похоронить его в Европе. Эти «жены» едва знали своих мужей и ни разу к ним не прикоснулись. Общались только по переписке.

Впрочем, у одного заключенного завязались серьезные отношения – у некоего Джорджа Риваса, весьма буйного типа из Эль-Пасо. Он был предводителем банды под названием «Техасская семерка», устроившей в 2001 году самый большой в истории штата побег. Беглецы работали на фабрике в тюрьме Конналли[28]. Они захватили нескольких рабочих, забрали у них одежду, вломились в оружейную комнату, а потом уехали. Ривас оставил записку: «О нас еще услышат». Будучи на свободе, бандиты совершили множество ограблений, были показаны в передаче «Их разыскивает Америка», потом застрелили полицейского, который помешал им при ограблении спортивного магазина в Далласе. Они добрались до Колорадо, а затем их схватили; один из них успел покончить с собой, не желая вновь попасть за решетку.

Поскольку определить, кто именно убил полицейского, оказалось невозможно, – он получил одиннадцать выстрелов, – данное дело подпадало под Закон о соучастии[29], а согласно ему человека можно осудить, даже если не он нажал на курок. Закон довольно спорный: иногда к смерти приговаривают человека, который сам никого не убивал.

Например, Томаса Бартлетта Уитакера за организацию убийства матери и брата приговорили к смерти, а нанятого им исполнителя – к пожизненному заключению. Конечно, в случае Риваса все было правильно. Все шестеро членов банды попали в отделение смертников, причем Риваса казнили вторым.

В ожидании суда Ривас получал письма от журналистки-фрилансера. Она увидела его в новостях, чем-то он ее заинтересовал, и у них завязались отношения. Девушка присутствовала почти на всех заседаниях суда, и вскоре после его перевода в тюрьму Полунски они поженились. По словам охранников, она была очень даже хорошенькая, не безмозглая, и вообще казалась нормальным человеком. Она поселилась поближе к тюрьме, чтобы видеться с Ривасом каждую неделю, и оформила брак: Ривас письменно выразил согласие, невеста

представила все бумаги, и на церемонии жениха заменял «дублер». В конце концов они развелись. По словам Риваса, жена решила, что будет не в силах смотреть, как он умирает.

Когда на суде Риваса спросили о мотивах побега, он сказал: «Не хотел умирать в тюрьме стариком». Не могу его за это винить. По той же самой причине некоторые заявляли своим адвокатам, что не будут больше подавать апелляций, и ждали казни; так поступил и один из соучастников Риваса Микаэль Родригес. И меня удивляло, что защитники продолжали носиться взад-вперед, составляя прошения, приводя какие-то нелепые аргументы, хотя знали: их клиенты виновны и желают умереть.

> Тяжелее всего мне было в течение тринадцати лет смотреть в зеркало и думать, что я отнял у человека жизнь. Меня преследуют воспоминания. Положите меня на кушетку, и, быть может, боль прекратится.
>
> *Джеффри Такер, казненный 14 ноября 2001 года*

Один заключенный уже сидел во временной камере; ко всему готовый, он смирился со скорой смертью, и когда я сообщила ему, что его адвокат добился отсрочки, сильно расстроился и сказал: «Значит, еще полгода в этом дерьме».

Я понимаю, что большинство адвокатов – люди добрые, противники смертной казни и борются из принципа, но реальность такова: в Техасе есть смертная казнь, и некоторые их клиенты не желают помощи, ибо устали жить в тюрьме. Как сказал Наполеон Бизли, жить под смертным приговором – все равно что иметь смертельную болезнь. Возможно, поэтому смертники выказывали друг к другу такое сочувствие, какое редко встретишь у обычных людей. Эти небольшие проявления милосердия среди обреченных служили напоминанием о том, что в жизни, даже такой страшной, есть своя красота…

ЧТО В БУМАЖНОМ ПАКЕТЕ?
Луис Рамирес

Я расскажу историю, которую следовало рассказать очень давно. Вам, читателям из отделения смертников, она уже знакома. А людям «свободного мира» прочитать ее будет полезно. Она о моем первом дне в отделении смертников.

Я пришел сюда в мае 1999 года. Точную дату вспомнить не могу. Меня привезли во второй половине дня и поместили в крыло H-20 тюрьмы Эллис. Во мне бурлили

разные чувства и мысли. Помню, в камере были матрас, подушка, две простыни, наволочка, рулончик туалетной бумаги и одеяло. Помню, как сидел там, совершенно потерянный.

Первым, с кем я познакомился, был Наполеон Бизли. Тогда заключенные-смертники еще работали. Он делал в нашем крыле уборку и помогал разносить еду. Ходил в таких смешных резиновых ботах, натирал полы. Подойдя к моей камере, поинтересовался, не новенький ли я. Я сказал, что меня недавно привезли.

Наполеон спросил, как меня зовут. Я ответил, не подозревая ничего плохого. Он отошел назад, встал так, чтобы видеть все три яруса камер, и громко объявил: «У нас пополнение! Только что прибыл. Его зовут Луис Рамирес».

Я не знал, что и думать. Не совершил ли я ошибки?

Понимаете, как и большинство из вас, я считал, что в отделении смертников одни злодеи. Думал, там сплошь Ганнибалы Лектеры. И им стало известно мое имя. «Ну, начинается», – подумал я. Теперь меня станут изводить. Такое часто показывают в кино.

Однако все оказалось иначе. После раздачи ужина Наполеон опять натирал полы. Проходя мимо моей камеры, он сунул мне коричневый бумажный пакет. «Что это?» – спросил я. Он посоветовал посмотреть и пошел дальше. Господи, я не знал, чего и ждать. Там же наверняка что-то плохое! Потом победило любопытство, и я осторожно открыл пакет. И увидел то, чего никак не ожидал получить – и все, в чем нуждался.

Марки, конверты, блокнот, ручка, мыло, шампунь, зубная щетка и паста, печенье, газировка и два брикета «быстрой» лапши. Я спросил Наполеона, откуда это, и он ответил, – собрали заключенные. Все знали, что у меня нет самого необходимого и, наверное, появится не скоро. Я попросил выяснить, кто именно со мной поделился, чтобы потом как-то им возместить, но Наполеон сказал: «Ничего этого не нужно. Просто, когда появится кто-то вроде тебя, поможешь ему».

Я сидел на койке с полным пакетом всякого добра и размышлял о случившемся. Чего я точно не ожидал встретить в отделении смертников – доброту и щедрость. Люди знали, что у меня ничего нет, и поделились со мной, оторвав от себя. Они не ждали платы или возмещения. Они сделали это не для приятеля,

а для незнакомого человека.

Не знаю, что они чувствовали, совершая этот акт невероятной доброты. Я знаю одно: их, как и меня, двенадцать «хороших людей» осудили как безнадежных. Лишь одно могли предложить нам эти «хорошие люди» – смерть. Но то, что видели в них «хорошие люди», никак не совпадало с тем, что видел я. Как можно было тех, кто выказал ко мне такую доброту, счесть «худшими из худших»?

С тех пор как казнили Наполеона – за преступление, которое он совершил подростком, – мне хотелось рассказать о нем его семье. Мне хотелось, чтобы они знали: их сын был хорошим человеком. Человеком, которого я никогда не забуду. И пусть они знают: я жалею о том, что наше общество обмануло их ожидания и ожидания Наполеона.

Просто нелепо, что мы как нация не в силах правильно воспитывать и любить нашу молодежь. Я в ужасе оттого, что у подростка отнимают надежду на исправление, что нет для него иного наказания, кроме смерти. И ужасно, что «хорошим людям» об этом должен говорить я – «худший из худших». Помоги нам Господь.

Что же я нашел в коричневом бумажном пакете? Доброту, заботу, любовь, человечность и сострадание – в такой степени, в какой их никогда не выказывают друг к другу «хорошие люди» в свободном мире.

Луис Рамирес был казнен 20 октября 2005 года за убийство Немесио Нандина, совершенное 8 апреля 1998 года в селении Теннисон, штат Техас.

Глава 9. Страшное место

Это было нетрудно. Мне даже как будто этого хотелось.

Эрик Мартинес о присутствии на казни Луиса Салазара, убийцы его матери

Единственное, что меня утешит, так это если мой сын постучит в дверь и скажет: «Я дома!»

Дональд Уиттингтон о казни Джастина Фуллера, убийцы его сына

Ларри Фицджеральд, Ларри Тодд и Глен Каслбери ушли в отставку в один и тот же день в 2003 году, поскольку им предложили такое поощрительное пенсионное пособие, что грех не согласиться. Однако мне казалось, Фицджеральд не готов оставить работу.

Много времени Ларри посвящал своей старенькой маме (она умерла в возрасте за сто), они прекрасно ладили. Ларри возил ее на бейсбол – в кепочке с символом «Хьюстон астрос». Притом он был еще не стар и не домосед из тех, кому только дай повозиться в саду. Почти сразу он стал работать в Управлении по чрезвычайным ситуациям – лесные пожары, ураганы – такое как раз для него. И все же здесь он не чувствовал себя на передовой, и, думаю, ему не хватало общения с журналистами и всяких обычных шуточек. Ларри был умен, и криминальные репортеры – люди интересные, разговаривать с ними – не то, что поболтать в магазине с первым встречным.

Мне нравилось работать с Ларри, он многое мне дал. Всему хорошему, за что меня хвалили журналисты, – например, открытости и готовности помочь, – я научилась у него. Он показывал, как добиться в работе успеха. Например, когда я начинала работать в Департаменте, я до ужаса боялась интервью на радио. Телевидение мне было нипочем, а вот радио пугало страшно, – я переживала, что не умею придумывать на ходу емкие эффектные фразы. Какое-то время я старалась любой ценой не

давать радиоинтервью. Зато я слушала Ларри, примечала, что нужно, и через некоторое время научилась. Он и после ухода давал мне советы, хотя я никогда не просила, – была молодая и упрямая, не хотела показаться слабой.

Каждый раз, бывая в Остине на заседаниях правления, я виделась с Ларри и его женой, и мы болтали, вспоминали прежние деньки. Он часто присылал мне занятные письма и статьи – о предстоящих казнях или какие-нибудь примеры абсурда нашей тюремной системы. Он мог позвонить без пятнадцати шесть, зная, что в шесть начнется исполнение приговора, и сказать: «Ну, как ты? Грачук уже там? Знаешь, деточка, тебе нужно сделать то-то и то-то». Он скучал по работе и хотел помочь, а я злилась. «Да знаю я, Ларри, знаю!» Как будто родителям доказываешь, что ты уже взрослая. Впрочем, я и сама ужасно по нему скучала, потому что сильно его любила. Да и все его любили, даже заключенные, а это о многом говорит. Ларри так и остался лицом Департамента, и всегда им останется.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Никогда не думал, что буду работать в тюремной системе, и никогда не думал, что оттуда уволюсь, но в моей жизни произошло и то и другое. Первые два года в Департаменте пролетели незаметно. Работников тюремной системы часто изображают какими-то троглодитами, а оказалось – ничего подобного. Да, есть такие, которые никуда больше не сгодились бы, но большинство сотрудников просто выполняют свою работу и относятся к ней с большим уважением. В Хантсвилле я подружился со многими, и это место вызывает у меня теплые воспоминания. Хотя в какой-то момент я себе сказал: «Пора остановиться».

Журналисты часто спрашивали, каково мое мнение о смертной казни. Я всегда уходил от ответа, говоря: «Это к делу не относится». Мне следовало сохранять нейтралитет, потому что, выскажись я против смертной казни, на меня ополчились бы родственники жертв, а если бы высказался за нее, испортил бы отношения со многими заключенными-смертниками. Майк Грачук видел куда больше казней, чем я, но я не знал, как он к ним относится. Так оно и должно быть, и как раз потому-то он отличный репортер.

Правда же в том, что я – сторонник смертной казни. Зная таких людей, как, скажем, Кеннет Аллен Макдафф,

противником ее не станешь. И будь я среди присяжных на суде над Наполеоном Бизли, я тоже проголосовал бы за смерть. Потом-то я хорошо его узнал и был о нем очень высокого мнения, а присяжные сочли чудовищем.

Я пришел к мысли, что в Техасе слишком часто выносят смертные приговоры. Кое-кому из преступников вполне можно было дать пожизненное. В вине некоторых казненных я сомневался. Еще я пришел к выводу, что в случае смертной казни жертвами становятся все и каждый: преступник, его семья, семья убитого. Я всегда придерживался мысли, что смертная казнь не несет никому облегчения. Да, зрелище смерти того, кто убил твоего близкого, может дать некоторое удовлетворение, однако это лишь новая глава скверной повести. И за то, что я высказывал свое мнение публично, много чего выслушивал от родственников убитых. Я просто считал, что казнью ничего не добьешься.

Я устал смотреть, как в комнате свидетелей падают женщины, бьются в стекло, стучат в стену. Очень хорошо помню, как это делала мать Ларри Робисона.

Робисон совершил одно из самых страшных преступлений, какое только можно представить. В 1982 году в Форт-Уорте мать некоего Рики Брайанта пришла к своему сыну и обнаружила его на полу кухни мертвым и с отрезанной головой под мышкой. Пенис потом нашли в кухонной раковине. Рядом, за стеной, были еще четыре жертвы – с ножевыми и огнестрельными ранениями, – и среди них одиннадцатилетний мальчик. Робисона взяли на следующий же день. В день казни – в январе 2000 года – его мать устроила мне настоящую сцену: «Вы убиваете моего сына!» Робисона считали сумасшедшим, однако мать оказалась еще хуже. Мне пришлось нелегко, хотя я поневоле ее жалел.

В отделении смертников я навидался вещей просто страшных. Один заключенный откладывал свои лекарства и за день до казни попытался совершить самоубийство. Его увезли в тюремную больницу в Галвестоне, накачали активированным углем, чтобы вывести из организма яд, и отправили обратно в Хантсвилл для казни. Какая ирония, думал я. Когда его привязали к кушетке, у него началась обильная темно-красная рвота. Кровотечение, решил я. Как раз незадолго до того во время одной казни во Флориде заключенному положили на лоб синтетическую губку, и она загорелась. Я стоял и думал: «Вот и у нас

проблемы. Что я, черт побери, скажу репортерам?» После казни я встретил Уэйна Скотта, исполнительного директора, и он рассказал, что осужденный выпил чашку пунша, и напиток вступил в реакцию с углем, еще остававшимся в желудке. Теперь я хоть знал, что говорить.

Такие случаи остаются в памяти, но меня больше беспокоили как раз те казни, о которых я позабыл: казни, прошедшие без особого драматизма, казни, на которые никто не пришел. Преступник умер – и никто и не заметил. Печально…

Мишель права, первые несколько месяцев я действительно скучал. От своей работы я получал удовольствие и, думаю, делал ее хорошо. Мне платили за то, чтобы я сообщал о происходящем в тюрьмах Хантсвилла, и этим я и занимался, ведь люди имели право знать. И все же через какое-то время я очень – не могу даже передать как – радовался, что ушел. Тюрьма – страшное место. Она меняет человека, пребывание в ней не проходит бесследно. Я видел 219 казней – и больше не хотел, кроме разве что одной. Я часто говорил Мишель, что хорошо бы вернуться и посмотреть на казнь Джона Уильяма Кинга – белого главаря расистской шайки, убившего Джеймса Берда в Джаспере. Страшное преступление, и сам Кинг страшный человек и настоящий мерзавец. Мы никогда не могли найти общий язык, и я чувствовал, что должен увидеть его казнь, чтобы перевернуть страницу. К сожалению, он до сих пор благополучно существует в отделении смертников.

Я мало кому мог рассказать о своей работе, и никакой другой капеллан не знал, что делается у меня в голове. Только с двумя-тремя близкими друзьями я делился, и один из них – Ларри. Ни дня не проходило, чтобы мы с ним не разговаривали. Он всегда был тут как тут – со своими безумными идеями и черным юмором. Притом он – профессионал и очень надежный человек. Лучшего защитника, чем Ларри, заключенные и пожелать не могли.

Нас не любили, потому что мы трудились в тюремной системе. За годы работы я получил множество угроз. Я ни за что не согласился бы выполнять работу Ларри. Ему все время приходилось балансировать: говорить правду, но говорить очень деликатно. Он стал

как бы символом смертной казни в Техасе, имея притом двойственное к ней отношение.

Ларри много попадало, и преодоление жизни и смерти давалось ему нелегко. У него болела мать, у него был один весьма проблемный родственник, и иногда на работе он терял осторожность. Шутит сегодня с заключенным, а завтра того казнят.

Мы часто беседовали с Ларри о жизни и смерти, о том, что и он не вечен. Он сильно переживал и много пил. А когда не выдерживал и плакал, я тоже плакал.

Джим Брэззил, бывший капеллан тюрьмы Хантсвилл

Я вышла замуж в Мексике в сентябре 2003 года, и пока у меня был медовый месяц, преемник Ларри Тодда приступил к работе. Предполагалось, что отделом по связям с общественностью буду руководить я, – и меня для этого готовили, – однако тип, которого взяли на должность, был чуть старше и имел больше связей среди республиканцев в канцелярии губернатора. Меня пообещали перевести на место Фицджеральда, но как только я увидела нового начальника, поняла: вот она, беда. Мы сидели на заседании администрации, и он сказал: «Я ваш новый босс». Он сразу проявил себя во всей красе. Ему было известно, что я тоже проходила собеседование на его должность, и это мне потом аукнулось.

На следующей неделе состоялось рабочее собрание, и первое, что он сказал: «Не-е, я вас не стану повышать». Я поинтересовалась причиной, и он ответил: «Мне не понравилось, в чем вы пришли на заседание администрации. Это непрофессионально». Я была в брюках-хаки и броской блузке из дорогого бутика, а он считал, что одеваться нужно более официально. Я сказала: «Я здесь не по вашему приглашению и уйду сама, вы не успеете меня выгнать», – вылетела и хлопнула дверью.

Я позвонила исполнительному директору и спросила, что такое творится. Тот ответил: «Да, я знал, что он так поступит. Пообещал его поддержать, если вы ему нагрубите». Выходит, меня проверяли; я обозлилась. «Позвольте мне сказать: он сам себе роет яму. Еще увидите». Директор выразил надежду, что я помогу своему новому начальнику, и я ответила: «Конечно, помогу, только это ничего не изменит». Меня потом все же повысили, однако неприятный осадок остался.

В 1995 году бывший полицейский и помощник шерифа

Бомонта, штат Техас, Хилтон Кроуфорд похитил и убил двенадцатилетнего мальчика, единственного сына своих старинных друзей, проживавших в Конро. Мальчик очень хорошо знал Кроуфорда и называл его «дядя Хилти». До того Кроуфорд не имел судимостей, но его охранный бизнес развалился, и возникли большие финансовые проблемы, почему он и решил похитить ребенка ради выкупа. Когда мальчик пропал, Кроуфорд был одним из первых, к кому родители обратились за помощью, – как к бывшему служителю закона и хорошему другу. Несколько дней спустя в багажнике его автомобиля обнаружили кровь пропавшего, а вскоре в Луизиане нашли тело. После смерти ребенка мать получила инсульт, и они с мужем развелись.

В отделении смертников Кроуфорда звали не «дядя Хилти», а «Старик». Как раз перед уходом Ларри назначили день казни Кроуфорда, которому уже исполнилось шестьдесят четыре. Он сказал, что из своей последней трапезы все бы отдал за кусок сомятины, но сомятины в тюремной кухне не водилось. Я подумала: «А ведь в ближайшем магазине наверняка есть». Пошла и купила кусок за семь долларов, попросив продавца никому не говорить. Он сказал, что все понимает, и на месте подсудимого радовался бы, если бы для него так же постарались.

Я отнесла рыбу начальнику, и он пообещал передать ее Брайану Прайсу, хотя и был слегка ошеломлен. «Чего ради вы утруждаетесь?» Я задумалась, потом ответила: «Он этого не ел с тех пор, как попал в тюрьму, и самое малое, что я могу сделать, – достать ему рыбу, пусть даже он и не заслуживает». Потом, однако, меня терзало чувство вины. О чем я вообще думала? Ведь он убил ребенка. Что со мной не так? Еще я боялась, что он скажет, лежа на кушетке: «Мисс Лайонс, спасибо за сомятину, вы так добры». Он и сказал, но, слава богу, не в последнем слове, а когда вошел. Никто его слов не понял, и потому сомятина в протокол не попала. Больше я так не делала: мне было очень стыдно и неловко.

В то время у меня уже начался душевный разлад, но я еще поддерживала свой образ сильной личности. Посмеивалась над людьми, которые сильно переживали во время казней, в том числе и над одним репортером из «Хьюстон кроникл». Она писала, что это самое ужасное зрелище в ее жизни, и после него ей пришлось лечиться.

«Господи, – думала я, – журналистка называется, не может осветить простое событие, а ведь должна делать это без всякой истерики. Детский сад!»

Я действительно презирала таких людей. Конечно, с моей стороны тут не обошлось без некоторого снобизма – я, мол,

женщина, и могу все переносить спокойно; я круче, чем те журналистки, которые сразу бегут в туалет выплакаться. В Департаменте в основном работали мужчины, и на казнях я, как правило, была единственной женщиной. Нас принято считать слабыми, и я старалась убедить коллег, что есть исключения.

Трудности с моим повышением опять же доказывали: женщине, чтобы завоевать признание, нужно работать много больше, чем мужчине на такой же должности, притом платить мне столько же, сколько платили мужчинам, никто не собирался.

Одна газета напечатала материал о зарплатах пресс-представителей учреждений штата: оказалось, самые низкооплачиваемые сотрудники – я и еще одна женщина из Департамента общественной безопасности. А ведь мой Департамент – это 38 000 сотрудников, 75 000 условно-досрочно освобожденных и 150 000 заключенных, и мне приходилось общаться с прессой от имени такого количества людей. А получала я меньше, чем пресс-представитель Комиссии по делам молодежи – тюремной системы для юных правонарушителей. Причем он как-то заявил, что не может сообщать все мелкие подробности, и часто игнорировал запросы журналистов. Мои начальники все это отлично знали, но ни черта не хотели менять. Думаю, они считали себя очень продвинутыми уже потому, что вообще приняли меня на работу.

Не могу даже рассказать, сколько я наслушалась неуместных комментариев, пока работала в Департаменте; некоторых сотрудников-мужчин я опасалась больше, чем заключенных. Однажды мы ехали с коллегой из одной тюрьмы в другую, и я пожаловалась на головную боль; он начал массировать мне затылок. Вместо «Какого черта?!» я, смутившись, пробормотала: «Спасибо, все-все, мне уже лучше». Подобное случилось дважды, и я жалею, что не дала ему должный отпор. Как-то раз мы с одним начальником тюрьмы, беседуя, шли по коридору, и когда проходили мимо пустой камеры, где лежали матрасы, он вдруг остановился и спросил: «Как насчет взять матрас и покувыркаться?» Он был неплохой человек, и я просто рассмеялась. Не хотелось показаться занудой, которая злится на «безобидные шутки», но подумала: «А ведь я могу моментально лишить тебя работы…» Хотя, опять же, вероятнее всего, не могла.

На собраниях мужчины, здороваясь, всегда меня обнимали. Мне вовсе не хотелось со всеми обниматься. Почему они не могли ограничиться рукопожатием, как друг с другом? Все это меня страшно злило, но я не роптала на судьбу, молча играла свою роль – иначе долго бы я там не продержалась.

Моего нового начальника репортеры вскоре прозвали «Без

комментариев», потому что он просто не хотел с ними разговаривать. По тюрьмам он не ездил и, получается, отстранился от дела – ведь репортеры бывали именно в тюрьмах. И им не очень-то нравилось получать отписки по электронке. Он с головой ушел в административные дела, вопросы бюджета (который принимался только раз в два года). Я занималась организацией интервью в отделениях смертников, в женском – по вторникам, в мужском – по средам. Журналисты стали напрямую спрашивать, чем занимается мой начальник. Жалобы на него дошли уже до канцелярии губернатора, и на каком-то мероприятии Брэд Ливингстон, новый исполнительный директор Департамента, спросил у меня: «Что вы думаете о своем новом руководителе?» – «Ничего не думаю, он пустое место». В конце концов Брэд вызвал его к себе в кабинет и посоветовал быть поэнергичнее, а когда тот не послушался, его перевели в другой департамент.

Помню, я одевалась дома, и вдруг звонит Брэд, просит приехать к 08:15. Я подумала, мне будет нагоняй, а меня назначили исполняющим обязанности начальника.

Несколько месяцев я руководила отделом по связям с общественностью без дополнительной платы, без какой-либо помощи, и это означало полную боевую готовность – круглосуточно и без выходных. В пять я приходила домой, но журналисты еще вовсю работали, и все вечера я проводила у телефона. В 2004 году я ждала ребенка и, сидя на УЗИ, говорила по сотовому с начальником тюрьмы, решала какие-то проблемы. На мое тридцатилетие муж устроил вечеринку-сюрприз, а мне пришлось все время бегать отвечать на письма по электронке. Вот такая у меня была жизнь – то пикает почтовая программа: пришло письмо, то звякает телефон: пришла эсэмэска. В основном текущие вопросы, но иногда и сообщения о разных чрезвычайных событиях – ранили надзирателя, заключенный покончил с собой, кто-то совершил побег.

Одна-две попытки побега делались каждый год – та еще нервотрепка: днем ведь никто не бежит, бегут среди ночи. И вот мне звонят и говорят: «цифры не сходятся». Иными словами, при пересчете заключенных кого-то недосчитались. Я немедленно сообщала СМИ, потому что обнародовать информацию следовало как можно скорее. Если сбежавший кого-нибудь убьет, нам обязательно отзовется. Такое однажды случилось: мы не успели сообщить о побеге, а беглец вломился в ближайший дом, убил хозяина и забрал машину.

Если побег происходил, скажем, в Амарилло, мне полагалось разослать информацию во все местные СМИ, передать им

описание и фотографию преступника.

Выступление перед журналистами не ограничивалось собственно выступлением, следовало еще подготовить площадку. Нельзя позволять журналистам бродить по всей тюрьме, снимая что можно и чего нельзя, поэтому я должна была приехать, найти для них подходящее место и постоянно держать в курсе дела, чтобы они не начали сочинять сами.

Однажды произошел побег в Сан-Антонио, и мне пришлось поехать туда прямо с заседания в Остине. Среди ночи я отыскала круглосуточный супермаркет, купила подушку, смену одежды, – дело было в разгар лета, – и спала прямо в машине.

Когда приближался ураган, все тюрьмы на побережье полагалось эвакуировать, и, значит, мне приходилось дежурить в командном центре в Хантсвилле, занимаясь медиаоповещением, а руководство тем временем разрабатывало стратегию перевозки тысяч заключенных в безопасное место.

Не работа, а беспощадная гонка.

Месяцев через пять меня наконец утвердили в должности, и я стала первой женщиной – начальником отдела по связям с общественностью в Департаменте уголовного судопроизводства. Я сразу подумала: «Здорово, неужели я теперь смогу нанять помощника? И буду больше получать?»

> Удачи тебе в разборках с политиканами и медиамусорщиками по поводу «убиваете людей, как собак». Пошли они все к черту! Кстати, нашел отличную цитату, последние слова Х. Богарта: «Не стоило мне переключаться со скотча на мартини».
>
> ТЕДНС (Твой единственный друг на свете)

Письмо Мишель от Ларри, 21 марта 2004 года

Когда я носила ребенка, казни перестали быть абстрактным явлением, теперь они затрагивали меня лично. Я читала, что уже в материнском чреве ребенок все слышит, – поэтому некоторые стараются во время беременности слушать музыку или учить ребенка иностранным языкам. А я стала бояться, что у меня малыш будет слушать последние слова осужденных, их жалкие извинения, отчаянные выкрики о невиновности, всхлипывания и хрипы. У меня появились суеверные страхи, что злобный дух осужденного, покидая его тело, может войти в моего ребенка, и он родится порочным. Я видела подобное в каком-то фильме Дензела Вашингтона, и теперь мне это казалось возможным.

Фрэнсис Ньютон, приговоренная к смерти за убийство мужа и двоих детей, – причем младшей дочери не исполнилось и двух

лет, – часто интересовалась моей беременностью. Она спрашивала так мило и вежливо, но мне делалось не по себе. Я все время думала: «У тебя был свой ребенок, и ты его убила, зачем спрашивать про моего?»

Я вообще стала пугливой, боялась, например, что какой-нибудь заключенный ударит меня в живот; они могли ткнуть надзирателя – без всякой причины. В октябре 2004 года заключенный общего отделения тюрьмы Конналли задушил на складе сотрудницу тюрьмы. Он работал в административно-хозяйственном блоке и мог пересекаться с персоналом, а взяли его туда, поскольку у него было хорошее дисциплинарное досье. Однажды в тюрьме Полунски я зашла в комнату персонала и вдруг подумала: а ведь я могу запросто наткнуться на заключенного.

Мои страхи прошли путь от естественных опасений до настоящей паранойи, но эта паранойя опиралась на реалии моей работы.

В 2004 году мне делали операцию, и когда начали давать наркоз, я стала бормотать о казнях: «Вы не понимаете, я видела, как умирают. Именно так все и происходит, и они уже не просыпаются…»

Когда в 2005 году родилась моя дочь, доктор взял ее, молчащую, на руки. Тишина длилась, наверное, секунд пять, но мне они показались вечностью. Меня переполнял настоящий ужас, мой мир едва не рухнул. А потом она закричала. С той поры тишина, наступавшая к камере смерти после действия препаратов, когда доктор ждал за стеной, – та тишина стала для меня пыткой. Теперь-то я понимала: для близких казненного она воцарилась навечно. Отныне я старалась быть с той стороны, где находились родственники жертвы. Говорила, что так мне удобнее выходить первой, – нужно, мол, скорее забрать запись последнего слова и передать журналистам, – а на самом деле мне просто не хотелось лишний раз впитывать чью-то безграничную скорбь.

Я и раньше жалела матерей тех, кого казнят, как, например, мать Рики Макгинна, а теперь я сама стала матерью, и мои чувства обострились. Я вообще не понимала, как могут несчастные матери стоять и смотреть на смерть своих сыновей. Даже отдаленно не представляю, что они переживали. Один заключенный не хотел, чтобы его мать смотрела на казнь, а она заявила: «Я видела, как ты пришел в мир, и увижу, как ты уходишь». У меня дома был маленький ребенок, ради которого я все бы отдала, а эти женщины смотрели, как умирают их дети. Я вдруг стала бояться казней.

Совершенно случайно при столкновении двух полюсов –

материнства и работы в тюрьме – высеклись удивительной красоты искорки. В тюрьме Уинн[30], при которой я жила в доме для сотрудников, имелась своя заправка, и ее обслуживал заключенный. Ему предстояло скорое освобождение, а значит, не имело смысла бежать. Прежде чем завезти ребенка в детский сад, я заезжала заправить служебную машину, и для заправщика то были самые яркие минуты за весь день. Я опускала стекло, а он говорил: «Разрази меня гром! Какая красивая малютка!» Однажды, отъезжая, я посмотрела в зеркало и увидела его – здоровенный дядька, стоит, смотрит в небо, рот до ушей. По-моему, он благодарил Бога. Человек был так счастлив просто потому, что моя девочка ему улыбнулась. Один из самых трогательных моментов в моей жизни.

Первые две казни, которые я посетила после рождения дочери, заметно меня подкосили. Я приезжала в «Стены», видела семью приговоренного и сразу узнавала мать, потому что она не говорила ни слова. Она молча сидела, глядя перед собой, словно пребывала в другом мире.

И если раньше я после казни могла иногда выпустить слезинку, то теперь рыдала всю дорогу домой.

У меня есть двоюродная сестра в Калифорнии; она разбирается во всяких там положительных вибрациях, и она посоветовала мне, как только я приезжаю после казни домой, сразу принимать душ, чтобы смыть отрицательную энергию. Я послушалась совета, только смыть все до конца не удавалось. Раньше я всегда боялась ящериц, и если ящерка забегала в дом, я просила кого-нибудь от нее избавиться. А теперь я брала ее и аккуратно выносила наружу, потому что думала: может быть, ее ищет мама-ящерица.

Когда дома я смотрела на свою прекрасную малышку, моя работа казалась мне еще мрачнее, а казни – еще противнее. С мужем я ничего такого не обсуждала – не хотела тащить домой всякую тоску и гадость. Была ли я крепче, чем плакавшие в туалете женщины-репортеры, над которыми я посмеивалась? Нет, просто продержалась чуть дольше. А теперь стала такой же размазней.

Глава 10. Чуть мрачнее

Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию.

Книга Бытия, 9:6

Все те люди, которых я видел в их последний миг, помогли мне убедиться, что своей работой я не предотвратил ни единого убийства. Высшей мерой наказания, на мой взгляд, ничего не достигается, кроме мести.

Альберт Пирпойнт, британский палач

Когда я начала посещать казни, была твердой сторонницей этой меры, однако ни разу не спросила себя, для чего она нужна. Она существует в Техасе, и я считала ее воздаянием за тех, кто стал жертвой гнусных преступлений. Ни больше ни меньше. Время шло, я знакомилась с заключенными, я видела, как родные убитых реагируют на смерть того, кто убил близкого человека, и мне стало ясно: победителей здесь нет. Я стояла в комнате для свидетелей и думала: «Вот умирает на кушетке осужденный, вот его родные смотрят, как он умирает, вот родные жертвы – им приходится слушать, как плачет мать осужденного. Всем тошно; как же это паршиво…»

Обычно семья заключенного не имеет никакого отношения к его преступлению. Люди как могут воспитывают ребенка, стараются вырастить хорошим человеком, но потом от них уже ничего не зависит, и семья тяжко расплачивается за совершенное сыном, отцом или братом. Да, наверное, некоторые родные жертв получали от казни какое-то удовлетворение, во всяком случае так они говорили. После казни Ориена Сесила Джойнера в 2000 году два родственника убитого им человека отсалютовали друг другу растопыренными пальцами. Сын одной из жертв Бетти Лу Битс, уже за стенами тюрьмы, поднял руку и победно потряс кулаком. После казни Майкла Перри в 2010 году дочь его жертвы сказала: «Мне нужно было посмотреть ему в глаза и понять, правда ли он чудовище, каким я его представляла. Теперь я знаю, что да».

Однако были и такие, как Линда Пернхаген, у которой Деннис Даутхитт убил двоих детей; она призналась, что смотреть на казнь «было бы легче, будь он страшный».

Одни семьи надеялись, что казнь преступника в какой-то степени поможет им забыть горе, другие откровенно признавались, что зрелище казни не принесло им успокоения. А некоторые даже обращались к губернатору с просьбой помиловать преступника. Семья Клэя Петерсона, заколотого в 1993 году в Корпус-Кристи Джонни Мартинесом, просила заменить смертный приговор Мартинесу пожизненным заключением. Джейми Холлис, племянник Роберта Кука, написал его убийце – Лонни Парсли – стихотворение, в котором его прощал:

> Для души пропащей
> Нет беды страшнее,
> Чем уйти из мира,
> Прощенья не зная…

Что касается Томаса Бартлетта Уитакера, то неустанная борьба, которую вел за него отец, увенчалась успехом: в феврале 2018 года, за час до назначенной казни, губернатор Техаса Грег Эбботт подписал ему помилование, – впервые за десять с лишним лет. «За свои преступления я заслуживаю кары, – сказал Уитакер, – но мой отец ничего плохого не сделал».

Родственники убитых часто надеются, хотя и без особой веры, что казнь поставит точку в конце печальной главы. Но правильно ли, что глава тянется так долго? Иногда смертники проводят в тюрьме десятки лет, – поэтому порой можно услышать от родных жертвы: «Слава богу, все кончилось, теперь попробуем жить дальше» – тут очень важно слово «попробуем».

В 1978 году Роберт Ли Пауэлл[31] застрелил в Остине полицейского, а казнили его только в 2010 году. Пока он сидел в тюрьме, были казнены 459 осужденных. Время идет, и представьте себе муки ожидания для семьи его жертвы.

Рэймонд Райлз находится в отделении смертников с 1976 года, Харви Ирвин – с 1977-го, и некоторые люди задаются вопросом: не лишается ли отчасти наказание смысла, когда оно совершается через столько лет после преступления? За время пребывания в отделении смертников Пауэлл из убийцы-наркомана превратился в образцового заключенного, миротворца, учившего своих неграмотных товарищей читать. Близкие его жертвы видели казнь совсем не того человека, который совершил убийство.

Иногда родственникам убитого не нравится, что осужденный имеет возможность проститься с семьей, уладить какие-то дела, в то время как его жертвам такой роскоши не досталось. С другой стороны, близкие осужденного тоже пребывают в муках: они точно знают минуту смерти. Это уже само по себе наказание, и, наверное, именно потому некоторые заключенные пытались покончить с собой, не дожидаясь исполнения – не всякий может вынести, когда над ним висит смертный приговор.

В 2007 году Рой Пиппин, как раз перед тем, как отправиться на казнь, сунул в розетку кусок проволоки и устроил в своей камере пожар, который надзиратели тут же и потушили.

Майклу Джонсону повезло больше. Он покончил с собой в 2006 году, за 16 часов до казни – бритвой вскрыл себе вену. Он написал кровью на стене: «Я этого не делал!» – хотя улики говорили противоположное. Не знаю, боялся ли он кушетки или просто хотел сам распорядиться собственной жизнью, умереть на своих условиях, а не по приказу государства.

Иногда родственники убитых, выходя из комнаты свидетелей, были недовольны, что осужденный не обратил на них внимания или не попросил прощения. Грачук спрашивал: «Вас расстроило, что он не извинился?» Отец или мать жертвы порой отвечали: «Да. Он трус, ему следовало признать свою вину». Другим было все равно. Впрочем, то лишь абстрактные вопросы, – неизвестно, что чувствовали бы эти люди, признай осужденный вину. Некоторые сердились как раз на то, что преступник имел дерзость извиниться, а раньше не извинялся. Кто-то вообще не знал, как расценивать подобные извинения, поскольку возникала дилемма, – простить или рассуждать по-библейски: око за око? Техас – штат очень консервативный, здесь чтят христианскую религию, но даже Библию можно толковать по-разному. Грачук спрашивал: «Вы принимаете извинения, которые он принес, лежа на кушетке?» Мало кто принимал.

Некоторые люди разочаровывались: они пришли и увидели, как тот, кто убил родного им человека, просто засыпает. Никакой крови, боли, криков, – а ведь с его жертвой было совсем иначе. Помню, кто-то из семьи убитого заметил, что с удовольствием полюбовался бы, как преступника забивают камнями. Большинство людей высказывались в том духе, что «все слишком быстро кончилось» или «ему бы помучиться».

Я согласна с Ларри: казни не приносят успокоения, как о том твердят журналисты и широкая публика. Казнь – чистой воды возмездие, но я не могу винить родных жертвы за желание отомстить, – я бы на их месте требовала того же. Видимо, таково назначение казни: пусть родных жертвы не мучит мысль, что

преступник продолжает жить, в то время как дорогой им человек мертв. Вот только скорбь этим не унять.

Получается, казнь, с какой стороны ни посмотри, событие печальное. Печально, что произошло убийство и ни в чем не повинный человек потерял жизнь. Печально, что люди так поступают друг с другом, и печально, что нам приходится стоять и смотреть, как умирает человек. Чему тут вообще можно радоваться? Всем плохо. И это тяжкое зрелище мне приходится видеть снова и снова.

Роль связующего звена с внешним миром становилась все более трудной и мрачной. Меня одолевало уныние. Как любил спрашивать Грачук: «Вы довольны, что пришли?» Кто же будет доволен при таком трагическом раскладе?

Мне не нравилось, что многие люди видят только одну сторону проблемы. Не мое дело было представлять обе стороны, но смертная казнь – единственная животрепещущая тема, на которую я могла рассуждать на основании личного опыта. Всякий раз, когда обнаруживалось, что собеседник имеет по поводу смертной казни определенную точку зрения, я начинала отстаивать противоположную.

Кто-то, например, яростно защищал смертную казнь, говорил, что государство имеет полное право приговорить человека, совершившего страшное преступление, к смерти, а я тут же отвечала: «Ладно, я вас понимаю, но есть и другая сторона вопроса. Как насчет человека, который совершил преступление, когда ему было семнадцать? А теперь он не представляет опасности для общества?»

Я все больше и больше задумывалась о судьбе отдельных осужденных. Леонарда Рохаса казнили за убийство его девушки и брата, с которым, как он подозревал, она ему изменяла. Лично я не стала бы казнить Рохаса, ведь преступление было продиктовано страстью, а не спланировано. Потом еще этот Закон о соучастии, согласно которому человек, нажавший курок, может получить пожизненное заключение, если будет сотрудничать со следствием и выдаст соучастников, а тот, кто курок не нажимал, получит смертный приговор. У меня такое в голове не укладывалось – настоящий произвол.

Люди также часто выражали недовольство по поводу обычая последней трапезы: «Просто безобразие – так с ними церемониться после того, что они натворили». Я в таких случаях спрашивала: «А если бы вашему родственнику вынесли смертный приговор, – вам бы, наверное, хотелось, чтобы он перед казнью порадовался вкусной еде?»

Когда мой собеседник резко выступал против смертной

казни, я могла ответить: «А если бы убили вашу жену? А дети у вас есть? Если бы вашу дочь изнасиловали и зарезали?» Свои аргументы я черпала из известных мне уголовных дел, из реальных фактов. А уголовных дел я знала множество. Будь вы на месте родителей Дженнифер Эртман и Элизабет Пенья, которые больше часа подвергались групповому изнасилованию, а потом Питер Канту затоптал их насмерть, – огорчило бы вас зрелище его казни? Или на месте родителей Кристины Бенджамин, которую Джейсон Массей изнасиловал, изрезал, выпотрошил и обезглавил в 1993-м? (Уже на смертной кушетке он признался, что выбросил голову жертвы с моста в реку Тринити.) Я предлагала собеседнику почитать подробности некоторых дел – не затошнит ли его?

Я постоянно спорила, меня раздражало, что люди высказываются столь категорично о том, о чем понятия не имеют. У них не было знакомых в тюрьме, и тем более в отделении смертников.

Меня вообще злит, когда люди упорствуют насчет проблем, о которых ничего не знают. Если кто-то заявлял, что категорически против абортов, то я думала: «А как должна поступить беременная пятнадцатилетняя девочка, которую изнасиловал психопат?»

Дошло до того, что я стала конфликтовать с одним репортером очень правых взглядов и упертым сторонником смертной казни. Он бесил меня больше, чем все прочие, поскольку журналист должен видеть обе стороны проблемы. Я часто отправляла его смотреть на казнь в комнату, где находилась семья осужденного, однако даже зрелище материнского горя не научило его состраданию.

После ухода Ларри я наблюдала две казни из комнаты инъекционной бригады, – решила, что так нужно. Я много говорила о казнях, а ведь ни разу не видела весь процесс от начала до конца. Начальник тюрьмы привел меня на место в 17:45, через узкий коридорчик, идущий позади камер, в комнату инъекционной бригады. Комнатка была маленькая, в ней стоял столик, а на нем лежали препараты.

На фотографиях камеры смерти можно разглядеть маленькое окошечко в стене, примерно шесть на шесть дюймов – через него и проходят трубки, подсоединенные к иглам, которые вводят в вены. Рядом с окошечком – одностороннее зеркало, а за ним сидят трое или четверо техников – волонтеры из местных жителей, имеющие медицинскую подготовку. Врачей там не бывает, потому что клятва Гиппократа запрещает им «причинять вред».

Из своего удобного наблюдательного пункта я смотрела, как вводят осужденного, как он ложится на кушетку и ему пристегивают руки и ноги. Меня поразила его покорность. Техники протирали ему кожу спиртом, вводили иглы, что-то говорили. Выглядело это очень обыденно, и я представила себе диалог:

– Ну, как вы тут?

– Да так себе. Скоро вот умру.

Посмотреть со стороны – картина как в поликлинике: пациент волнуется, а медсестра ему: «Потерпите, сейчас уколю…»

Потом пустили физраствор, пригласили свидетелей, и началась собственно казнь.

Смертельные препараты вводятся не автоматически, а вручную. Инъекционная бригада – не расстрельная команда, в которой никто не знает, чья пуля оказалась смертельной.

Я видела людей, вводивших препараты, но вообще их мало кто видит. Хотя я проработала там много лет и знала много секретов, понятия не имела, кто исполняет приговор, – пока не попала в комнату инъекционной бригады. Техник ввел препарат из первого шприца, затем из второго, а затем из третьего.

Из комнаты техников я смотрела на казнь только два раза: слишком неприятно видеть, как осужденный без наручников входит в комнату, укладывается на кушетку и безропотно протягивает руки.

Когда я проходила ежегодную медкомиссию, сестра, знавшая меня не один год, спросила про работу. Я сказала, что все отлично, а она заметила: «Вы как-то мрачнее стали, не такая заводная». Я чертовски расстроилась, ведь обычно все видели во мне счастливого и радостного человека. Я всегда гордилась, что никто не замечает, как нелегко мне приходится, и теперь огорчилась: значит, я не так уж хорошо притворяюсь.

У меня противоречивая натура, и многие меня не понимают. Я стараюсь сдерживаться: боюсь, если покажу себя как есть, меня и любить-то будет не за что. Я честная, но скрытная, то есть не рассказываю все, что знаю. Я беззаботная, но могу глубоко рефлексировать. Не люблю, когда меня жалеют, и потому не рассказывала мужу, как плакала всю дорогу после казни. Мне не хотелось, чтобы он предложил «с кем-нибудь это обсудить».

Для меня очень важно было казаться сильной. Моя мама и обе бабушки – все были удивительно сильными, и мне хотелось стать не хуже их. И вот, сидя на собраниях Департамента, я разгребала всякую дрянь, и вдруг глаза у меня начинало щипать. Много раз мне приходилось буквально держать лицо. Хоть картину с меня пиши под названием «Слезы решимости». Я

злилась, но еще сильнее досадовала, потому что моя мама или бабушка никогда и ни из-за чего не стали бы плакать на работе.

Нам с Ларри очень нравилось стоять у тюрьмы «Стены» и смотреть, как выпускают заключенных. Те, кто отсидел полный срок и ничего не остался должен штату, выходили через главную дверь, а выпускаемые условно-досрочно – через боковую, потому что им нужно было оформить кое-какие бумаги.

Они вываливались целой толпой, неся одинаковые мешочки с пожитками.

Мы очень радовались, видя, как бывший заключенный расплывается в широченной улыбке, как бегут через дорогу дети, прыгают отцам в объятия. Или как освобожденный узник нежно обнимает и целует жену или подругу. Меня это сильно трогало, но я все больше и больше жалела освобожденных, которых никто не встречал и которым приходилось смотреть на чужую радость. Они брели к остановке с мешком за плечами и талончиком на автобус. Бог знает, куда такие едут, есть ли у них к кому пойти или они скоро вернутся сюда…

В октябре 2007 года рыбак нашел в заливе Галвестон пластиковый ящик, в котором лежало тело маленькой девочки. Из-за повреждений опознать ребенка было невозможно; СМИ прозвали девочку «Маленькая Грейс». В следующем месяце полиция арестовала Кимберли Энн Тренор и ее мужа Ройса Клайда Зиглера из города Спринг, Техас. Девочка оказалась дочерью Тренор и падчерицей Зиглера, ее звали Райли Энн Сойерс. Во время допроса Тренор рассказала, как она и Зиглер избивали ребенка ремнем и топили в ванне, а потом Зиглер вытащил девочку за волосы и швырнул об пол так, что разбил ей голову. Труп девочки супруги спрятали в гараже, а через два месяца выбросили с моста.

Моя дочь была примерно одного возраста с Райли Энн, у нее такие же прекрасные светлые волосы. Я все не могла выкинуть из головы картину, как Райли Энн хватают за волосы и швыряют на пол. Я читала статью у себя в кабинете и рыдала. И снова читала. Я ужасалась, но и не читать не могла. Эта история поразила меня в самое сердце. Та женщина, родом из Огайо, уехала с девочкой в другой штат, чтобы досадить ее биологическому отцу, а здесь мерзавец, за которого она вышла замуж, забил ребенка насмерть. То был один из редких случаев, когда я горячо желала для преступника смертной казни.

Меня всегда смущало, что, если дело касается высшей меры, с женщинами все обстоит иначе, чем с мужчинами. Женщины совершают отвратительнейшие преступления, часто против

собственных детей, но их не казнят.

В Бомонте бывшая тюремная надзирательница Кениша Берри убила одного из своих детей и пыталась убить другого. Она заклеила сыну – четырех дней от роду – липкой лентой рот, положила его в мешок и выбросила в мусорный бак, когда мальчик был еще жив. Несколько лет спустя в придорожной канаве нашли новорожденную девочку, искусанную огненными муравьями; она выжила.

Берри приговорили к смерти, однако потом решение изменили – на основании того, что обвинение не доказало опасность Берри для общества: она, мол, опасна только для своих детей. Получается, женщинам нужно равенство, – когда дело не касается смертной казни.

Моя лучшая подруга работала в приемной окружного прокурора в Галвестоне, и я у нее поинтересовалась, будут ли требовать для Тренор смертного приговора. Она ответила отрицательно, и я сильно расстроилась. Я просто не могла понять почему. Однако обвинение решило, что присяжные вряд ли вынесут смертный приговор. Как паршиво…

Мне в голову стали приходить всякие дикие мысли. Я думала, смогу ли как-нибудь добраться до преступницы? Я работала в тюремной системе, значит, могла бы найти способ. Не то чтобы я вынашивала конкретный план, просто фантазировала, но все равно это было ненормально. Я понимала: справедливости здесь не дождаться. И оказалась права. В 2009 году Тренор приговорили к пожизненному заключению с возможностью условно-досрочного освобождения через 38 лет. Присяжные рыдали. Зиглер получил пожизненное без возможности освобождения. Для него тоже не требовали смертной казни. В ожидании суда Тренор родила еще одного ребенка.

Я долго не могла разобраться в себе, лишь со временем стала кое-что понимать. В 2008 году я развелась. Дочери тогда исполнилось три года. Мой муж хороший человек, отличный отец, но мы с ним оказались несовместимы. К моей работе это не имело отношения, просто закон притяжения противоположностей перестал действовать. Я ни о чем не жалею, ведь у нас прекрасная дочь, которой не было бы без этого брака, и я благодарю Бога за каждый ее день.

Глава 11. Украденное время

Администрация [Департамента] совершает интеллектуальный инцест. Все они живут в маленьком городке, учатся в том же самом колледже в Хантсвилле и страшатся новых идей. Никогда еще не работал в таком странном месте.

Джон Херт, бывший пресс-представитель Департамента

Главные ценности техасского Департамента уголовного судопроизводства – смелость, стойкость, честность, преданность делу.

Цитата с веб-сайта Департамента

При исполнительном директоре Брэде Ливингстоне в Департаменте нарастала атмосфера секретности и перестраховки. Много лет я старалась работать так, как учил Ларри, а теперь гласность вышла из моды. Брэда, бухгалтера по профессии, прозвали «Счетоводом». Всех удивляло, что он управляет тюремной системой, ведь он специалист совсем в другой области.

Прежние директора позволяли нам спокойно выполнять наши обязанности, но у Брэда был девиз: «Лучшая новость – никаких новостей», и это сильно затрудняло мою работу. Он не понимал, как следует обращаться со СМИ, поскольку не имел никакого опыта в журналистике, а моим мнением не интересовался. Поговаривали, что Ливингстон и его заместитель Брайан Коллиер руководствовались указаниями хьюстонского сенатора Джона Уитмайра.

Когда Лоуренсу Брюэру (участвовавшему в убийстве Джеймса Берда) назначили в 2011 году дату исполнения, он заказал такой последний обед, что хватило бы на десятерых. Осужденные обычно делают заказ за две недели, но в последний день некоторые так волнуются, что вообще не могут есть. Так случилось и теперь. Когда начальник тюрьмы спросил Брюэра,

хочет ли он есть, тот заявил: «Знаете, я, кажется, не смогу». Начальник все же пообещал, что немного еды принесут, – на случай, если Брюэр передумает, – и тем дело и кончилось.

На следующий день сенатор Уитмайр узнал о заказе Брюэра и рассвирепел. По его мнению, Брюэр таким образом решил напоследок подпакостить тюремной администрации. Ничего подобного не было: всякий, кто видел Брюэра, понял бы, что тот просто перенервничал. Сенатор даже не понимал, что просьба заключенного – всего лишь просьба. Осужденный волен просить какой угодно обед, – ему не обязательно все принесут, – ведь Оделл Барнс не получил справедливости, равенства и мира во всем мире.

Уитмайра возмутило, что к злодею проявили сочувствие; он потребовал отменить обычай последней трапезы. Любой из прежних директоров Департамента поблагодарил бы сенатора за участие, но традицию продолжал бы соблюдать. А вот Ливингстон сразу уступил. На следующий день после казни Брюэра эту привилегию отменили, и до сих пор смертники в день казни едят то же самое, что и другие заключенные.

В дни, когда в тюрьме устраивают обыск на предмет контрабанды, а такое происходит несколько раз в году, смертник может рассчитывать только на бутерброд с арахисом и яблоко, потому что из камер не выпускают никого, в том числе и заключенных, работающих в кухне.

Обычай последней трапезы я рассматривала как дань гуманности, как хорошую и правильную традицию. Да, Брюэр совершил страшное преступление, но ведь этой традиции десятки лет, и потом, некоторые осужденные составляли куда более внушительные, сложные и немыслимые меню. А теперь из-за такой бурной реакции сенатора, даже не знавшего, что именно приготовили Брюэру, и нежелания начальства посоветоваться с нами, людьми опытными, обычай последней трапезы отменен, и осужденный, перед тем как лечь на смертную кушетку, не может рассчитывать даже на чизбургер.

Не знаю, как в 1924 году пообедал Чарльз Рейнольдс перед казнью на электрическом стуле, но не удивлюсь, если он съел что-то повкуснее, чем плохонький бутерброд и половинка яблока. Однако гораздо больше меня расстроила податливость Ливингстона. Она показала, что Департамент зависит от милости людей, ничего не понимающих в тюремной системе.

Я иногда думаю о том, как бы с новым руководством уживался Ларри. Вряд ли его долго бы терпели, поскольку работа с журналистами стала не в чести, да и людям с независимым характером в Департаменте теперь нет места. Некоторое время я

по молодости со всем этим мирилась, хотя кое-что нелегко было проглотить.

Департамент все более ревностно относился к отбору того, что именно можно обнародовать, и я постоянно спорила с руководством, не только с директорами, но и главным юристом. Техасский Закон об открытых отчетах предписывает предоставлять информацию по первому требованию, а теперь начальство его игнорировало и тянуло с передачей до последнего момента. Я никак не могла понять, для чего им подобные игры. Журналисты просят сведения, которые у нас есть, – так почему им не дать? Мне говорили, что эта информация не для обнародования, а я отвечала, что у нас практически вся информация – как раз для обнародования. Попасть к нам тоже стало проблемой. Серьезная телекомпания из Сан-Антонио собралась снимать фильм в формате HD о заключенных-смертниках, а директор запретил их впускать. Я билась изо всех сил, но только разозлила его: он решил, что я по другую сторону баррикад. Мне явно не хватало уступчивости, и постоянные столкновения с начальством начали меня угнетать.

В Шугар-Ленде – это быстро растущий пригород Хьюстона – была тюрьма. Она располагалась на участке, который теперь стоит миллионы долларов, а город захотел расширить за счет участка аэропорт. Тайны из проекта не делали, в аэропорту даже стоял макет будущей конструкции. После лоббирования законодательное собрание Техаса приняло решение; Департамент получил указание закрыть тюрьму в 2011 году. В ответ на вопросы журналистов, почему закрывается тюрьма, я отвечала, что земля очень дорогая, что городу необходимо расширить аэропорт и право на участок пролоббировано в законодательном собрании. Уитмайр пошел вразнос: стал звонить Брайану Коллиеру, чтобы тот приказал мне сообщать журналистам не факты, а выгодные ему байки. В частности, мне велели говорить, что тюрьму закрывают, поскольку тюремные реформы, проведенные Уитмайром, снизили количество заключенных и она стала не нужна. Да, я так понимаю, что пролоббированное решение и закрытие тюрьмы – чистое совпадение. Ладно, думала я, заключенных стало меньше, – и потому мы смогли распределить здешних заключенных по другим тюрьмам штата, но ведь тюрьма закрывается по другой причине. В штате полно тюрем разной степени ветхости, которые следовало бы закрыть в первую очередь. Версия, предложенная Уитмайром, не соответствовала действительности, и я отказалась ее перепевать. Репортеры меня уважали, потому что я всегда была честна и давала им точные сведения, как это делал и Ларри, и ставить на

карту свою репутацию с такой грандиозной ложью я не собиралась. Я уходила от ответа, говорила что-то вроде «еще не все вопросы решены».

И с той поры все пошло под откос.

> Некоторые пресс-представители только и делают, что занимают круговую оборону и препятствуют свободному выходу информации, но Лайонс прилагает все усилия, чтобы репортер, пишущий о таком значительном и сложном учреждении, как Департамент уголовного судопроизводства, получил точную информацию, причем получил как можно скорее. Она энергична, терпелива, находчива, и с ней не чувствуешь себя идиотом, если задаешь не очень умный вопрос. Она доводит дело до конца».
>
> *«Хьюстон пресс» о Мишель Лайонс – лучшем пресс-представителе 2009 года*

В ноябре 2011 года мне объявили, что проводится расследование по поводу подделки мной своего табеля. Мое начальство считало, что я ставлю себе рабочие часы, когда меня нет в офисе. Ларри нанимал меня как сотрудника с ненормированным рабочим днем, а это означает, что отрабатываешь не менее определенного количества часов в неделю и получаешь фиксированную зарплату, пусть даже ты втрое переработал. В день казни или, например, побега мне приходилось работать по четырнадцать часов, а в обычный день я могла уйти и пораньше. Теперь же стали проверять мои табели, и если обнаруживали, что я закончила работу на пятнадцать минут раньше, эти минуты считали неотработанным временем. Я возмущалась, поскольку такое противозаконно, ведь рабочий день у меня ненормированный, однако расследование продолжили и, не сообщив мне о результатах, провели разбор дела. Меня признали виновной, отстранили на пять дней, дали испытательный срок и понизили в должности. Прогонять меня совсем начальники не хотели, ведь, хотя моя откровенность ставила их в неудобное положение, они знали, что работник я хороший и репортеры меня уважают.

Обычно, когда от кого-то хотели избавиться, его переводили на какую-нибудь бесполезную должность, причем платили столько же, дожидаясь, пока человек сам уволится. А я делала прежнюю работу, но получала на 12 000 долларов меньше. Почему зарплату снизили только мне? Я поговорила со знакомым адвокатом из Хантсвилла, и он помог мне заполнить заявку на

открытый отчет. Помимо всех документов следствия по моему делу, я попросила предоставить кое-какие данные, о существовании которых узнала случайно. Начальники обсуждали меня, используя служебные смартфоны с функцией PIN-to-PIN, то есть их текстовые сообщения нигде не фиксировались. Я ненароком увидела одно такое сообщение, бывшее частью цепочки, но мне не показали остальные, что является нарушением Закона об открытых отчетах.

Я пошла к Брайану Коллиеру, заместителю исполнительного директора, делавшему за Брэда Ливингстона всю грязную работу. Коллиер сказал мне буквально следующее: «Нужно было вас просто уволить». Я ответила: «Ну вот, не уволили, что ж теперь». Меня переселили в другой кабинет, где водились крылатые тараканы и пчелы. Я сидела там часы напролет, внимательно отслеживая падающих с потолка насекомых, и бездельничала, потому что мне даже звонки не переводили.

Я понимала: моя карьера в тюремной системе окончена. Тем не менее мне по-прежнему полагалось смотреть, как умирают люди. Мне очень нравился Джордж Ривас, и я не хотела видеть его казнь. Был ли он хорошим человеком? Нет, он убил полицейского. Правильно ли, что я хорошо к нему относилась? Нет, наверное. Однако я знала его долгие годы как умного и интересного человека. Да и потом, пусть бы казнили хоть самого дьявола, – мне все равно не захотелось бы смотреть. Когда я поднималась по тюремному крыльцу, мне казалось, что туфли у меня подбиты свинцом. Наверное, я сама напоминала осужденного, который, едва волоча ноги, тащится к смертной кушетке.

Лет десять назад я, наверное, сравнила бы Риваса в дневнике с кем-нибудь из моих знакомых, настрочила бы статью и побежала бы в бар. Теперь мой щит стал уже не так крепок, и вместо этого я просто плакала у себя в машине.

Меня отлучили от заседаний и слушаний, поскольку Уитмайр заявил, будто на одном из собраний я демонстрировала безразличие и жевала резинку.

Позже один репортер ему сказал, что на том заседании меня вообще не было, и Уитмайр признал, что с кем-то меня спутал. Эта травля иногда превращалась в фарс, причем провально поставленный.

Однажды я переложила кое-какие свои пресс-релизы из общей папки в личную, поскольку не хотела, чтобы Джейсон Кларк, мой бывший подчиненный, который теперь пытался занять мою должность, прибрал к рукам еще и все мои статьи. Если мы исполняем одинаковые обязанности за одинаковую плату,

рассудила я, то он вполне может писать собственные пресс-релизы. Как только Кларк увидел, что больше не имеет свободного доступа к моим документам, тут же пожаловался Коллиеру, и тот устроил еще одно дисциплинарное слушание, во время которого у меня конфисковали компьютер. Кончилось очередным обвинением, на этот раз в «неправомерных действиях». Чиновник, назначенный вести мое дело, сказал мне: «Никогда еще не занимался такой ерундой».

И все же меня признали виновной, – ведь начальство заранее планировало расправу. Пришла пора забрать пожитки из моего старого кабинета, и я унесла все, накопившееся там за время работы в Департаменте: книги, поделки заключенных и мои записи о казнях, включая и те, что я делала в качестве репортера «Хантсвилл айтем». На следующий же день мне позвонил Коллиер и потребовал вернуть документы. Я отказалась, объяснив, что многие из них остались еще от моей репортерской работы – сообщения для газет и мои собственные заметки. Коллиер пригрозил вызвать полицию и обвинить меня в краже. Я сказала: «Делайте как хотите» и повесила трубку. Позвонила старшему инспектору Департамента и объяснила ситуацию. Он ответил, что Коллиер имеет право требовать документы, однако сделал мне послабление: разрешил вернуть их ближе к вечеру. Я скопировала все свои заметки до последней, – они легли в основу этой книги.

После того как у меня изъяли компьютер, меня перевели в другое подразделение, где в мои обязанности входило передавать ученым и студентам информацию, которую они запрашивали для исследований. Начальницу я сразу предупредила: «Я буду работать по-своему, не ориентируясь на то, как вы это делали раньше. Буду просто выполнять свои обязанности». Она поняла.

Когда я перешла на новую должность, мне стали звонить женщины, которые не могли навещать в тюрьме сыновей или мужей, потому что те отбывали срок очень далеко от дома. Поскольку в тюремной системе у меня осталось много знакомых, то я использовала кое-какие связи и добивалась перевода некоторых заключенных. Это, конечно, делалось неофициально.

Департамент считал, что репортеров я отныне должна игнорировать, однако я и не подумала. Я одиннадцать лет налаживала с ними отношения и не собиралась теперь притворяться, будто их не существует. Мне приходилось отправлять их к Джейсону Кларку – человеку, которого я взяла на работу и который занял мое место. Горькая пилюля.

Последней каплей стало письмо от блогера, работавшего охранником в одной из наших тюрем. Мне всегда запрещали ему

отвечать, поскольку он не журналист. Я же рассудила, что теперь век Интернета, и этот человек – из наших, и раз уж я работаю в отделе внешней информации, значит, должна предоставить ему информацию, если он попросил. В своем письме, копию которого он отослал Уитмайру, блогер возмущался, что я проигнорировала его последний запрос. В ответном письме я сообщила ему о своих обстоятельствах и тоже отправила копию Уитмайру. Не прошло и часа, как меня лишили доступа к компьютеру и обвинили в невыполнении приказов начальства.

Преступление мое состояло в том, что я продолжала общаться с журналистами, хотя мне и запретили. Я напомнила, что этого блогера журналистом не считали, но мне уже просто хотели помотать нервы. Я обратилась к одной женщине из отдела кадров, и она сказала: «Вы сами знаете, чем это кончится». Ясно, что меня собрались уволить. Требовалось срочно найти другую работу и уволиться самой. Я написала заявление и, дождавшись, пока начальница уедет по делам, сунула ей под дверь. Вот так я уволилась.

> Мишель Лайонс была последним оплотом гласности в этой конторе, живущей и действующей по законам Средневековья. Ее уход – большой удар для учреждения, у которого теперь мало шансов остаться честным и сохранить доверие людей.
>
> *Цитата с веб-сайта «Бэкгейт»,10 мая 2012 года*

В Департаменте было всего несколько человек, к которым я не испытывала уважения, однако никто там не пожелал вступиться за меня и стать мишенью для нападок. Я близко общалась с одной женщиной из канцелярии губернатора и спросила у нее: «Можно ли все как-нибудь прекратить?» Она не пожелала связываться. Несколько работников Департамента, которых я считала друзьями, тоже не захотели, и кое-кто даже удалил меня из «друзей» и заблокировал на «Фейсбуке».

То, как поступил со мной Департамент, меня просто убило, – это была худшая беда в моей жизни. Конечно, ее не сравнить со смертью близкого человека или друга, здесь горе иного рода…

Я очень старалась делать так, как учил Ларри, да и присутствие на казнях не прошло даром. Я приняла на себя множество ударов, адресованных Департаменту. Когда Уитмайр вышел на тропу войны, я обещала Ливингстону написать пресс-релиз, где все будет высказано от моего имени, чтобы Уитмайр на него не злился.

Как-то раз Ливингстон сказал: «Не представляю, как вы там

работаете… а вот я никогда не мог смотреть, как казнят». Однако он без всяких колебаний посылал меня туда снова и снова и даже ни разу не спросил, каково мне приходится. Я для него ничего не значила. У него даже пороху не хватило просто сесть рядом со мной и объяснить, что происходит. Нет, он взвалил все на своего цепного пса Коллиера, устроил этот фарс и выставил меня жуликоватой особой, которая подделывает табели. Ларри взял меня на работу, чтобы я обеспечивала гласность, я много лет старалась, как могла, помогать репортерам, а теперь меня как раз за это и наказывали.

Знаете, что мне заявили во время первого служебного расследования? Что я «краду время у государства».

Да вы издеваетесь?!

Вот у меня как раз украли уйму времени: побеги, казни, разные кризисные ситуации требовали многих часов работы, но самое главное – у меня украли душевное спокойствие. Я же украла только степлер, когда уходила. И черта с два они получат его обратно, даже если будут умолять.

Я начала работать еще во время учебы в колледже, и стаж у меня непрерывный. Я не путешествовала по Европе, не устраивала себе длительного отдыха. Все, что я делала, став взрослой, – трудилась. И теперь не знала, чем заполнить время. А каково еще при этом быть в расстройстве и депрессии?

В 2011 году я снова вышла замуж, и поскольку в семье я была главным добытчиком, то ломала голову, как заработать денег, чтобы сохранить дом и машину и оплачивать счета. Мой муж и близкие негодовали на тюремную систему, и мне помогала их поддержка, хотя сделать они ничего не могли.

Уволилась я летом 2012 года и, помню, лежа у бассейна с дочерью, плакала, спрятав глаза под темными очками. Нервы у меня совершенно расшатались.

Я всегда быстро оправлялась после ударов. По натуре я человек уверенный в себе, но тут был исключительный случай. Мне стали не по силам совсем простые вещи. Я не могла навести порядок в голове, разобраться в своей жизни. У меня путались мысли. Мне хотелось замкнуться в себе, от всех огородиться, и в то же время хотелось, чтобы люди поняли: мне нужна помощь!

Я очень тесно связывала себя с работой, а теперь – если я не пресс-представитель тюремной системы, то кто я? А может, я не такой хороший работник, каким себя считала? Я не знала, куда идти, что делать, – это просто была не я.

Все государственные организации меня отвергали, а ведь не так уж много структур, где требуется специалист по контактам со СМИ в кризисных ситуациях. Одиннадцать лет я рассказывала

людям о винтиках и болтиках тюремной системы, о том, чего в других сферах не происходит: о бунте в Минерал-Уэллс; о побеге заключенных, которые угнали грузовик и застрелили конного полицейского в Хантсвилле; о насильнике, взявшем под прицел своих конвоиров; о приговоренном к смерти, у которого в камере нашли 25 бутылок хуча; о заключенном, державшем в коробочке прирученную мышь; о многочисленных попытках самоубийства в тюрьмах по всему штату, иногда удачных; об эпидемиях свинки, гриппа и прочих болезней; о заключенных, которые мазались собственными фекалиями или старались брызнуть мочой или спермой охраннику в лицо; о заключенных, прятавших в заднем проходе сотовые телефоны; о заключенных, пытавшихся получить яд из пауков… боже мой! У меня такая узкая специальность, и спрос на нее маленький. В свободном мире мало кто станет прятать в заднем проходе телефон, а если найдется человек, добывающий яд из паука, то о нем просто нужно сообщить куда следует. Положение у меня было, как у того пирата из песни Джимми Баффетта, который жалуется, что в наше время на его специальность спроса нет.

Больше всего я боялась, что о моем существовании просто забудут. Похожее чувство я пережила в юности, когда меня быстро забыл мой первый бойфренд, только теперь было несравнимо хуже. Если происходит разрыв, вы грустите и расстраиваетесь, но, разводясь с первым мужем, я не собиралась оставаться одна до конца жизни. А когда ушла из Департамента, то думала: «Никогда я больше не найду такую работу, как мне хочется. Никогда. До конца моих дней». Я уйму времени отнимала от семейных дел, смотрела на все эти казни, занималась всякой ерундой и теперь была уверена: и репортеры, и руководство, и коллеги по Департаменту позабудут обо мне, как только за мной закроется дверь. Я боялась уподобиться заброшенной могиле, поросшей сорняком.

Мой муж уверял, что такого не случится, и оказался прав. Многие из журналистов, с которыми я работала все эти годы, стали обо мне писать. В свое время я старалась для них как могла, и в трудную минуту они отплатили мне тем же. Мне до сих пор иногда звонят репортеры и говорят, что от Джейсона Кларка нет никакого проку. Мне от этого легче, – может, я все-таки не такая уж никудышная, как мне казалось?

Еще мне позвонил новый пресс-представитель Департамента Джон Херт и пожаловался на большие затруднения. У него голова шла кругом: он не мог понять, почему должен отвечать репортерам по электронной почте (а они этого терпеть не могут). Его поражало отсутствие гласности; ему настоятельно

рекомендовали не разговаривать с журналистами и в ярость приходили, если он не подчинялся. А когда он публично подверг критике позицию Департамента, я почувствовала себя отомщенной. Теперь все знали: я не озлобленная из-за увольнения неудачница, – вот есть человек, у которого за спиной долгие годы работы в Департаменте транспорта, и он тоже говорит, что в Департаменте уголовного судопроизводства серьезные проблемы. Когда же я прочла строки об интеллектуальном инцесте, то расхохоталась: лучше и не скажешь!

В тюремной системе работали хорошие руководители и администраторы, и я их очень уважала, но попадались и такие, которым там вообще не место, в том числе Ливингстон и Коллиер. Хантсвилл – город маленький, и люди в руководстве Департамента знали друг друга уже многие годы. Они вместе учились в Университете Сэма Хьюстона, изучали уголовное судопроизводство, они вместе работали в тюремной охране, поднимались по служебной лестнице – благодаря взаимной протекции. То была система, в которой старые приятели держались вместе, и в ней образовался застой, поскольку они не желали ничего и никого нового. Они стали замкнутыми, обособленными и боязливыми.

Сражаться с такой огромной структурой, как Департамент, – неприятно, страшно и не для слабосильных, однако я не могла поступить иначе. Ливингстон любил повторять: «Это вам не спринт, это марафон». А теперь я сама стала так говорить. Департамент выиграл все предыдущие сражения, а я собралась выиграть войну. Я была верна этим людям, а они меня предали. Я знала, что правда на моей стороне, и не могла позволить им остаться победителями. То было дело принципа.

Адвоката мне порекомендовала репортер из «Хантсвилл кроникл», моя приятельница, очень хорошая и дотошная журналистка, шокированная тем, как со мной обошлись.

Пока мой адвокат занимался делом, в основу которого легло обвинение в гендерной дискриминации, я устроилась на работу в израильское консульство в Хьюстоне.

Я была дискредитирована и думала, что, пока тянется мое судебное дело против бывшего работодателя, меня станут за милю обходить. Израильтян все это не интересовало, и потому у них я чувствовала себя прекрасно. Я, словно Шалтай Болтай, упала и разлетелась на тысячу кусочков, а они меня подобрали и помогли вновь стать единым целым. Очень быстро я ощутила себя членом большой, шумной, веселой семьи, которую искренне полюбила.

Мне, однако, жилось нелегко. Зарабатывала я вдвое меньше, чем в Департаменте, и скоро рассталась со своей большой спортивной машиной: не хватало денег на бензин. Пришлось бы расстаться и с домом, но мне выплатили 8000 долларов пособия по безработице – за то время, что я не могла устроиться.

В августе 2013 года судья федерального суда в Хьюстоне, который всегда принимал сторону тюремной системы, отказал мне в иске. Теперь можно было либо отступить, либо обратиться в федеральный апелляционный суд. И мы встали, отряхнулись и пошли воевать дальше: написали в апелляционный суд пятого округа США в Новом Орлеане.

Дело тянулось два года: мне пришлось снова и снова повторять одно и то же, в том числе и во время дачи показаний, которая заняла восемь часов, причем ответчики – четыре или пять представителей Генеральной прокуратуры Техаса – все время сидели напротив меня и моего адвоката. Я даже отправилась в Остин, на дачу показаний Джейсона Кларка. «Раз уж ты будешь лгать, давай-ка, лги мне в глаза», – подумала я. И все время смотрела на него, чтобы ему стало неловко, и всякий раз, как он начинал говорить, я демонстративно строчила в блокноте и шепталась с адвокатом. Нам просто хотелось слегка потрясти этого мелкого проныру, и, судя по его виду, удалось.

Мои начальники надеялись, что я подожму хвост и уйду, но, как показала вся эта история, я куда сильнее, чем считала сама. Одиннадцать лет я проработала на Департамент, а там даже не знали, что я за человек. Неужели думали, я просто дам себя подмять? Так пусть теперь не удивляются.

Все это время мне звонили и писали работники Департамента, с которыми там обошлись так же, как со мной, и спрашивали, как им бороться. Выходило, что я сражаюсь и за них тоже.

Апелляционный суд счел неправильными действия первого судьи, не представившего показаний Ларри, где подтверждалось, что я заполняла свой табель именно так, как требовал он. Суд признал, что Джейсон Кларк заполнял свои табели точно так же, как и я, а значит, я подверглась дискриминации. Джейсон получил повышение, а я осталась у разбитого корыта и прятала слезы за темными очками.

Видимо, в Генеральной прокуратуре посоветовали Департаменту не тратить зря в суде деньги налогоплательщиков, потому что Департамент вдруг согласился выплатить мне компенсацию. Я победила и была счастлива.

На примирительных переговорах юрист Генеральной прокуратуры сказал, что не следовало заводить дело так далеко и

что со мной нехорошо поступили, и все это – из-за моих разногласий с сенатором.

И вот вопрос улажен, деньги выплачены, и настал мой час. «Теперь – вперед, не молчи», – сказала я себе. Если какой-нибудь репортер или блогер интересовались произошедшим, я не жалела подробностей, поскольку многие были на моей стороне. Я требовала принять меры к Ливингстону и Коллиеру и провести расследование в отношении Джейсона Кларка по поводу лжесвидетельства, ведь он под присягой дал ложные показания о том, как учитывает свое рабочее время; еще я предупредила журналистов, чтобы с осторожностью использовали полученную от него информацию. Я приходила в восторг от мысли, что Департаменту придется проглотить эту пилюлю.

Департамент опубликовал заявление, в котором назвал мои обвинения необоснованными. Однако апелляционный суд уже все расставил по местам. Я не боялась показаться озлобленной. Я такая и была – я злилась на этих чертовых лгунов. И потом, налогоплательщики имели право знать подробности – ведь именно их деньгами Департамент выплатил мне возмещение. Через несколько лет знакомый судья, имевший связи в службе генерального инспектора, рассказал мне, что Департамент сфабриковал против меня целое дело – в угоду сенатору Уитмайру. Еще я узнала, что Джейсону Кларку платят за такую же, как у меня, работу на 21 000 долларов больше. Знай мы об этом раньше, ободрали бы Департамент как липку.

> Вот вам поговорка, с которой жить становится легче: «Счастье – это не когда ты получаешь, что хочешь, а когда тебе хочется того, что ты получаешь».

Письмо Рэнди Арройо Мишель, 17 июля 2002 года

Приговор Арройо был исполнен в 2005 году.

Глава 12. Все вывалилось

Я служу обществу… и общество в лице своих представителей – журналистов – должно знать, что все элементы каждой казни выполняются правильно и добросовестно.

Джеймс Берри, британский палач. 1892 год

Дело это было тайное, отвратительное и позорное, – участники его не могли показывать лица или просто смотреть друг другу в глаза… Я одно понял: смерти не нужны заступники. Идти к ней на службу – лишнее.

Кристофер Хитченс. Записи о казни. 1998 год

Потеря работы в Департаменте была худшим в моей жизни разрывом. Однако если бы меня не выжили, я, возможно, до сих пор там бы и сидела, связанная этими ненужными отношениями. И сколько казней я успела бы увидеть? Триста сорок? Триста пятьдесят? И твердила бы себе, что таково уж мое назначение – смотреть, как умирают на кушетке люди.

Когда я терпела расследования в Департаменте, когда была разжалована и ждала увольнения, то молилась, чтобы все это кончилось. Я думала: «Наверное, Бог меня не любит, иначе почему он такое позволяет? Он знает, что эти люди со мной нечестны, знает, что они лгут, так почему он все не прекратит?» Но порой Господь толкает нас в том направлении, куда мы сами не пошли бы, и для того делает нам плохо.

Так, видно, и следовало; я была слишком напугана, упряма и предана делу, чтобы бросить его по собственной воле. Я там застоялась, я почти сдружилась с некоторыми заключенными. Оглядываясь назад, не могу сказать, что мне было хорошо, просто жизнь двигалась по накатанной колее. Я не желала освобождения, за пределами тюрьмы мне все казалось чужим и вселяло страх.

Судя по дневнику, в котором я вела записи о казнях, не так

уж и хорошо все шло, а со временем становилось хуже. Однако хотя всякие колючие соломинки попадались часто, я и не думала, что со временем их наберется целый стог и обрушится мне на голову.

Неприятно признавать, но Департамент оказал мне услугу. Иногда, правда, я все еще размышляю о несправедливости, – ведь я делала такую трудную работу, навсегда наложившую на меня отпечаток, – а эти люди пытались испортить мне репутацию и остались без наказания.

Первое время после ухода из тюремной системы я думала – не виновата ли отчасти и я? Может, нужно было помалкивать и ходить по струнке? В конце концов сказала себе: «Да к черту! Это – не мое. Со мной поступили нечестно, и я отстояла свои права». Постепенно горечь растворилась.

Как сказал однажды Роберт Коулсон: «Вы приносите свет в отделение смертников». Может, в том и состояло мое назначение: чуть-чуть скрасить жизнь некоторым заключенным – и идти дальше.

Я скучаю по своей работе – такой, какой она была в самом начале; скучаю по Ларри, по общению с журналистами, по визитам в тюрьмы; скучаю по разговорам с работниками тюрем, с начальниками и даже с заключенными. Вот только по казням не скучаю вообще.

Некоторые считают, что я лишь получила свое, потому что была частью государственной машины убийства. Кое-кто высказывался весьма едко, только меня это не задевало. В «Хантсвилл айтем» опубликовали письмо, автор которого называл меня «марионеткой Департамента». Я подумала: «Не самая лестная характеристика, ну так мне ведь за это и платили». Однако по большей части люди сочувствовали, видя во мне человека, который трудился на главного работодателя в городке, где других возможностей не так уж много. Правда, возможностей оказалось больше, чем я думала, просто я их не сразу разглядела. И потом, я все делала правильно. Я не лгала, хотя и всего не рассказывала. Я просто служила рупором Департамента. И чем больше проходило времени, тем больше я понимала, что с работой справлялась хорошо.

Я продолжала общаться с Ларри, который никогда не поздравлял с Рождеством или днем рождения, зато непременно звонил или писал в День святого Патрика, в день рождения Дороти Паркер и в день отмены сухого закона. И, думаю, нет ни одного репортера, и не только в Техасе, с которым я не поддерживала бы контактов. Некоторые делятся проблемами, возникающими у них в связи с Департаментом – в его

теперешнем, лишенном гласности, состоянии. Прошло пять лет после моего ухода, но меня продолжают отыскивать новые репортеры – по совету своих предшественников или даже заключенных, – чтобы добыть нужные сведения, потому что от человека, занявшего мое место и получающего на двадцать одну тысячу больше, толку никакого.

Многие из этих криминальных репортеров – люди острые как бритва. Ларри часто говорил: «Когда Майк Уорд из “Остин Американ-стейтсмен” о чем-то спрашивает, значит, он уже знает ответ. Если он спросит тебя о новой политике, а ты скажешь, что таковой нет, он ее сам откуда угодно достанет. Поэтому никогда не пытайся с ним лукавить». Однако новые кадры боялись сказать что-нибудь не то и вообще перестали говорить. В статьях теперь часто можно прочитать примечание: «Как написал в электронном письме пресс-представитель Департамента…» Такая маленькая шпилька в адрес системы, чтобы показать читателям: я, мол, пытался с ними поговорить, но они не изволили.

Еще Департамент придумал новое правило: присутствовать на казни могут только репортеры из того населенного пункта, где совершилось преступление. Когда я начинала там работать, мы вели список очередности, и репортеры со всего штата дрались за место в комнате свидетелей. Потом бюджетные ограничения привели к тому, что газеты не посылали местных репортеров и полагались на сообщения Грачука в Ассошиэйтед пресс. Было даже несколько случаев, когда в «Хантсвилл айтем» прозевали казнь, и я страшно злилась. У них в городе казнят человека, и такое событие, по их мнению, незачем освещать! Что еще такого важного могло произойти в тот день в Хантсвилле, чтобы отодвинуть на задний план исполнение смертного приговора? Зато теперь, даже если захочешь пойти, тебя могут не впустить. Один журналист мне рассказал, как попросился присутствовать, а его обвинили в «нездоровом любопытстве» и ни в одну тюрьму не пустили. А ведь он писал книгу о смертной казни и просил о содействии, но Департамент это не интересовало. Такое отношение идет вразрез со всем, чему учил меня Ларри, и потому весьма огорчительно.

Нам было важно, чтобы места в комнате для свидетелей не пустовали и мы не отгораживались от людей, поскольку ничего не скрывали. О чем-то приходилось умалчивать, но мы искренне старались помочь. Департамент – учреждение, которое содержится на деньги штата, там исполняются смертные приговоры, вынесенные государственным судом, – и вот, по мнению его руководителей, у людей нет права знать, что делается в камере смерти. Пол Уотлер, член правления техасского Фонда

свободы информации, сказал: «Такое положение, когда места для прессы пустуют, поскольку Департамент порой не желает принимать сотрудников аккредитованных новостных агентств, противоречит общественным интересам и никак не соответствует принципам гласности».

Решение Департамента ограничить присутствие свидетелей продиктовано неудачно проведенными казнями в Огайо, Оклахоме и Аризоне в 2014 году. В Оклахоме осужденный по имени Клейтон Локетт получил инъекцию непротестированного препарата и умирал на кушетке в течение 45 минут. Потом определили, что он умер от сердечного приступа, а не от препарата, и это, конечно, жестоко и противоестественно, не лучше, чем поджариться на электрическом стуле или висеть, задыхаясь, в петле. В Огайо Деннис Макгуайр, прежде чем умереть, 25 минут бился в конвульсиях. В Аризоне Джозеф Вуд, как говорят, почти два часа задыхался на кушетке, пока наконец его муки не прекратились. Во всех трех штатах использовались новые составы, потому что фармацевтические компании, расположенные в основном в Европе, решили прекратить выпуск и поставку препаратов в Штаты, где практикуется смертная казнь.

В 2012 году Техас перешел с трехкомпонентного препарата на однокомпонентный. Где его закупают – никому не известно: Департаменту разрешили хранить это в тайне. Департамент заявил, что раскрытие поставщика нанесет ему вред, – полная чушь. Почему бы людям не узнать правду? Ведь вещества, с помощью которых совершают казни, покупаются на деньги налогоплательщиков. Публике нужно знать, что препараты поступают из надежного места, и просто абсурдно со стороны Департамента возражать.

Подозреваю, настоящая причина в том, что если раскрыть фирму-поставщика, то она, желая сохранить свой престиж, сама прекратит поставки, и тогда Техас никого не сможет казнить.

* * *

После увольнения я не особо обращала внимание на казни, однако аутсайдером себя не ощущала. Я стала как большинство жителей Хантсвилла, – они не задумываются о том, что буквально по соседству совершаются казни. Иногда мне звонили репортеры, которым требовалась консультация человека, знающего тюрьмы; если звонили из Европы, я отказывала, ибо знала: они все только извратят.

В декабре 2012 года я ушла из консульства и стала работать

пресс-представителем юридической фирмы в Хьюстоне. Мне очень льстило, что зарабатывала я теперь больше, чем в Департаменте, и какое же было облегчение, что не нужно сообщать плохие новости – о захвате заложников, о самоубийствах, о «беспорядках».

Моя дочь знала, что раньше я работала в тюремной системе, и значение слова «заключенный» понимала с самых ранних лет. Иногда, видя, как они в своих белых робах метут мусор на улицах Хантсвилла, она говорила: «Мама, вот плохие люди». А я отвечала: «Нет, они совершали плохие поступки или просто запутались, но они вовсе не обязательно плохие». Мне казалось важным это уточнять.

Однажды я смотрела передачу про Энтони Грейвса, осужденного за убийство семьи из шести человек; к 2010 году, когда его оправдали и выпустили, он успел просидеть в отделении смертников двенадцать лет. Дочь спросила, что такое казнь, и я попыталась объяснить. Только мне не хотелось упоминать о том, что я наблюдала за смертью осужденных и отлично знаю эту комнату. Когда дочери было лет десять, из Хьюстона приехали тележурналисты – взять у меня интервью, и я разрешила ей присутствовать. В итоге она все равно бы узнала, и я заранее была готова отлупить всякого, будь то ребенок или взрослый, кто сказал бы: «Твоя мама зарабатывала тем, что смотрела, как умирают люди». Характер у дочери легкий, и ко мне она относится так же, как я отношусь к своей маме. Я ее опора и живу для нее, и она не спрашивает, почему я делала то, что делала.

В одной из моих долгих поездок между Хантсвиллом, где я жила, и Хьюстоном на моем чемодане с темными мыслями наконец не выдержала застежка, и все вывалилось.

Когда со мной происходит что-то, чего я не понимаю, я сначала цепенею, потом потихоньку разбираюсь и расставляю все по местам. Следовало разобраться с переполнявшими меня мыслями, иначе было от них не избавиться, а долгие поездки давали мне страшно много времени для размышлений. Непонятно почему передо мной вдруг представал безымянный заключенный на смертной кушетке со слезинкой на щеке или морщинистые руки матери Рики Макгинна, прижатые к стеклу. Всякий раз, вспоминая эти руки, я плачу. Ужасно – смотреть на умирающего сына и быть не в состоянии что-либо изменить. Еще я вспоминала, как сидела на пресс-конференции мать одной убитой девушки – тихо, словно в изумлении, а ее муж рассказывал, какие пережил чувства во время казни человека, убившего их дочь. И снова во мне поднимался страх, потому что с

этими людьми случилась самая страшная беда, которую только можно представить.

В одно утро 2013 года, отвезя дочь в школу, я позвонила Ларри. Мы болтали о нашей работе в Департаменте, и вдруг меня дернуло спросить – вспоминает ли он виденные им казни? Раньше мы никогда о таких вещах не говорили, я не поднимала данную тему. Хотелось, чтобы он думал, будто для меня это пустяки, хотелось, чтобы все так думали. Такая крутая девчонка, зарабатываю на жизнь, наблюдая, как умирают люди; если меня спрашивали о моей работе, я рассказывала о чем-нибудь забавном, а о серьезном молчала. И вот теперь, когда я спросила, Ларри признался, что казни постоянно снятся ему в кошмарах.

Мне лишь один раз приснилась казнь. Приснилось, что казнят мою бабушку за убийство мужа. Мы с бабушкой были очень близки, я даже дочь назвала ее именем. И все же во сне, хотя на кушетке лежала мама моей мамы, я твердила себе: плакать нельзя, я на работе. Бабушку мой сон развеселил.

Меня удивило, что Ларри мучают кошмары, ведь он уволился много лет назад. «Господи, – подумала я, – десять лет страдать от воспоминаний, меня тоже такое ждет?»

Мне стало страшно: Ларри казался сильной личностью. В моем представлении он был все тот же задира, который произвел на меня, тогда еще юного репортера, такое сильное впечатление – упрямый и умный спец по связям с общественностью, очень яркий типаж. Еще я всегда считала, что Ларри против смертной казни, а значит, переживать увиденное ему труднее, чем мне. Я иногда его поддразнивала, называла «вонючим хиппи», – ведь он эдакий свободомыслящий малый из Остина. А теперь выяснилось, что он не противник казни, и я разволновалась, – значит, и меня ждут подобные кошмары? Мне стало грустно, что ему до сих пор приходится все это переживать, и неловко, что я раньше ничего не понимала.

ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Когда Департамент предложил мне большое пенсионное пособие, я подумал: наконец-то свалю. Я был готов уйти.

Вскоре после этого совершенно неожиданно мне позвонил юрист, которого я знал еще по работе в адвокатуре штата. А затем у меня за кухонным столом собралась толпа прокуроров, и все расспрашивали меня про одного заключенного из отделения смертников по имени Томас Миллер-Эл: что он за человек, чем занимался

в тюрьме, о чем мы с ним беседовали.

В 1985 году Миллер-Эл совершил преступление – в мотеле в Ирвинге, который он ограбил вместе с женой, застрелил служащего, а другого ранил, и тот остался парализованным. Преступники убежали в Хьюстон, где их и арестовали после перестрелки. Миллера-Эла судили в Далласе и приговорили к смерти.

Я познакомился с ним, когда он давал интервью журналистке из Дании – симпатичной такой блондинке. Я представился, и завязалась беседа. Томас облегчил мне жизнь тем, что охотно беседовал с любым журналистом. Рассказывал он всякий раз одно и то же, но интервью давал хорошие. Я навещал его в камере, заходил поболтать в швейный цех. Он был ярый баскетбольный болельщик, и иногда мы с ним бросали мячи в кольцо на площадке, – пока Мартин Гурул не устроил побег, после которого все поблажки в отделении смертников прекратились. Я всегда шутил, что Томасу надо бы играть в наручниках – чтобы уравнять шансы. Мне он очень нравился. Я как-то научился не думать, что он преступник, видел в нем просто человека.

В 1980-е Даллас был очень суров к чернокожим, обвиняемым в убийстве: окружной прокурор Генри Уэйд дал четкое распоряжение не вводить в состав жюри представителей меньшинств. Мой знакомый юрист, который об этом рассказал, работал даже не адвокатом защиты, а государственным обвинителем, и, по его словам, судебный процесс Томаса проводился не должным образом, поскольку присяжные – одни белые – были изначально настроены враждебно.

Собравшимся у меня юристам я рассказал, что Томас вел себя очень миролюбиво и даже разрешал конфликты между другими заключенными. Обычно самые дисциплинированные заключенные как раз убийцы, у большинства из них на совести только одно преступление, причем не запланированное, а случайное. Они, как правило, не создают проблем, и Томас тоже вел себя хорошо. Он был из «стариков» – то есть пожилых заключенных, неспособных к тяжелой работе; им обычно поручают, например, прессовать жестянки для сдачи в металлолом. Жизнь в тюрьме заметно меняет людей и некоторых – в лучшую сторону. Томас больше не представлял угрозы обществу.

Юристы передали мой рассказ судье, и смертный

приговор Томасу заменили пожизненным заключением. От повторного процесса он отказался, потому что его парализованная жертва дала бы против него показания.

Я никогда не спрашивал Томаса, виновен ли он. Я знал, в чем его обвиняли, и он знал, что я знаю. Хотя мне точно неизвестно, сам ли он стрелял; вероятно, Томас выгораживал свою жену Дороти. Правда, в данном случае это не главное. Важно то, что судебный процесс проводился с нарушениями. Когда Томасу заменили приговор, я очень радовался. Однако потом призадумался. «Правильно ли я поступил? Не оказал ли ему плохую услугу?» Томас никогда не выйдет из тюрьмы, его вынесут ногами вперед.

За восемь лет работы я нагляделся, каково приходится заключенным – не только в отделении смертников, но и в общем отделении. В тюрьме жить тяжело. Это не жизнь, а прозябание в жутких условиях. В техасских тюрьмах чрезвычайно много попыток самоубийства, причем удаются лишь единицы. Отсюда два вывода: первый – в техасских тюрьмах очень плохо; второй – тюремная система работает с безжалостной четкостью.

Пошли слухи, что я хороший свидетель-эксперт, и мне стали звонить и писать адвокаты-защитники со всего Техаса. Никогда себя не считал ни в чем экспертом, и вдруг оказалось, что я таки эксперт. Видимо, благодаря работе в Департаменте я сделался доктором наук о тюремной жизни. Я выступал в суде, рассказывал, как работает система, каково будет существование преступника, если его приговорят к жизни, а не к смерти. Моим делом стало объяснять 12 присяжным, что казни преступника есть альтернатива. Мне пришлось работать вместе с Деннисом Лонгмайром, профессором уголовного правосудия в Университете Сэма Хьюстона, непоколебимым противником высшей меры. В день казни он всегда, будь там дождь или град, устраивал у «Стен» акции протеста. Я его очень уважал, и вот теперь мы были в одной команде.

Раза два в суде, где я выступал, присяжные выбрали для подсудимого в качестве наказания жизнь, а не смерть. Однако я занимался тем, чем занимался, не из моральных соображений, это просто было дело, и дело хорошо оплачиваемое. Я не выступал против собственно казни и всегда удивлялся, что обвинители ко мне вообще не

подходят, ведь сведения, которыми я делился, вполне могли пригодиться и им.

Родственники преступников меня любили, а родственники убитых выказывали ненависть и враждебность, – как и некоторые бывшие коллеги по тюремной системе. Я приехал в Хантсвилл на какое-то торжество, и один из тюремных начальников назвал меня предателем. Я подумал: «Ну и черт с ним, раз он так думает, наплевать на чужое мнение. Я-то знаю, что никогда систему не предавал, несмотря на все ее недостатки». Я гордился своей работой в Департаменте и ничем ему не навредил.

На каком-то процессе в Ливингстоне по делу об убийстве меня спросили, что я думаю о смертной казни, и я привычно ответил: «Мое мнение к делу не относится». Прокурор буквально подскочил и воскликнул: «Мистер Фицджеральд, если вас спрашивают в суде, значит, относится!» Тогда я ответил, что приемлю смертную казнь, но в Техасе казнят слишком часто. Подсудимый убил свою подругу, которая была гораздо старше его, и искренне каялся. Однако обвинителя интересовала только собственная победа, – и дело кончилось смертным приговором.

Со временем я все чаще задавался вопросом о сути этой меры наказания. Конечно, здесь прежде всего вопрос возмездия. В Техасе у большинства обвинителей менталитет ковбойский: чем больше зарубок на прикладе ружья – тем лучше. Окружной прокурор в этом штате – должность скорее политическая, и они стараются показать себя защитниками мирного населения и грозой преступников. Генри Уэйд проработал прокурором округа Даллас 36 лет, процент обвинительных приговоров у него составлял 93, и те немногие адвокаты, которым удалось у него выиграть, называли себя «Клуб 7 процентов». Вот такие нравы.

Есть еще и вопрос денег. Казнь обходится очень дорого, но большинство людей этого не понимают. Когда в Техасе выносится смертный приговор, апелляция подается автоматически, дело слушается в апелляционном суде штата, и потом, обрастая множеством всяких других апелляций, доходит порой до Верховного суда США. К моменту, когда человек ложится на кушетку, потрачены уже миллионы долларов. Когда Лоуренса Брюэра и Джона Кинга приговорили к смерти за

убийство в округе Джаспер, округу, чтобы справиться с расходами, пришлось поднять налог на имущество.

Главное, что заставило меня задуматься – большое количество случаев, когда осужденный человек оказывался невиновным. Только в округе Даллас за первые семь лет после смерти Уэйда в 2001 году в результате проведенных ДНК-тестов освободили 19 человек, причем две трети из них были чернокожие. Майкл Мортон, осужденный за убийство жены, просидел в техасской тюрьме почти 25 лет. Шесть лет его защитники добивались проведения ДНК-теста, и результаты доказали невиновность Мортона. Более того, возникли подозрения, что в округе Уильямсон прокурор скрыл улику, вследствие чего настоящий убийца остался на свободе и мог убивать дальше.

Эрнест Уиллис, осужденный за поджог, в результате которого погибли две женщины, провел в отделении смертников 17 лет. В 1991 году его едва не казнили, но потом сняли все обвинения и в 2004 году отпустили. Все еще ведутся споры по поводу виновности Кэмерона Тодда Уиллингэма, осужденного за поджог, ставший причиной смерти трех его дочерей, а казнили его в том же году, когда отпустили Уиллиса.

Кое-кого отпускают и из отделения смертников; стало быть, судебная система не лишена недостатков. Выступая в судах, где рассматривались преднамеренные убийства, я видел много довольно спорных действий со стороны прокуроров. Например, они приглашали в качестве свидетелей специалистов, которые утверждали, что подсудимый, если ему сохранить жизнь, будет убивать и дальше, и потому его следует казнить. Некий специалист так разошелся, что послушать его – так у нас по тюрьмам текут кровавые реки. Мне не нравилось, что один из главных критериев при выборе наказания – будет ли подсудимый «опасен в дальнейшем». Ведь у осужденного на смерть нет никаких контактов с другими людьми, он ест у себя в камере, которую покидает на один час в сутки. Для кого он опасен? А опыт работы в учреждении, где исполняется высшая мера, заставляет меня задуматься: «А всегда ли казнят того, кого нужно?» У меня нет чувства вины, ведь не я привел этих людей в отделение смертников, но мысль, что я видел казнь невиновного человека, – невыносима.

Я продолжаю общаться с некоторыми бывшими

заключенными, – такого я сам не ожидал. Мы переписываемся, а иногда вдруг раздается телефонный звонок. Это как поболтать, например, с бывшим одноклассником – «Привет, как дела?» – и, по-моему, прекрасно, что они способны устроить свою жизнь за пределами тюрьмы. Один молодой заключенный в день окончания школы совершил автомобильную аварию, в которой погибли несколько подростков. До этого он ни разу в жизни не пил спиртного. Если бы не милость Божья, я оказался бы в таком же положении, как он. За время его заключения мы с ним очень подружились. Он обычный смертный, совершивший ошибку, но хотя бы не такую, за которую платят жизнью. Когда он вышел на свободу, мы с Марианной даже ездили с ним и его родителями кататься на водных санях. В тюрьме он окончил колледж и потом работал юристом.

Уже будучи на пенсии, я решил навестить Томаса Миллера-Эла, но меня не пустили. Не знаю почему, я ведь просто хотел повидать старинного приятеля.

В 2015 году мне позвонили из Би-би-си. Там решили снять документалку о том, как я наблюдал за казнями. Однажды режиссер предложил поговорить перед камерой с родителями Наполеона Бизли. Я сказал: «Конечно, только они не захотят». Однако они захотели. По дороге к ним в Грейпленд я вдруг сообразил, что мне ничего не известно о происхождении Наполеона. Я знал, что он неглуп, отличный футболист, но вырос ли он, например, в хибаре или жил в хороших условиях? Оказалось, у его родителей большой красивый дом в сельской местности, и меня это слегка удивило.

Я тревожился, что они будут сильно расстроены или озлоблены, а они оказались милой парой. Отец Наполеона весьма резко говорил о системе, но после интервью сказал, что он и сам работает тюремным охранником. Меня сразила такая ирония судьбы. Его жена Рена была очень славная. О Наполеоне она сказала, что «таким сыном всякий бы гордился», он обращался с ней как с королевой и представлял всем как «свою даму». Пока он был в отделении смертников, родители ни разу не пропустили дня посещений. Когда я рассказал Рене, как мне нравился ее сын, она заплакала и разговорилась. К моему удивлению, она не возражала против смертной казни – для самых жестоких преступников. Конечно же, Наполеон к таким не относился. Хорошо, сказала Рена, что я тоже пришел

на его казнь. Я был рад это слышать. Приятно, когда тебя помнят как человека, который поступает по совести.

Когда Департамент начал травлю Мишель, я злился. Она такого не заслужила. Мы с ней были близки, я ее очень любил. С заключенными она обращалась по-человечески, к репортерам относилась с уважением, как и я. Потому-то ей и воткнули нож в спину и выжили ее, – поскольку она олицетворяла прежний стиль работы. Мишель – человек открытый, любознательный и всегда готова помочь, но Департамент требовал скрытности. После ее ухода публике уже не сообщали о бунтах, побегах и захвате заложников. Разве подобные неприятности вдруг прекратились? Или просто руководство стало их утаивать? Как выразился один мой старый знакомый из Департамента: «они как будто завернули кран». Видимо, Мишель высказывалась более откровенно и честно, чем того хотелось Департаменту.

Пока мы еще оба там работали, то, бывало, поднимаясь от парковки по небольшой лестничке, я разводил руки, словно обнимая «Стены», и говорил: «Мисс Лайонс, придет день – и все здесь будет ваше». Теперь я ощущаю себя виноватым, что взял ее на работу, – не только из-за того, чем это кончилось, – просто я на себе почувствовал, как влияет на человека зрелище казней. После ухода на пенсию я спать не мог, все размышлял о том, что пришлось видеть. А когда красивая рождественская песнь вроде «Ночь тиха» заставляет вспомнить о смерти, понимаешь: твоя жизнь пошла куда-то не туда. Мне снилась Карла Фэй Такер, и Гэри Грэм, и Кеннет Макдафф. Кеннет Макдафф – не такой человек, которого захочешь видеть во сне, но в моей памяти он отпечатался навечно.

Мне снилось то, о чем осужденные говорили в своем последнем слове, например, большой кусок из послания к Коринфянам. Снилось, как мы едим черешню с Джеймсом Битхардом перед его казнью. Снился парень, которого прозвали «Горошинкой» – безобидного вида юнец, убивший полицейского. В перестрелке он получил рану, и у него начались осложнения; его отправили в больницу в Галвестоне, прооперировали, привезли обратно и казнили.

Подобные сны я видел по несколько раз в неделю, но старался о них не говорить. Мог рассказать жене какую-нибудь забавную историю из тюремного быта, только не

всякую пакость. Такое я держал при себе.

Увлечений у меня не было, в гольф я не играл. Записался на занятия в спортзале, – и так и не собрался пойти. Моим увлечением и главным делом оставалась работа. На пенсии мне вначале понравилось – каждый день тебе выходной, но чем дальше, тем больше и больше у меня было свободного времени, а свободное время ведет к размышлениям. А подобные размышления усугубляют тягу к спиртному. Я пил все больше, начинал каждый день все раньше и заканчивал в баре. Частично от скуки, частично от желания забыться.

Когда-то я читал Писание. Мальчиком даже прислуживал в алтаре. От обрядов я отошел, а веру сохранил. Когда я болел, мы с Джимом Брэззилом вели долгие беседы о Боге и о том, что со мной будет после смерти. Я часто спрашивал: «Когда во время казни твоя рука лежала на колене осужденного, ты ощущал, как его душа покидает тело?» Брэззил говорил, что это очень напряженный момент, и он чувствовал, как осужденный постигает присутствие Господа.

Сам я видел, как на кушетке умерло 219 человек, однако переживал я не из-за тех казней, которые помнил, а из-за тех, которые забыл…

Меня расстроило, что Ларри чувствует себя виноватым, поскольку взял меня на эту работу, ведь я и не думала на него обижаться. Он был прекрасный человек и самый лучший пресс-представитель тюремной системы. Мы с ним как бы стали членами маленького странного клуба, куда никого не приглашают.

На свете не так уж много людей, которые представляют, каково это – видеть столько казней. Начальники тюрем приходили и уходили, охранники из конвойной команды приходили и уходили, техники инъекционной бригады приходили и уходили. Все приходили и уходили, кроме меня, Ларри, капеллана Брэззила и Грачука. Однако Грачук считался скорее гостем нашего «клуба», ведь он-то все еще посещал казни и обсуждать свои чувства по этому поводу не собирался, – пока работает.

Когда исполнительный директор спросил, как я могу идти и смотреть на чужую смерть, я подумала: «А сам бы ты не смог? Меня, значит, туда посылать можно, – уже почти в трехсотый раз». Правда, всерьез я на него не обижалась. Не хотела ни с кем делить свою работу, думала, что лучше меня никто не справится,

пусть это и звучит заносчиво. И если бы мне предложили помощь, я бы отказалась, поскольку принять ее означало показать слабость. А на такой работе стоит показать слабость, и тебя быстро задвинут куда подальше.

И все же однажды мне пришло в голову, что я видела страшно много казней, а поговорить о них – не с кем. Как мне поможет какой-нибудь психотерапевт, если сам он казней никогда не видел? Вот я и стала во время своих поездок делать голосовые заметки. Выкапывала из сумки телефон, нажимала кнопочку – и говорила. Я и сама не знала, что буду делать с записями и зачем вообще их веду. Наверное, то был способ как-то упорядочить мысли, – для того же я в свое время вела дневник, посвященный казням. Когда я ночью лежу в постели и вспоминаю, что мне нужно сделать, приходится включать свет и записывать, иначе все это так и будет крутиться у меня в голове. Та же история и с голосовыми записями. Я смирилась, что некоторые казни никогда не забуду, но, по крайней мере, если эти мысли сложить в папку и убрать подальше, они не будут то и дело всплывать и мучить меня.

> Я считала, что, уйдя из тюремной системы, стану меньше о ней думать, но получилось как раз наоборот. Я думаю о ней все время. Теперь, когда все позади, мне кажется, будто я сняла крышку с ящика Пандоры и никак не могу вернуть ее на место.
>
> *Из голосовых заметок Мишель, ноябрь 2012 года*

Глава 13. И другие скорбят…

Если вы явитесь в Техас и кого-нибудь убьете, мы вас тут тоже убьем.

Рон Уайт, техасский актер-комик

Без «стетсона» хожу я,
Но тебе, сынок, скажу я, –
Техасец я не хуже тебя…

Терри Аллен. Шоссе через Амарилло

Мне всегда хотелось просто нормальной жизни – хорошего мужа, детей, собаку, красивый дом, работу, которая приносила бы достаточно денег, чтобы путешествовать. Кое-что из этого у меня есть, чего-то нет. Однажды мне попалась цитата: «Люди часто спрашивают, отчего я вечно выбираю более трудный путь. Я отвечаю: “А с чего вы взяли, будто я вижу и другие пути?”» Это перекликается с моей жизнью, – у меня всегда так и бывает. Я не ищу сложных путей, само получается.

Перед вторым браком я не обратила внимания на предупреждающие знаки и вовсю гнала вперед. Опять я видела только трудный путь. Как и на работе – я не ждала и не хотела, чтобы меня жалели, – я знала, чем это оборачивается.

У меня красавица-дочь, замечательные родители, отличный брат, с которым мы очень дружны, но на кое-какие отношения я потратила слишком много времени. Мой ребенок читает меня словно книгу, и есть у меня друзья, знающие обо мне все, что только можно знать. Зато в личной жизни я, как правило, терпела неудачи: мне встречались мужчины, не понимавшие ни меня, ни моих словечек или привычек, собственно и составляющих мое «я».

Я и сама не очень понимаю, почему так, разве что они просто не удосуживались обратить внимание; ведь я давала любые подсказки, которые хороший детектив непременно заметит, если только пожелает.

Взять, например, мои татуировки. Первую я сделала в восемнадцать лет, – была трезвая как стеклышко и пошла одна, – цветок ириса на большом пальце ноги. Ирис – эмблема женского

клуба в моем колледже, и это само по себе забавно, потому что я была не очень активным его членом. Я не жила в общежитии в отличие от большинства студенток, а из-за работы в газете часто пропускала собрания. Притом, кажется, я – одна из немногих, кто поставил на себе метку. Другие татуировки: глаз – реверанс в сторону моих испанских и греческих предков и оберег от негативной энергии, ревности и зависти; китайский иероглиф, обозначающий силу; пылающее сердце – знак того, что влюбляюсь я глубоко и неистово. Еще есть бабочка, которую я наколола из-за одного японского стихотворения – песни гейши.

Легок и беспечен бабочки полет,
К вечеру поблекли крылья, –
Грустный вид!
Где ей в сумерки присесть,
Где найти приют?

На боку у меня готическим курсивом написано: *Alea iacta est,* что означает «Жребий брошен». Эту татуировку я сделала в очень напряженный период, когда сильно переживала, не зная, что меня ждет. Я хотела напомнить себе, что волноваться бессмысленно и поворот судьбы предрешен. На другом боку у меня якорь с лентой, на которой написано «Мама». Его я сделала вскоре после смерти бабушки как дань уважения всем сильным матерям в нашей семье: маме, обеим бабушкам, тетям и двоюродным сестрам и следующему поколению: дочери и племянницам. Якорь означает галвестонские корни, – символ моря для моей островной родины.

У меня не одна, а целых две татуировки с пауком «черная вдова». В 2002 году я организовала клуб с ироническим названием «Черная вдова». Его члены – группа сильных женщин, которых я знаю и люблю; они – не мужененавистницы и не плетут заговоров, чтобы убить своих мужей по примеру Бетти Лу Битс, они просто стойкие и крепкие женщины. Нас восемь человек, и у каждой есть татуировка. Мне нравится быть президентом собственного клуба, пусть даже мне самой пришлось его придумать.

Поскольку большинство моих татуировок людям не видны, человек, желающий понять, что я собой представляю, может просто рассмотреть браслеты у меня на запястьях: якорь – такой же я подарила отцу, давшему мне столько полезных советов; браслет с надписью «Не терплю узды»; тонкий браслет-ниточка с золотой змейкой – для загадывания желаний: надеваешь, загадываешь желание, а когда браслет рвется и падает, оно

сбывается; браслет с сердечком – такой же, как у моей мамы, которая делает все, чтобы поднять меня, когда я падаю; серебряный медвежий коготь – такой же, как у моего брата – моего верного и лучшего друга; серебряный крестик – подарок от дочери; несколько браслетов от сглаза; и серебряный браслет с надписью «Завтра снова попытаюсь».

Эти подсказки не так уж глубоко и зарыты, но, может, как раз в том и проблема. Иногда я боюсь, что все-то у меня слишком: я слишком честна, слишком импульсивна, слишком сильно люблю, слишком боюсь показаться слабой. Однако я не знаю, как стать другой: если я не говорю то, что чувствую и когда чувствую, то это уже не я. Буду ли настоящая я жить долго и счастливо? Или карты легли иначе? И все же, несмотря на некоторые угрызения, я бы ничего не стала менять в жизни (кроме, наверное, интервью для телешоу «Сегодня» – я там разговаривала как бестолковая деревенщина), потому что все мои решения привели меня к моей настоящей жизни, в которой я довольна и счастлива.

Не проработай я столько лет в тюремной системе, я, быть может, сохранила бы больше душевного спокойствия, однако не получила бы свою теперешнюю замечательную работу – с прекрасными людьми, с поездками в Лондон, а не в пекле техасских тюрем, среди насильников и детоубийц. И у меня, наверное, не было бы моей дочери – самого дорогого в моей жизни. Пусть даже все остальное у меня не так, дочерью своей я горжусь. Зря я боялась, когда она во мне росла и я слушала последние слова осужденных – их злобу, отчаяние, страх, – зря я боялась, что тьма наложит на нее отпечаток. Она – веселая, добрая и светлая. Именно об этом мечтают родители – чтобы ребенок стал во всем лучше их. Мы как-то ездили в круиз, и дочь подошла к малышу, который сидел один и грустил. Она притащила его к другим детям, и вскоре они уже носились туда-сюда, как старые друзья. Я так рада, что у нее нет никаких предрассудков, она готова принять любого таким, какой он есть, и радоваться.

Однако из-за рождения дочери я серьезнее задумалась о том, что чувствуют женщины, приходя в комнату для свидетелей, – и та, чьего сына сейчас убьют, и другая, которая видит, как человек, убивший ее ребенка, просто засыпает. Мне страстно хотелось понять, каким путем отныне пойдет жизнь той другой, в то время как для матери осужденного путь заканчивается. Все мечты и надежды, связанные с ее ребенком, окончательно погибли – прямо здесь и сейчас. И наверняка, хотя это совершенно бессмысленно, она спрашивает себя, в чем совершила ошибку.

В доме у меня повсюду кресты, черепа, фигурки святых –

некоторым это может показаться мрачноватым.

Когда я работала в израильском консульстве, один коллега привел ко мне сына – познакомить «с той самой женщиной, которая работала в тюремной системе». Он попросил показать им все сувениры, разложенные у меня на столе, включая заточку – я вскрываю ей конверты, – и крошечные игральные кости из спрессованной туалетной бумаги.

Меня все так же интересуют преступления, как и тогда, когда я только начинала работать в Департаменте.

Мой идеальный воскресный вечер непременно включает просмотр «Дейтлайн»[32], «Сорок восемь часов»[33] и время от времени какой-нибудь передачи о призраках и паранормальных явлениях, – когда моя дочь уже спит. И хотя порой я размышляю о страшных и темных вещах, сама я человек не страшный и не темный.

Бывает, сидя в переполненном баре, я обвожу взглядом людей и думаю: «А ведь по статистике среди нас есть убийца». Или смотрю на человека и понимаю: он похож на насильника. Что-то в людях заставляет меня насторожиться. Работа в тюремной системе вообще научила меня осмотрительности. Присутствуя на интервью с разными мошенниками и грабителями, я слушала и все запоминала. Один тип, довольно забавный, помню, говорил, что если проходит мимо дома и видит открытый гараж, то непременно что-нибудь да прихватит – будь то клюшки для гольфа, газонокосилка, ящик с инструментами или хоть мешок угля.

Я не боюсь ходить одна, но я всегда оглядываюсь и всегда запираю двери. На парковке никогда не роюсь в сумке в поисках ключей, достаю их заранее. Я была рада узнать, что у моей новой машины багажник можно открыть изнутри. И – спасибо моей счастливой звезде – у меня маленькие руки: если меня закуют в наручники, я, наверное, смогу их снять.

Не желаю, чтобы дочь у меня росла запуганной или боялась выходить из дому, хотя, наверное, насильников и похитителей я опасаюсь больше, чем среднестатистическая мать, и хочу научить дочь осторожности. Однако тут важно не перейти черту. Например, я смотрю документальный сериал о преступниках, а дочь читает про них в Интернете – «Мама, смотри, он убил двадцать человек!» Правильно ли это? Наверное, нет, но я хочу, чтобы она понимала: если человек кажется симпатичным, он вовсе не обязательно хороший. В мире полно людей, творящих страшные дела, и благодаря своей работе я очень хорошо знаю, какие именно.

Шестого января 2016 года мы с мужем смотрели телевизор, и муж отпустил какую-то шутку, – я едва не задохнулась от смеха. Через две минуты у меня зазвонил телефон. Звонок был от Лейси, старшей дочери мужа. Мы увлеченно смотрели передачу, от души веселились, и я решила не отвечать, а потом перезвонить. Через минуту пришла эсэмэска: «Ответь, пожалуйста. Кристина умерла». Кристина – ее младшая сестра. Я ощутила в животе холодок. Наверное, подумала я, Лейси драматизирует – не может дозвониться до Кристины и предполагает худшее.

Телефон мужа заряжался в спальне. Я прочла сообщение вслух, и он бросился наверх – звонить Лейси, я услышала, как она кричит в трубку, и поняла, что это правда.

Очень быстро история о том, как на автостоянке в округе Лос-Анджелес застрелили семнадцатилетнюю девушку из Хьюстона, разошлась по «Твиттеру». Люди выкладывали ее фотографии – девушки, которая полгода назад отмечала у меня в доме свой день рождения.

Раньше я освещала разные убийства в прессе, видела 280 казней, а теперь сама попала в подобную историю и почти с самого начала следила за развитием событий.

С Кристиной мы не были близки, – ее отец стал снова с ней общаться чуть больше года назад, но случившееся не могло оставить меня равнодушной.

Трагедия, которой я, как мать, боялась больше всего, обрушилась на дорогого мне человека. Боль и муки, им переживаемые, равным образом были моей болью и муками.

Кристину убили в курортном местечке Марина-дель-Рей, – наркоторговец выстрелил ей в лицо после неудачной сделки, в которой участвовал бойфренд ее сестры Лейси. Я знала, что смертного приговора ждать нечего: в Калифорнии не казнят с 2006 года. Мой муж никак не мог это принять, и было очень тяжело уговаривать его смириться. Его, как и мать Кристины, устроила бы только смерть убийцы.

В июле 2017 года убийцу Кристины приговорили к пожизненному заключению без права досрочного освобождения. Я так и предполагала, и все равно меня злила несправедливость. Только Богу известно, что переживал мой муж. Много лет я вступала в дискуссии по поводу смертной казни с людьми, для которых она была лишь абстрактным понятием. Однако если раньше, работая в тюремной системе, я считала этот вопрос для себя трудным, то убийство моей падчерицы все для меня прояснило. Некоторые виденные мной казни я расценивала как несправедливые, некоторые вообще предпочла бы не видеть, но считаю, что иногда такая мера – заслуженное наказание для того,

кто отнял чужую жизнь. И если у кого-то хватит смелости выйти и заявить, что смертная казнь – неправильно, то я охотно сообщу им свое мнение по этому вопросу и объясню, почему они ошибаются. Если бы кто-то убил их семнадцатилетнюю дочь выстрелом в лицо, как бы они смирились с тем, что убийце сохранили жизнь? Я-то по собственному опыту знаю: такую пощечину принять нелегко.

Когда я думаю, что на том все и кончилось, то вдруг начинаю плакать над чем-то совершенно безобидным. Пошла посмотреть «Убийство в Восточном экспрессе» – одно из моих любимых произведений Агаты Кристи – и расплакалась прямо в кинотеатре. Ну над чем, спрашивается, можно плакать, глядя фильм по Кристи? Посмотрев эту новую экранизацию, я поняла, что часто одно убийство приносит огромные разрушения: хотя хоронят одного человека, кончилась не только его жизнь. Ведь именно так случилось, когда убили мою падчерицу: мой муж не смог после этого оправиться. Я его любила, но он стал другим. Вскоре после смерти Кристины он пристрастился к наркотикам, чего я не могла вынести. Мы быстро развелись и больше никогда не виделись.

В тот вечер, вернувшись домой после кино, я открыла ноутбук и стала писать письмо человеку, убившему дочь моего теперь уже бывшего мужа. Я хотела, чтобы он знал: он убил не только девушку, но и душу ее отца. А из-за чего? Из-за какой-то паршивой травы. Письмо я не отправила, даже не дописала, – подумала, что убийце все это без разницы.

Примерно тогда же я получила сообщение в «Фейсбуке» от подруги одного заключенного, на казни которого присутствовала. Я его плохо запомнила, и мне пришлось достать свои записи, чтобы освежить память. Его приговорили к смерти за угон машины и убийство в 1992 году в Хьюстоне. Ему тогда было девятнадцать лет. В новостях приводили слова, сказанные дочерью убитого: она потеряла сразу обоих родителей, потому что ее мать навсегда впала в глубочайшую депрессию. Сообщение в «Фейсбуке» напомнило мне, что казнь преступника тоже изменила жизнь его семьи и друзей. Они никого не убивали, но теперь они у всех на виду, все их обсуждают, словно они и сами преступники. И они тоже потеряли близкого человека.

Сообщение было такое:

> Пишу вам в надежде, что вы облегчите мне душу. Думаю, вы видели казнь дорогого мне человека. Мы были знакомы с двенадцати лет. Мне просто хотелось

убедиться, что он умер быстро и не мучился. Я его по-прежнему люблю. Надеюсь, вы ответите. Его звали Уилли Марсел Шеннон, номер 999086. Казнен 8 ноября 2006 года.

Если вы не ответите, я не обижусь. Спасибо вам, и сохрани вас Бог.

Я написала девушке Шеннона, что он умер быстро и не мучился. Я уже много лет всем так пишу – просто лег и уснул. Еще написала, что на кушетке он улыбался, обещал попросить прощения у убитого, когда встретит его на небесах. И еще сказал, что будет ждать встречи там со своей матерью. Шеннон не боялся смерти, он сохранил веру в Бога.

Не знаю, показалось ли той девушке мое письмо равнодушным или принесло ей мир и покой, но, думаю, я не зря его написала. Близкие казненных тоже скорбят.

Если раньше я склонялась к неприятию смертной казни, то убийство моей падчерицы подтолкнуло меня в обратном направлении. Есть, правда, признаки того, что Техас утрачивает вкус к этой мере. Округ Харрис, где расположен Хьюстон, четвертый по численности населения город США, прозвали столицей смертной казни, поскольку здесь с момента возвращения высшей меры – в 1976 году – в отделение смертников было отправлено 126 осужденных. А за весь 2017 год в округе (впервые с 1985 года) не было исполнено ни одной казни, и три года подряд не выносилось ни одного смертного приговора. В Хантсвилле в 2017 году состоялось семь казней, столько же, сколько годом ранее, и гораздо меньше, чем в 2000 году, когда их было сорок.

Причины такого снижения следующие: появление в 2005 году нового наказания – пожизненного заключения без права условного освобождения; прокуроры и обвинители новой формации; возросший профессионализм защитников; присяжные, принимающие во внимание смягчающие обстоятельства, такие как тяжелое детство или психические заболевания; новый стиль мышления, – когда люди понимают, что смертная казнь не является сдерживающим фактором; большое количество ошибочно обвиненных людей, чью невиновность впоследствии установили с помощью ДНК-тестов; неудачные казни в других штатах; проблемы с поставками соответствующих препаратов; высокая стоимость исполнения приговора; формирование мнения, что смертную казнь следует применять только к худшим из худших.

В 2017 году гэллаповский опрос[34] выявил, что по всей стране процент людей, поддерживающих смертную казнь, снизился до 55 (это самый низкий показатель за последние 45 лет; он существенно ниже высшей точки – 80 процентов в 1994 году), однако последний большой опрос в Техасе в 2013 году показывает, что в штате общественное мнение склоняется в пользу смертной казни – 74 процента. Пока в Техасе совершается так много жутких преступлений, ни один местный политик не сделает своей предвыборной платформой отмену смертной казни, – если хочет, чтобы его избрали. Преступление и наказание в этом штате – важная тема; Техас привык поступать по-своему, и ему все равно, что скажут другие. Есть такая поговорка: «Техас – отдельная страна».

> Я приемлю смертную казнь. Есть такие жестокие преступления, что единственное, чем преступник может расплатиться, – его жизнь. Хотя иногда у меня бывают противоречивые чувства. Я видела казнь людей, которых, на мой взгляд, казнить не следовало. Впрочем, мне-то легко было их жалеть, – ведь у меня они никого не отняли.
>
> *Из голосовых заметок Мишель, ноябрь 2012 года*

Быть может, я делала то, чего лучше не делать. Быть может, когда так близко подходишь к злу, оно оставляет отпечаток на всей твоей дальнейшей жизни. Быть может, я никогда не избавлюсь от того, что видела.

Раньше я хотела, чтобы на моих похоронах включили песню группы «Грин дэй» «Время твоей жизни» – мне нравятся слова, и еще я подумала, что это название будет забавно смотреться на похоронной программке. А однажды по дороге домой я услышала по радио песню Евы Кессиди «Певчая птица» и поняла: она и будет звучать на моих похоронах.

Знаете, отчего мне стало грустно? Там есть припев со словами: «И птицы поют, словно знают счет», который я раз сто слышала. И вот теперь я впервые сообразила, что под этим словом[35] подразумевается партитура, ноты. А я-то всегда считала, что речь идет о счете в игре нашей жизни – наш счет против вселенной. С чего я так решила? Как могла так понять? Как можно думать, что вселенная ведет счет и я непременно проиграю?

Я слушала и плакала, мне так хотелось, чтобы люди поняли: я старалась поступать правильно и не причинять никому зла. И впервые у меня возникло чувство, будто я не доживу до старости,

а умру молодой, и останется столько всего несделанного, столько долгов не выплачено… Я вдруг поняла, какой счет у моей жизни.

В молодости я думала, что зрелище чужих смертей сильно на мне не отразится. Я не понимала, что жизнь утекает, а мы постоянно меняемся, и завтра человек, возможно, будет воспринимать те же самые вещи совершенно не так, как вчера. Журналист из «Роллинг стоун» ошибся только отчасти. Дело не в том, что я видела слишком много смертей для человека юного возраста, а в том, что я вообще видела слишком много смертей – для любого человека. Теперь не знаю, – то ли я очень сильная, если так долго выдерживала, то ли слишком слабая, если испытываю тяжелые чувства. Возможно, и то и другое.

Иногда мне кажется, что полезнее было бы не записывать свои мысли, а выкрикивать с крыши. Когда я только собиралась писать книгу, я и сама не знала, зачем буду писать. Наверное, вот зачем: чтобы притупить воспоминания о виденном. К примеру, у нас с мужем была любимая песня, и после расставания я не выбросила диск и не запрятала куда подальше, чтобы вовек не слушать. Нет, я слушала ее снова и снова, пока не перестала воспринимать. Теперь она для меня вообще ничего не значит. Просто хорошая песня. Надеюсь, и эта книга приведет к тому же.

Глава 14. День, прожитый даром

Старея, вижу: зло с добром
В узоре сплетены одном –
Безумном, – и могу сказать:
Мудрец, кто это смог принять.

Дороти Паркер. Ветеран

Одно из качеств, делавших Ларри прекрасным пресс-представителем, – способность во время сложных ситуаций сохранять спокойствие и не допускать паники, когда кругом хаос. Неудивительно, что когда осенью 2016 года он заболел, то не придал этому особого значения. Мне сказал, что не очень хорошо себя чувствует, решил бросить пить и сдает какие-то анализы. Ничего страшного; только «решил бросить пить» слегка настораживало.

Поведать мне правду пришлось Марианне. Долгие годы потребления алкоголя испортили Ларри печень, – и это неминуемо вело к смерти. Спасти его могла только пересадка печени, а он считал, что донорский орган следует использовать для человека помоложе. Отец у Ларри умер, когда он сам был ребенком, и, наверное, он не ожидал, что доживет до старости. Видимо, он унаследовал материнские гены и считал свою долгую жизнь подарком судьбы.

Некоторые люди так прочно входят в твое существование, что даже не задумываешься, как будешь жить, если с ними случится беда. Так и у меня с Ларри. Я не знала, как справлюсь с этой потерей, ведь он всегда казался очень сильным. Я не могла представить мир, в котором его нет, да, впрочем, и не пыталась. Жила, как и раньше, звонила ему время от времени, посылала смешные эсэмэски. Много лет он шутил, что печенка у него – как копченая устрица, и теперь я мигом напомнила ему, что он был прав. По словам Марианны, в больнице он все время требовал неподходящей еды; я ему написала: больница, мол, – не отделение смертников, и нечего там заказывать омлет из двенадцати яиц, три свиные котлеты, полкило мороженого и чизбургер. Он мне как-то написал: «Лучше б я не пил, а баловался травкой» – прямо название для альбома в стиле кантри.

Ларри не особенно расстроило, что ему пришлось продать автомобиль – японца с форсированным двигателем; зато он

сильно разволновался из-за этой книги и все боялся, как бы мы не забыли упомянуть о чем-то интересном. Он даже название придумал: «День без казни – прожит даром». Шутка, разумеется. У него еще хватило сил пустить несколько шпилек в адрес Департамента: он, мол, надеется дожить до того времени, когда Джейсон Кларк останется без работы и откроет бизнес по торговле драгметаллами – будет собирать пивные банки вдоль трассы.

Ларри делалось все хуже, а я этого не знала. Иногда он мог обмолвиться, что ему плоховато, но правду мне говорила только Марианна. В марте 2017 года я приехала к нему домой, в Остин. Ларри ужасно исхудал и буквально тонул в своей фланелевой рубашке. Он был прикован к инвалидному креслу, ходить уже не мог. Голос, когда-то громкий и ясный, теперь стал как шепот. Несколько часов мы с ним говорили о казнях, и я записывала его мысли и воспоминания. Меж тем стрелка часов неумолимо приближалась к моменту прощания, и прощания, скорее всего, последнего.

Я крепилась целый день, пока не собралась уходить, но, обняв Ларри, не могла сдержать слез. Когда я рыдала у него на плече, он просто сказал: «Ты всегда была доброй девочкой». И я уехала. Опять получала письма, но все реже и реже. Потом он вообще перестал отвечать.

Ларри прожил еще два месяца – он уже почти не приходил в себя, – и умер в июне.

Поминальный обед состоялся в жаркий полдень в центре пригорода Остина, где жил Ларри. Мы с друзьями Марианны устроили прием, пришли десятки людей, принесли разные закуски, десерты и, конечно, пиво и вино. Все было просто, Ларри бы понравилось. Марианна, их с Ларри дети – Келли и Кевин, – старые друзья и сослуживцы, несколько репортеров, которым удалось урвать время от работы, чтобы отдать дань памяти Ларри.

Мы делились воспоминаниями.

Старый приятель Ларри, снимавший с ним жилье еще в холостяцкие времена, рассказал, как их четыре или пять раз выгоняли из квартиры за всякого рода фокусы Ларри. Однажды, когда Ларри наливал себе ванну, явились две красотки с нижнего этажа и пригласили выпить. Когда он вернулся, его и товарища мокрые пожитки валялись на газоне перед домом вместе с уведомлением о выселении.

Потом настала моя очередь. Я рассказала, как Ларри отправил меня в коридор с голыми заключенными, как заставил есть тюремные батончики, как называл меня «Мелким Ларри»

и поднимал на смех из-за моего прискорбно малого словарного запаса. И как только я разговорилась, голос у меня вдруг задрожал, как тогда, в последний мой визит к Ларри. И как тогда, я не знала, как попрощаться. У меня только и нашлось сил сказать: «Такого, как он, больше не будет», – и это абсолютная правда.

В конце один наш старый коллега по тюремной системе достал маленькую бутылочку скотча – любимого сорта Ларри, – и всем по чуть-чуть налил. Мы выпили за нашего дорогого друга и разошлись. Лучше всех сказал мой отец, – он вспомнил известную фразу из классики американского кино – «Большого Лебовски», которым они с Ларри оба восхищались: «Приятно знать, что он где-то есть».

Именно это мы все и чувствовали. Приятно было знать, что Ларри где-то есть, и обидно, что его нет.

НЕКРОЛОГ ЛАРРИ ФИЦДЖЕРАЛЬДА, СОСТАВЛЕННЫЙ ИМ САМИМ

Ларри Фицджеральд, родившийся на свет 12 октября 1937 года в Остине, штат Техас, отчалил 12 июня 2017 года.

Ларри окончил школу Маккаллума в Остине и Техасский университет. Он работал на многих техасских радиостанциях в качестве корреспондента, репортера и комментатора, а затем директором отдела по связям с общественностью в адвокатуре Техаса. Участвовал в политических кампаниях лейтенанта-губернатора Билла Хобби и губернатора Энн Ричардс.

Наибольшую известность Ларри снискал в качестве пресс-представителя техасского Департамента уголовного судопроизводства (самый крупный гулаг свободного мира) в Хантсвилле, штат Техас. В этом качестве Ларри наблюдал 219 казней, а также встречался с представителями многих техасских, национальных и международных СМИ. (Глубокий вздох.)

Он удостоился нескольких наград; одних заслуженно, других – не очень. Он регулярно сдавал кровь в качестве донора, причем довольно редкой группы, – исключительно полезной для пьяниц. В качестве волонтера социальной службы развозил еду беднякам, помогал в музее Буллока и получил звание «Волонтер года» по версии радиостанции Техасского университета.

После ухода из Департамента Ларри более 30 раз

выступал на процессах о преднамеренных убийствах в качестве эксперта со стороны защиты. В некоторых случаях выступал успешно, в некоторых – нет.

С уходом из Департамента государственная служба для Ларри не окончилась. Он работал в Управлении по чрезвычайным ситуациям, где помогал справляться с последствиями наводнений, пожаров и ураганов, а также с 2005 по 2013 год во время сессий законодательного собрания работал в секретариате техасского сената.

Ныне несуществующий техасский Департамент торговли в честолюбивых попытках привлечь крупнейших кинематографистов для съемок на землях Техаса поручил Ларри искать натуру. Это была интересная работа, и она позволила Ларри любоваться просторами Техаса, штата, который он очень любил.

У Ларри остались: его многострадальная жена Марианна Кук Фицджеральд, которую он ласково называл «невеста-дитя», дочь Келли Анна Фицджеральд, сын Кевин Лейн Фицджеральд с супругой Лорейн Фицджеральд – все родом из Остина. А еще остался бойцово-пастушеский пес Чарли, бывший его утешителем и спутником в поездках.

Еще при жизни Ларри ушли его отец, Клайд Джексон Фицджеральд, родившийся в Сан-Маркосе, и его возлюбленная мать, Дороти Тиллман Фицджеральд, появившаяся на свет в Смитвилле, штат Техас.

Ларри усердно трудился над поддержанием экономики Кентукки, Ирландии, Великобритании, Шотландии и Мексики. Ни разу в жизни ему не встретился несимпатичный бармен, – поэтому его печень стала похожа на копченую устрицу. Он гордился, что сдержал данное самому себе обещание: никогда не голосовать за республиканцев.

Эпилог. Помнить о своей работе?

После второго развода я пошла поменять фамилию в водительских правах на девичью. Стала заполнять анкету моим аккуратным и энергичным почерком и дошла до графы, где требовалось указать контактных лиц на случай чрезвычайной ситуации. Я указала родителей. Сорокалетняя мать-одиночка с двумя неудачными браками за спиной, – если я погибну в аварии, то позвонят моим родителям, потому что больше некому меня хоронить и оплакивать. Когда настала моя очередь подойти к окошку, я даже пошутила, – развод, мол, пришелся кстати, получу права с новой фотографией. А потом села в машину и заплакала, – давным-давно я не чувствовала себя такой одинокой.

Во мне все еще сидел страх, что меня все позабудут. Из-за шестнадцатилетнего юнца, который моментально нашел мне замену, я все эти годы была уверена, что меня легко сбросить со счетов. Однако, задумавшись о наиболее важных отношениях в своей жизни, я поняла: ничего подобного. Меня никогда не забывали сразу, не было полных разрывов, люди всегда старались восстановить отношения, и я не отказывалась дать второй шанс тем, кто просил. Многие желали сохранить хотя бы часть наших отношений. Один бывший бойфренд сказал недавно, что иногда вспоминает меня за рулем – я веду машину с опущенными стеклами и распеваю какую-то песню в унисон с радио. Я подобного не помню, но очень рада, что в его памяти осталась именно такой. В конце концов я поняла свою ошибку: дело вовсе не во мне, просто мальчик, у которого бушевали гормоны, желал провести лето с девушкой – с любой. И эта ошибка впечатлительной девочки столько лет омрачала мне окружающий мир и портила жизнь! Да какое мне дело, помнит меня кто-то или нет?! И я сказала себе: «Давай-ка, соберись и не тащи в свою жизнь всякий мусор. Если с тобой порвали отношения и забыли о тебе – это их дело. Пора подвести итоги и шагать вперед».

Кладбище Джо Берда, где уже 150 лет хоронят техасских преступников, в ясный летний день выглядит умиротворяюще, ну а в плохую погоду мрачновато. Это кладбище – памятник пропащим жизням и пример того, каким бывает настоящее забвение. Здесь не увидишь охапок цветов на могилах. Если человек умирает в тюрьме Хантсвилл и никто не хочет забрать его останки, то он обычно попадает именно сюда. Сотни мертвых мужчин и женщин лежат под крестами без надписей – пережиток тех дней, когда никого не интересовало, жили ли они вообще, не

говоря о том, в какой день умерли.

Теперь, когда умирает заключенный из общего отделения, он получает надгробный камень, изготовленный другими заключенными, с грубо высеченными именем и датой смерти.

До недавнего времени на могилах казненных указывались только дата смерти и тюремный номер, да еще латинская буква «X», означающая, что ужас его преступления пребудет с ним вечно. Теперь ставят еще и имя.

Здесь на могильном камне не пишут о том, когда человек пришел в мир, где умер или почему вообще оказался в тюрьме. Мошенник или угонщик машин может покоиться рядом с насильником или детоубийцей. Во время моего недавнего туда визита я заметила надгробный камень некоего Тиллмана Симмонса, – на нем написано, что он казнен на электрическом стуле 26 сентября 1927 года. «Гугл» помог узнать, что к смерти его приговорили за убийство человека по имени Фрэнк Юзри, совершенное в округе Беар 20 августа 1924 года. Правда, стрелял в Юзри не Симмонс, а его подельник Мэттью Бриско. Осудила бы я Симмонса на смерть? Наверное, нет.

Недалеко от Симмонса похоронен Джордж Хассел, который в ночь на 5 декабря 1926 года убил жену и восьмерых детей, действуя молотком, бритвой, топором и ружьем. Он отправился на электрический стул 10 февраля 1928 года, и я говорю: пусть гниет в аду.

Метрах в пятидесяти от Симмонса лежит Томас Мейсон – тот, кто напомнил мне моего дедушку. Когда Мейсона арестовали, он засмеялся и сказал: «Тоже мне великое преступление – избавился от тещи». Думаю, он свое заслужил.

Через несколько рядов от Мейсона упокоился Спенсер Гудман, похожий на моего друга детства. Ближе к дороге похоронен Кеннет Макдафф. А рядом с ним – какой-то безымянный узник, несчастная душа.

Мне стало не по себе: я мигом узнала, какое преступление совершил Тиллман Симмонс, а вот некоторых людей, чью казнь видела, даже не помню. Что это обо мне говорит? Нормальна ли такая забывчивость? Может, что-то со мной не так, а может, ничего страшного, их же так много… Я обычно говорю про 280 казней, но точно не знаю. Их могло быть, например, 278 или 283. Ведь и журналист не помнит всех, у кого брал интервью, и хирург не помнит каждого, кого оперировал…

Все они там – в шкафу в моем кабинете. Иногда я достаю папку, читаю заметки, сделанные собственной рукой, читаю документы и все равно не могу вспомнить казнь.

В тот день, вернувшись домой с кладбища, я открыла этот

шкаф – уже битком набитый, – чтобы кое-что освежить в памяти. Наполеон на тюремном снимке кажется смущенным и виноватым, но, вероятно, мне просто хочется так думать, – у Гэри Грэма выражение лица примерно такое же. Вообще-то для выражения лица на большинстве полицейских снимков подходит слово «обреченность». День, когда делается фотография, – начало конца. Во всяком случае, конца нормальной жизни.

Я обнаружила, что последним заключенным, чью казнь я видела, был не Джордж Ривас, как я думала, а некто по имени Кейт Тормонд, которого я никак не могу вспомнить. Вот до чего у меня расшатались нервы: я не просто про него забыла, его казнь вообще не отложилась у меня в памяти. Тормонд в приступе ревности убил бывшую жену и ее приятеля, живших от него через дорогу. Все улики указывали на него, но, лежа на кушетке, он яростно отстаивал свою невиновность. Согласно моим заметкам, последние слова, которые я слышала в комнате смерти: «Давайте, кончайте с этим… Вкус уже чувствуется».

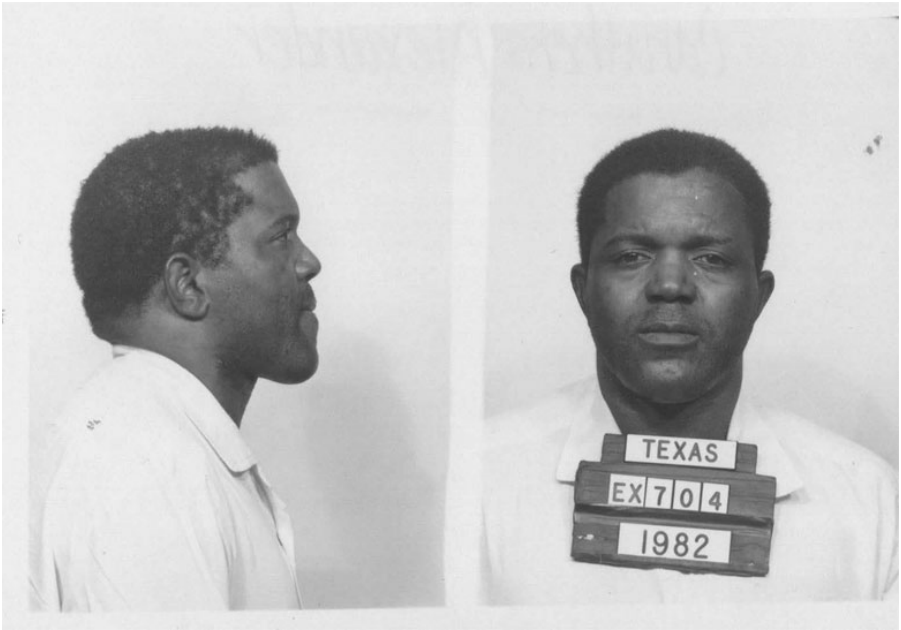
Но где же тот, чьего имени и преступления я не помню, зато его лицо навсегда врезалось мне в память? Я так и вижу его – уставился в потолок, а по щеке ползет слезинка. Вижу комнату для свидетелей, где все для него чужие. Остальное покрыто мраком. Может, он заслужил забвение? Или же я обязана вспомнить?

Я начала просматривать папки, пропуская те, что помнила хорошо – самые страшные преступления; люди, которые мне писали; заключенные, удивлявшие своей эрудицией; те, кто меня смешил…

И я его нашла: Карутерс «Гас» Александер, на снимке еще молодой, но с теми же характерными чертами, второй по алфавиту в моем шкафу. Можно было сэкономить кучу времени…

Рано утром 23 апреля 1981 года фургон Александера столкнулся с машиной Лори Брач, официантки из ночного клуба. По словам обвинителя, он обманом заставил ее выйти из машины, связал, изнасиловал и задушил. Вскоре ее тело обнаружили в канаве с водой. У нее остался маленький сын. Александер просидел в отделении смертников 18 лет, а потом анализ ДНК подтвердил его виновность. Результаты анализа он назвал «чушью». Если верить адвокату, Александер был человек неглупый, грамотный, добродушный и в дальнейшем не опасный. Казнен 29 января 2001 года. Согласно вырезке из моей статьи в «Айтем», на казни присутствовали родные убитой девушки. Меня сильно расстроило, что я совершенно этого не помню. Зато я не ошиблась насчет того, что со стороны Александера не пришел никто.

Во время ареста Александер жил с гражданской женой и двумя ее детьми, которые ко времени казни уже выросли. Не знаю, забыли они о его существовании или он просил их не приходить. Возможно, на кладбище я прошла мимо могилы Александера, которую никто не навещает. Не знаю, порадовала ли кого-нибудь его казнь. Принесла ли она мир семье убитой девушки? Почувствовал ли кто-нибудь, что победил? Или Наполеон Бизли прав, и казнь всех нас делает жертвами?



Карутерс «Гас» Александер на тюремном снимке

Выражение признательности

Когда я только уволилась из Департамента, то пребывала в сильном расстройстве – не могла толком осознать, что со мной произошло, кто я вообще и как жить дальше. Вдобавок меня мучили воспоминания о том, что мне довелось видеть, и я словно оказалась под перекрестным огнем, не знала, куда идти. Понимала только, что нужно как-то привести свою жизнь в порядок и двигаться вперед.

И тут на сцене появилась моя дорогая подруга Памела Комофф, в то время – репортер успешного журнала «Техас мансли». Беседуя с необычайно талантливой Пэм на тему, по которой она тогда собирала информацию, я упомянула о своих мучительных раздумьях, о сценах казней, вертящихся у меня в голове, и о том, что Ларри много лет страдал от той же беды. Пэм предложила написать статью, и я решила: вот мой шанс избавиться от неразберихи, царящей у меня в голове, как-то упорядочить мысли. Мы беседовали с ней не один час, и в результате получилась статья «Свидетель», опубликованная в сентябрьском номере «Техас мансли» в 2014 году. Я всегда буду благодарна Пэм за то, что она вынесла нашу историю на бумагу; для меня, как и для Ларри, это стало настоящим очищением – просто рассказать обо всем вслух. Когда я говорю, что мы очень любим Пэм, я говорю от имени нас обоих.

В феврале 2016 года Эд Хэнкокс продюсировал и снял для Би-би-си прекрасный сюжет о нашем дорогом Ларри Фицджеральде – «Человек, видевший 219 казней». Сюжет увидел Ник Уолтерс, которого я теперь знаю и которым восхищаюсь, – сотрудник литературного агентства «Дэвид Лакстон ассошиэйтс». Посмотрев сюжет, Ник разыскал статью в «Техас мансли», а потом нашел и меня. Он представился и задал волшебный вопрос: «Вам никогда не хотелось написать книгу?» А остальное – уже история. Спасибо вам, Ник, за дальновидность и безустанный труд – от Ларри и от меня. Вы стали нашим адвокатом, и если бы не вы, не было бы этой книги.

Спасибо замечательной Келли Эллис, директору издательства, и чудесной Бет Эйнон, редактору «Блинк паблишинг». Вы обе так отдавались этому проекту, и ваш энтузиазм был заразителен. Я всегда знала, что мы в надежных руках, и доверяла вам на протяжении всего пути, – спасибо, что так хорошо о нас заботились.

Еще есть Бенджамин Дирс, которому досталась самая каторжная работа – переводить в текстовую форму целые часы

моих интервью, – а говорю я в два раза быстрее любого американца. Огромные дозы алкоголя и безудержного веселья связали нас узами, которые, уверена, сохранятся навечно. Ферма аллигаторов и дома абсента, бары и пивные сады, магазинчики вуду и самые сомнительные забегаловки, которые только можно представить, – там мы пережили удивительные приключения. Когда соскучишься, слушай Глена Кэмпбелла, думай обо мне и помни, что в скрабл я надеру тебе задницу в любой момент. Спасибо за работу; ты выкладывался по полной.

Говорю спасибо своим папе и маме: вы – тот фундамент, на котором держится моя жизнь. Из-за вас я тянула с написанием этих строк, – потому что где найти слова, чтобы поблагодарить людей, давших тебе все? Когда моя жизнь разваливалась, вы оказывались рядом и помогали ее наладить. А если мне что-то удавалось, вы сразу были тут как тут, спешили меня похвалить. Я люблю вас обоих сильнее, чем могут сказать слова, я так благодарна за все, что вы мне дали, чему научили, и за вашу любовь. Знайте: я такова, какова есть, благодаря вам… кроме привычки ругаться – это уж мое собственное. Я очень вас люблю.

Спасибо моему брату – лучшему другу, который всегда остается DSD1 (кто не понял, – не переживайте, тут личное). Ты видишь, когда мне нужен хороший пинок, чтобы идти дальше, и не даешь долго упиваться жалостью к себе. Я всегда знала, что ты мной гордишься больше, чем все прочие, и, надеюсь, понимаешь: чувство это взаимное. Никто меня так не умеет смешить, как ты, и никто никогда не будет понимать меня лучше, чем мой братик. Люблю тебя, амиго.

Спасибо моей дочери – моему сердечку; ради тебя я живу и делаю то, что делаю. В детстве ты думала, что у Бога есть специальный шкаф, и он выдвигает ящики, достает оттуда детей и смотрит, каким родителям они подходят, – и так он подобрал тебя для меня. Я как нельзя более согласна. Мы с тобой предназначены друг для друга. Я горжусь тобой и горжусь, что я твоя мама, – и мою любовь не высказать словами. Я люблю тебя.

Благодарю всех моих прочих родных и друзей. Я всегда считала, что нас создают те, кого мы любим и кто любит нас, и мне повезло иметь прекрасную дружную семью и замечательных друзей. Спасибо, что принимаете меня со всеми моими изъянами и выкрутасами, поддерживаете и любите, даже когда любить не за что.

И, наконец, – спасибо сотрудникам техасского Департамента уголовного судопроизводства – мужчинам и женщинам, выполняющим неблагодарную работу во имя общественной безопасности, спасибо, что трудитесь, принося себя в жертву,

защищаете народ великого штата Техас. Вы делаете тяжелую работу за малую плату, вы проводите праздники вдали от семей, вы платите своей жизнью за наше спокойствие. Спасибо вам за службу.

notes

Примечания

1

Хантсвилл – название города и тюрьмы; тюрьмы в США иногда именуют по названию местности, где они расположены. Тюрьма Хантсвилл считается главной административной единицей: до недавнего времени руководство техасского Департамента уголовного судопроизводства располагалось на ее территории. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

2

Синко де Майо – мексиканский национальный праздник в честь победы в битве при Пуэбле 5 мая 1862 г. во время франко-мексиканской войны 1861–1867 гг.

3

Тюрьма Террелл – ныне тюрьма Полунски (переименована в честь Алана Полунски, одного из председателей техасского Департамента уголовного судопроизводства) – находится в округе Полк, штат Техас; открыта в 1993 г.

4

Английское слово «bar» имеет несколько значений, в том числе и «адвокатура».

5

Уильям Хобби – американский политик, вице-губернатор штата Техас с 1973 по 1991 г.

6

Энн Ричардс – губернатор штата Техас с 1991 по 1995 г.

7

Дэвид Кореш (наст. имя Вернон Хоуэлл) – лидер американской религиозной секты; погиб в 1993 г., во время пожара при осаде полицией принадлежавшего секте поместья.

8

Библейский пояс – обширный регион на юго-востоке США, включающий более десяти штатов, в т. ч. Техас; люди здесь отличаются религиозностью и консервативными взглядами.

9

«Новые черные пантеры» – леворадикальная националистическая организация чернокожих американцев.

10

Дэнни Гловер – американский актер и общественный деятель.

11

Спайк Ли – американский кинорежиссер, сценарист и актер, чье творчество в основном посвящено теме расовых конфликтов в США.

12

Кенни Роджерс – американский певец и киноактер, один из известнейших исполнителей песен кантри.

13

Джесси Джексон – баптистский священник, общественный деятель, правозащитник, один из самых влиятельных афроамериканских религиозных лидеров.

14

Альфред Шарптон – баптистский священник, политический активист, защитник прав чернокожих американцев.

15

Тюрьма Эллис, названная в честь Оскара Эллиса, одного из руководителей техасской тюремной системы, расположена в округе Уокер, Техас; открыта в 1965 г.

16

Тюрьма Пеликан-Бей – государственная тюрьма сверхстрогого режима в округе Дель-Норте, штат Калифорния; открыта в 1989 г.

17

Тюрьма Гейтсвилл – ныне тюрьма Крэйн (переименована в честь Кристины Крэйн, первой женщины – председателя техасского Департамента уголовного судопроизводства) – расположена в округе Корьелл, штат Техас; открыта в 1980 г.

18

«Желтая роза Техаса» (прозвище мулатки Эмили Вест, сыгравшей, по легенде, важную роль в присоединении Техаса к США) – почетное звание, присваиваемое жительницам штата за заслуги перед обществом.

19

Десмонд Туту – архиепископ Кейптаунский (англиканская церковь), первый чернокожий епископ в ЮАР.

20

Кристиан Аманпур – британская и иранская журналистка и телеведущая.

21

Party platter (*англ.*) – тарелка с красиво разложенными закусками, буквально: блюдо для праздника.

22

Тюрьма Берд, названная в честь Джеймса Берда, бывшего начальника тюрьмы; открыта в 1964 г.

23

Английские слова dirt (земля, грязь) и yoghurt (йогурт) отдаленно созвучны.

24

В апреле 2011 г. Техасская комиссия по судебной экспертизе опубликовала отчет о дополнительном расследовании по делу Уиллингэма и вынесла решение, что факт поджога не доказан.

25

Слегка измененные строки из песни Венди Кларк «To The Beat Y’all».

26

В Российской Федерации смертная казнь законодательно не отменена, но с 1996 года, с момента вступления страны в Совет Европы, в России действует мораторий на применение такой меры наказания преступников, ее альтернативой является пожизненное заключение. – *Примеч. ред.*

27

От англ. «escape» – сбегать, совершать побег.

28

Тюрьма Конналли (названа в честь Джона Конналли, бывшего губернатора Техаса, политика и государственного деятеля США) – тюрьма сверхстрогого режима, расположенная в округе Карнс штата Техас; открыта в 1995 г.

29

Уголовный кодекс штата Техас, статья 7.02. – уголовная ответственность за поведение другого лица.

30

Тюрьма Уинн (названа в честь Джона Уинна, сотрудника тюрьмы, затем члена администрации тюремной системы) – мужская тюрьма, расположенная в округе Уокер штата Техас; открыта в 1883 г.

31

По-видимому, речь идет о Дэвиде Ли Пауэлле, застрелившем в 1978 г. Ральфа Абланедо.

32

«Дейтлайн» (*англ.* Dateline) – еженедельное новостное шоу на канале Эн-би-си, сосредоточенное в основном на криминальных сюжетах.

33

«Сорок восемь часов» – новостной документальный сериал.

34

Опрос, проведенный одним из учреждений для изучения общественного мнения, созданных Джорджем Гэллапом.

35

Score – счет (в игре), итог; а также партитура (*англ.*).